

МАРК ФЕРРО

КАК

РАССКАЗЫВАЮТ

ИСТОРИЮ

ДЕТЯМ
В РАЗНЫХ
СТРАНАХ
МИРА

Марк Ферро

Как рассказывают историю детям в разных странах мира

Как рассказывают историю детям в разных странах мира:

Высшая школа; 1992

ISBN 5-06-001839-3

Аннотация

В книге известного французского историка Марка Ферро рассказывается о том, как изучают историю в школах стран Африки и Австралии, Ближнем Востоке, Германии, Японии, США, Китае, Польши, России и др. Материал излагается в популярной форме. Книга снабжена хронологическими таблицами, библиографией и комментариями.

Содержание

От автора	8
От переводчика	10
Предисловие	13
1. Пережитки «белой» истории:	24
Йоханнесбург	
Хронология	25
	29
От великого трека к Марко Поло	33
Добродетель и мужество буров	39
Как трудно быть поселенцем	42
Проблема «национальных отечеств»	47
африканцев и оправдание апартеида	
Расистская добросовестность	49
«Черная» контристория?[5]: Кредо Мутва	54
2. Деколонизированная история: Черная	60
Африка	
Стратификация истории в Черной Африке	60
От истории к легенде: Чака, король зулу	61
Пространство прошлого	66
Вторая страта: «Наши предки галлы»	68
Свидетельство молодой сенегалки Соу	72
Ндеи	
Запрограммированная деколонизация	75
На что бросает свет и о чем умалчивает	80

новая африканская история	
Чеддо и ислам	85
Антихристианская традиция поэзии суахили	87
Торговля в одном направлении	90
3. Заметка о Тринидаде: история- заклинание	92
4. Индия: история, лишаемая сущности	103
Хронология	103
Исключительная древность и мудрость Индии	106
Чудесная история Рамы и Ситы[13]	108
Очищение и секуляризация истории	111
Букет цветов Ашоки[17] (273 г. до н. э.)	115
О чем не рассказывают юным индийцам	118
Вызов ислама	122
Величие и упадок Великих Моголов	126
Подвиги Шиваджи	129
Англичане, или сказка об обезьяне и двух котах	132
Лицом к лицу с англичанами: непрекращающееся сопротивление	135
Видение победителей	141
Видение индийцев	148
5. История ислама или история арабов?	153
Роль географии	160
Урок ислама	163

Два видение арабов: Ирак	167
Египетская версия	169
Представление об арабском «завоевании»: освобождение	171
Арабы в Азии	173
Арабские династии и генеалогия семьи Мухаммеда	179
Арабизация истории ислама	181
Мусульмане и евреи	186
В основе несчастий арабов – империализм	188
Египет в авангарде антиимпериалистической борьбы: от Мухаммеда Али до Насера	190
Насер – история в картинках	192
Крестовые походы в Израиль	199
А существовала ли вообще французская колонизация Алжира?	203
Перевернутая история	205
«Арабское средневековье было периодом процветания»	208
«Французский Алжир»	213
6. Персидский и турецкий варианты Арабо- мусульманский мир и Иран	216
Краткая хронология	216
	221
Персы, арии, основатели первой великой	223

религии	
Сила и терпимость – добродетели державы Сасанидов	228
Арабское завоевание	229
Имам Али, настоящий иранский крестьянин	231
Блеск мусульманской Персии	234
«Восстановить величие, существовавшее до арабов»	238
Ассасины (курильщики гашиша)	241
Сефевидская реставрация	242
Величие и упадок	246
Появление русских и англичан	249
Поэзия поддерживает патриотическую историю	252
Турция: прославление гуннов и кочевых цивилизаций	256
7. От священной истории к истории отечества и государства: взгляд из Европы	260
Испания: праздник – свидетель истории	262
История во времена нацистов	268
Триумф лжи	282
Фальсификация путем перестановки	283
То, что постыдно, переносится на других	284
Франция: тяга к истории и страх перед ней	286
Примечание	308

Марк Ферро

Как рассказывают историю детям в разных странах мира

От автора

Прошло десять лет после выхода в свет книги «Как рассказывают историю детям». У Вас в руках советское ее издание. До этого переводы книги вышли в Англии и в США, в Японии и в Италии, в Португалии, в Бразилии, в Нидерландах. Готовятся немецкое и испанское издания.

Но, конечно же, публикация этой книги на русском языке представляет для меня наибольший интерес. Именно в вашей стране сегодня, как нигде, высоки ставки истории. Не построишь будущее страны не представляя себе как следует ее прошлого и не зная ничего о том, как видят свою историю другие общества.

В тексте книги я ничего не менял, хотя сам ход истории меняет в жизни многое. Лишь в главе об СССР я дописал несколько страниц о проблемах истории в пе-

риод перестройки. Добавлена также глава о второй мировой войне; она написана совсем недавно. В других местах все осталось так, как было десять лет назад. Причем я должен предупредить читателя, что если история Западной Европы занимает в книге ограниченное место, то это сделано умышленно. Пришло время отказываться от европоцентристского понимания истории. И я стремился к этому.

Остается добавить, что без квалифицированной и умной помощи Елены Лебедевой это издание не увидело бы света. И я приношу ей мою благодарность.

Марк Ферро

От переводчика

Переводить сочинение Марка Ферро было трудно. «Гигантский замысел книги, отдающий манией величия», который оправдывает в предисловии автор, ставит и перед переводчиком множество проблем освоения разнородного и обширного материала: исторического, строно– и киноведческого, педагогического. Совершенно бесценной в этой работе была помощь специалистов в разных областях истории, отвечавших на мои вопросы, дававших библиографические справки, наконец, взявших на себя труд прочесть тексты отдельных глав в переводе и высказать свои замечания. Я приношу самую сердечную благодарность М. С. Альперовичу, А. С. Балезину, И. А. Белявской, Ю. Л. Бессмертному, О. И. Варьяш, А. А. Вигасину, Р. Р. Вяткиной, А. Я. Гуревичу, М. В. Исаевой, А. В. Коротаеву, С. И. Лучицкой, А. Н. Мещерякову, А. С. Намазовой, С. В. Оболенской, Б. Н. Флоре, Г. С. Чертковой.

Перед читателем этой книжки также встанет немало проблем. Калейдоскоп дат, имен, названий, исторических событий, ученых сочинений и учебников для детей, фильмов и комиксов – чего здесь только нет. И далеко не все легко воспринимается без помощи комментариев. Однако совершенно невозможно было проком-

ментировать каждое имя, каждый факт, событие, которые могут оказаться не известными читателю неспециалисту. Это была бы еще одна книга. Комментарии (на них указывают в тексте звездочки) даются лишь там, где они необходимы для точного восприятия мысли автора, и особенно в тех случаях, когда найти информацию в советских справочных изданиях затруднительно.

Несмотря на сказанное, книга Марка Ферро предназначена не только для специалистов историков и педагогов. Она рассчитана прежде всего на широкого читателя. Автор не сковывает себя правилами строгого научного сочинения, это эссе, написанное в совершенно непринужденной манере, как непринужденна и сама его композиция.

Те или иные построения автора могут вызывать сомнения, желание спорить; текст книги все время берет сознание, будоражит мысль. Он заставляет задуматься, причем не только о смысле науки истории, о том, как наука соотносится с историей, «отпускаемой» всем и каждому. Задумываешься и о том, какова ее роль в формировании взаимоотношений между людьми, группами людей, между народами. И многие мысли автора этой книги оказываются интересными именно для нас, прежде всего для нас. Вот почему, несмотря на все трудности, работа над переводом была удовольствием. Я надеюсь, что его разделят со мной читатели.

Е. Лебедева

Предисловие

Посвящается Вонни

Не нужно себя обманывать: образ других народов или собственный образ, который живет в нашей душе, зависит от того, как в детстве нас учили истории. Это запечатлевается на всю жизнь. Для каждого из нас это открытие мира, открытие его прошлого, и на сложившиеся в детстве представления впоследствии накладываются как мимолетные размышления, так и устойчивые понятия о чем-то. Однако то, что удовлетворяло нашу первую любознательность, пробуждало наши первые эмоции, остается неизгладимым.

Надо суметь разглядеть, различить это неизгладимое, идет ли речь о нас или о других – о Тринидаде, равно как и о Москве или Йокогаме. Это будет путешествие в пространстве, но, разумеется, и во времени. Его особенность – преломление прошлого в зыбких образах. Это прошлое не только не является общим для всех, но и в памяти каждого оно преобразуется с течением времени; представления наши меняются, по мере того как трансформируются знания, идеологии, по мере того как изменяются функции истории в том или ином обществе.

Сопоставить все эти представления стало в высшей степени важно сегодня, ибо с расширением границ мира, со стремлением к его экономической унификации при сохранении политической обособленности прошлое различных обществ становится более чем когда бы то ни было одной из ставок в столкновениях государств, наций, культур и этнических групп. Зная прошлое, легче овладеть настоящим, придать законные основания власти, претензиям. Ведь именно господствующие структуры: государство, церковь, политические партии и группы, связанные частными интересами, – владеют средствами массовой информации и книгоизданием, финансируют их от выпуска школьных учебников или комиксов до кино или телевидения. Прошлое, которое они отпускают всем и каждому, становится все более и более единообразным. Отсюда глухой протест со стороны тех, чья История оказывается «под запретом».

Впрочем, какая нация, какая группа людей способна еще воссоздать свою собственную историю? Даже у древних народов, имевших объединения и государства в незапамятные времена (вроде волжских хазар или королевства Арелат), их групповая самобытность оказывается растворенной в безымянном прошлом. На Востоке, от Праги до Улан-Батора, все этнические и национальные конфликты до последнего времени объяснялись согласно одной и той же модели,

принадлежащей якобы Марксу, но в московской интерпретации. А все общества Юга деколонизируют свою историю, и часто теми же средствами, какими пользовались колонизаторы, т.е. конструируют историю, противоположную той, что им навязывали прежде.

Сегодня у каждой или почти у каждой нации есть несколько историй, накладывающихся одна на другую и сопоставляющихся одна с другой. В Польше, например, та история, что совсем недавно преподавалась в школе, заметно отличается от той, которую рассказывали дома. Русские играли в этих историях не совсем одинаковую роль... Мы обнаруживаем здесь столкновение коллективной памяти с официальной историографией, и в нем наверное проблемы исторической науки проявляются гораздо четче, чем в трудах историков.

История в том виде, как ее рассказывают детям, да и взрослым, позволяет одновременно узнать и то, что общество думает о себе, и то, как изменяется его положение с течением времени. Нужно только не ограничиваться изучением школьных учебников, комиксов, а попытаться сопоставить их с постулатами современной науки. Например, история армянского народа та, что преподают в Советской Армении, та, что учат дети диаспоры (и многие дети в Армении, но дома, в домашнем кругу), и та, которую представляет общераспространенное толкование всемирной истории, – это три

разные версии истории. Причем нельзя утверждать, что последняя более реалистична или более законна, чем другие.

В самом деле, истории, независимо от ее тяги к научному знанию, присущи две функции: врачевание и борьба. Эти миссии осуществлялись в разные времена по-разному, но смысл их остается неизменным. Независимо от того, восхваляется ли Иисус Христос во франкистской Испании, нация и государство в республиканскую эпоху во Франции, коммунистическая партия в СССР или в Китае, история остается одинаково миссионерской: наукообразие и методология служат не более чем «фиговым листком» идеологии. Бенедетто Кроче писал в начале XX в., что история в большей мере ставит проблемы своего времени, чем той эпохи, которую, как предполагается, она изучает. Так, фильмы «Александр Невский» Эйзенштейна и «Андрей Рублев» Тарковского, воскрешая русское средневековье, информируют нас один о сталинской России и ее опасениях, связанных с Германией, другой – об СССР брежневских времен, его стремлении обрести свободу и его проблемах в отношениях с Китаем. История, которую преподают сегодня маленьким африканцам, говорит о современных проблемах черного континента не меньше, чем о его прошлом. Книжки для детей призваны там прославлять великие африканские империи прошлого, великолепие которых сопоставляет-

ся с упадком и отсталостью феодальной Европы в ту же эпоху. Это определенно выполнение функции врачевания. Или там же – и это тоже весьма актуально – клубок спорных вопросов, порожденных конфликтом с исламом, замалчивается, они преуменьшаются или даже при помощи сослагательного наклонения ставится под сомнение их правомерность.

В Карибском регионе, где население лишено корней (негры, китайцы, индийцы и т.д.), история в переложении для детей преобразует потомков прежних рабов и кули в граждан мира, которые одни только имеют преимущество принадлежать ко всем культурам человечества. История рабства представляется таким образом, что черный ребенок на Ямайке меньше сочувствует участи своих предков, чем участи несчастных англичан, которых отправляли в Италию во времена Цезаря и которые были первыми рабами.

Что касается функции истории как борца, то тут на ум приходят прежде всего манипуляции, практиковавшиеся в СССР. Долгое время предавался забвению Троцкий, а говорилось только о Сталине, затем имя Сталина исчезло или почти исчезло, а Троцкого стали цитировать часто, но лишь для того, чтобы осудить. С началом перестройки вновь появился Бухарин, стали мягче писать о Троцком, вспомнили Мартова... Еще более радикальна эволюция образования в США. Она состоит в переходе от идеологии *melting-pot* (Амери-

ка, как «плавильный котел», в котором перемешиваются народы, превращаясь в единое целое) к идеологии salad-bowl («салатница»), согласно которой каждая культура сохраняет свою самобытность.

Однако несмотря на все изменения, существует своего рода матрица истории каждой страны: это доминанта, запечатленная в коллективной памяти общества. И очень важно знать суть этой матрицы. Истории и легенды, из которых она состоит, будь то героические подвиги Шиваджи в Индии, злоключения Йосицунэ в Японии, приключения Чаки, короля зулу, или рассказы о Жанне д'Арк, всегда превосходят колоритностью и выразительностью любой анализ; это вознаграждение историку, который тоже ведь является читателем.

Таким образом, я не собираюсь излагать в этой книжке истину, приемлемую для всех, это был бы абсурд и выдумка. Я хотел бы воссоздать разные образы прошлого, которое было пережито многочисленными обществами нашего мира. Разумеется, очень может так случиться, что какой-то образ будет представлять собой прямую противоположность другому; это будут противоположные «истины». В таком случае пусть меня простят: профессиональная привычка историка всякий раз заставляет меня пытаться восстановить правду.

Конечно, в этом кругосветном путешествии по далеким образам прошлого, преподносимым детям СССР

или детям Тринидада, я не буду рассматривать всю историю этих стран. Тем не менее я попытаюсь дать общее представление об общностях или нациях, которые оказались в моем поле зрения, верное, насколько возможно, поскольку именно такой общий взгляд лежит в основе представлений любого человека. Я не упущу случая сопоставить разные интерпретации одной и той же проблемы, но я не стану и злоупотреблять этим, так как в этой книге меня интересует каждая национальная история в своей целостной самобытности, видение прошлого, присущее каждой культуре.

Итак, речь идет о том, чтобы поставить под сомнение саму идею традиционной «всемирной истории». Я не веду повествование, начинающееся со времен фараонов и завершающееся похоронами Хомейни или разрушением Берлинской стены, ибо подобный порядок изложения означал бы молчаливое приятие идеологизированного видения истории под знаком ли христианства, марксизма или же попросту приверженности идее прогресса. Равным образом такой порядок означал бы молчаливое признание европоцентризма, потому что в этом случае народы «входят» в Историю лишь тогда, когда их «открывают» европейцы. А в этой книге все совсем по-другому.

Мы неоднократно встретимся с европейским взглядом на историю, но в связи с историей остального мира. А что касается других сторон этой столь хорошо

нам знакомой истории, то на страницах этой книги мы сможем соприкоснуться лишь с некоторыми из них.

Ведь достаточно припомнить, что эта история будет одной и той же или почти одной и той же, глядят ли на нее из Парижа или Милана, из Берлина или Барселоны или даже из Загреба. История отождествляется при этом с историей Запада, и здесь обнаруживается проявление одного и того же этноцентризма, только на разных уровнях. Первый – это когда имеются в виду взаимоотношения Европы с народами Азии и Африки или когда внутри самой Европы в русской истории изучают, например, главным образом время после Петра Великого, т. е. время, когда эта страна «европеизируется». Таким образом, и христианство, и технический прогресс, по сути дела, отождествляются с Европой.

Второй уровень этноцентризма проявляется во взаимоотношениях каждой страны с ее соседями. Например, во Франции после того, как появляется имя Карла Великого, Священная Римская империя германской нации практически больше не упоминается, а между тем она существует еще в течение девяти веков. Если и вспомнят, то лишь ее конец в 1806 г. для того, чтобы подчеркнуть роль, которую сыграл Наполеон в ее крушении. Точно так же недооценивают французы и роль романтизма, расцветшего в Германии, его влияние на Европу, зато настаивают на важности последствий Французской революции 1789 г. для Германии.

Этот второй тип этноцентризма особенно развит во Франции, в Испании и в Англии; он меньше распространен в Италии, где общенациональное государство сформировалось позже. Зато в Италии (как и во Франции) в истории практикуется этноцентрический подход третьего типа, при котором преувеличивается роль Северной Италии или Северной Франции по отношению к южным провинциям. В Великобритании эта особенность уже давно преодолена: истории Уэльса, Шотландии и Ирландии анализируются сами по себе, а не только в связи с Лондоном, с английским правительством. За «всемирной историей», написана ли она во Франции, в Италии или где-то еще, скрывается этноцентризм в разных формах. В ней все «зарождается» в древнем Египте, Халдее и Израиле, она получает свое развитие в великих цивилизациях Греции и Рима. «Средние века» начинаются с падением Западной Римской империи в 476 г. и с великими варварскими нашествиями, а завершаются с падением Восточной Римской империи в 1453 г. и с турецким завоеванием. Великие географические открытия, гуманизм и Реформация открывают «новое время», а оно уступает место современной эпохе, ведущей отсчет от революции 1789 г.

Я, как увидит читатель, следовал другой логике. Я не стану утверждать, что мой путь – наилучший. Но я предлагаю читателю пройти по нему вместе со мной.

Конечно, я не могу помешать ему начать с главы об исламе или с главы о Японии. Я знаю, читатель будет перелистывать книжку, блуждая по страницам, поэтому я почти везде в начале главы поместил своего рода хронологические ориентиры как простую памятку. И еще одно слово читателю.

Гигантский замысел этой книги несколько отдаёт магией величия, и я должен объясниться и оправдать неизбежные слабости его реализации.

Выбрав пятнадцать – двадцать обществ, которые здесь фигурируют, нужно было исследовать огромное количество учебников, фильмов, комиксов, исторических романов и т. д. на неведомое количество языков, не говоря уже о знакомстве с каждой из этих культур, с поворотами истории каждой нации, со всем разнообразием ее историографии. Это, однако, не испугало меня, я не отказался от идеи, но отказался от мысли, что каждая глава станет «докторской диссертацией»: для этого не хватило бы целой жизни. Да и работа была бы совершенно напрасной, так как, едва пробежав дистанцию до конца, я должен был бы вновь засесть за книги, фильмы и что-то еще, созданное новым поколением, новым бытием. Обилием и разнообразием материала объясняются серьезные различия в подходах к изложению в разных главах книги. Я вполне осознаю, что некоторые мои построения более вольны, чем другие, некоторые разделы всего лишь описа-

тельны, реже, чем хотелось бы, поднимаются педагогические проблемы. Но, как я надеюсь, мне по крайней мере удалось очертить панораму без сколько-нибудь важных лакун и впоследствии я смогу преобразовать в главы то, что здесь предлагается лишь в более скромной форме заметок.

Пусть читатель только знает, что я испытывал удовольствие, истинную страсть, когда работал над этой книгой, когда ее писал.

Пусть же она, мой друг, поможет тебе, как и мне, лучше понять ближнего твоего.

1. Пережитки «белой» истории: Йоханнесбург

«— Скажи, мама, почему не любят евреев?
— Потому что они убили Иисуса и отравляли колодцы: когда я была маленькой, меня так учили по Катехизису...

Гейдрих: Я знаю, все это ложь, но какая разница; эта традиция может быть нам полезной».

«Холокост»

Брюссель во время немецкой оккупации

«Член организации помощи – И все же, почему вы больше не хотите прятать ребенка?»

Гражданин – Потому что он вор...

Член организации помощи – Вор... Но ему нет еще четырех лет...

Гражданин – И тем не менее он вор...

Член организации помощи – Ну, послушайте, возможно ли это? Что же он украл?

Гражданин – Он украл младенца Иисуса...

Член организации помощи – Украл младенца Иисуса?

Гражданин – Да, мы с женой готовили рождественские ясли, а он тайком украл младенца Иисуса.

Член организации помощи (ребенку-

еврею) – Это правда, ты украл младенца Иисуса?

Ребенок (упрямо) – Неправда, я не украл, я не украл...

Член организации помощи – Послушай, Самуил, скажи нам правду. Эти дядя и тетя хотят тебе только добра; ты же знаешь, они прячут тебя от немцев...

Ребенок (в слезах) – Я не украл... я не украл... ведь младенец Иисус... он еврей... я его спрятал... я укрыв его от немцев...»

По сценарию фильма Э. Хоффенберга и М. Абрамовича «Как будто это было вчера», 1980 г.

Хронология

1488 г. – Бартоломеу Диаш достигает мыса Доброй Надежды.

1652 г. (6 апреля) – Высадка Яна ван Рибека; он представляет Нидерландскую Ост-Индскую компанию.

1658 г. – Первая доставка рабов из Анголы.

1685 г. – Отмена Нантского эдикта во Франции; начало иммиграции французских гугенотов.

XVIII в. – Начало борьбы буров против коса, зулу, а затем других племен банту.

1795 г. – Прекращение деятельности Ост-Индской компании. Образование Батавской республики. Англи-

Чане занимают Кап.

1806-1814 гг. – Южная Африка переходит к Англии.

1833 г. – Англичане упраздняют рабство.

1837-1857 гг. – Великий трек² буров под предводительством А. Преториуса.

1838 г. – Победа буров над зулу у реки, получившей в память об этом сражении название Блад-ривер (Кровавая река).

1839 г. – Провозглашение бурами республики Натал.

1843 г. – Англичане аннексируют республику Натал.

1853 г. – Основание бурами республики Трансвааль.

1877 г. – Первое нападение англичан на Трансвааль.

1879 г. – Конец королевства зулу.

Ок. 1880 г. – Открытие алмазов в Кимберли.

1881 г. – Первая война Трансвааля за независимость. Победа Крюгера над англичанами у Маджубы.

1885 г. – Открытие золота в Витватерсланде; массовое прибытие английских иммигрантов.

1890 г. – Сесиль Родс, губернатор Капской колонии, президент «Де Бирс компани», занимавшейся добычей алмазов, ставит задачу подчинения крюгеровского Трансвааля.

---

² Великий трек (1830–1840) – от голл. trek – переселение. Постепенное переселение буров из английской Капской колонии на север, в результате чего образовались республики Трансвааль и Оранжевая. Побудительной причиной трека были противоречия между англичанами и голландцами (бурами) на юге Африки. Великий трек сопровождался вытеснением коренных африканских племен с занимаемых ими территорий.

1887 г. – Сесиль Родс аннексирует Зулуленд.

1899-1902 гг. – Вторая англо-бурская война. После трех лет борьбы лорд Китченер и лорд Робертс одерживают победу.

1910 г. – Возникновение Южно-Африканского Союза, британского доминиона.

1913 г. – «Закон о землях туземцев» запрещает африканцам приобретение земель вне резерватов.

1925 г. – Голландский язык (африкаанс) становится официальным языком наряду с английским.

Сер. 20-х гг. – Политика «цветного барьера». Согласно закону о «цивилизованном труде», африканцы не должны допускаться к работам, требующим высокой квалификации.

1931 г. – Принятие Вестминстерского статута английским парламентом: существенное расширение прав доминионов, в том числе Южно-Африканского Союза.

1948 г. – Победа на выборах Националистической партии. Лидер партии Малан провозглашает программу апартеида, т. е. обособленного, отдельного существования разных рас, недопустимости какой бы то ни было расовой интеграции.

1959 г. – Закон о развитии самоуправления банту. Начинается создание бантустанов, «национальных отечеств» племен банту. На остальной территории страны африканцы лишались остатков прав. Возник-

новение Панафриканистского конгресса – националистической организации черных.

1960 г. – Первые крупные выступления африканцев в Йоханнесбурге. Демонстрация в Шарлевиле, пригороде столицы, по призыву Панафриканистского конгресса. Полиция открывает огонь по демонстрантам. В результате погибло 69 человек.

1976 г. – Восстание в Соуэто, африканском пригороде Йоханнесбурга, жестоко подавленное властями. Политика апартеида осуждена ООН.

Понимание исторического процесса как истории белых людей отжило свое, но оно еще живо. «Белая» история при смерти, но «белая» история еще не умерла.

Перечень стереотипов такой «белой» истории, основываясь на систематическом изучении школьных учебников нескольких европейских стран, составили Р. Преисверк и Д. Перро (I.1). Эти стереотипы, определяющие периодизацию истории, являют собой главные ценности европейцев во взаимоотношениях с остальным миром: уважение к порядку и к закону, национальное единство, монотеизм, демократия, предпочтение оседлого образа жизни и индустриальной экономики, вера в прогресс и т. д. Во всех странах Европы эти ценности примерно одни и те же.

Однако в последние полвека эта история перестала внушать доверие. Сомнения могли, разумеется, исходить и от белых, но ясно, что главным двигателем пересмотра стала борьба народов колоний за независимость. Постепенно, по мере деколонизации, под мощным давлением исторического процесса, «белая» история уступала свои позиции.

В 50-е годы в школьных учебниках обнаруживается лишь несколько ничтожных уступок в том, что касает-

ся Черной Африки. Так, тукулёров³ и ал-Хадж Омара⁴ перестают называть «мусульманскими фанатиками». Омар теперь уже не «грабит Бамбук», а «завоевывает его...» (III. 6. 7).

Требования дипломатии и чувство времени заставляют как-то приспособиваться даже бывшие метрополии. Например, в 1980 г. из французского учебника для 3-го класса исчезает иллюстрация «Улица после прохода французов» (1907): на этой иллюстрации трупы марокканцев на улице Касабланки.

Однако если на Западе «белая» история уходит из книг, то весьма живучей она остается в коллективном сознании; в этом мы убедимся не раз.

И все-таки в Европе, а тем более за ее пределами «белая» история в чистом виде в 80-е годы уже не существует нигде, за исключением Южной Африки, в стране апартеида. По крайней мере так она излагается белым детям Йоханнесбурга.

История африканерской Африки по своему происхождению является историей белого человека. Она восходит к «христианской» традиции. Спутником страха и

---

³ Тукулеры (торобе) – африканские племена Западного Судана.

⁴ Ал-Хадж Омар (род. ок. 1797– ум. 1864) – африканский политический деятель и военачальник, ставший впоследствии героем легенд. В 1861–1864 гг. создал могущественное исламское государство на территории Западного Судана. Противостоял колониальным завоеваниям французов.

одиночества бура на огромных просторах Африки всегда были Библия и ружье.

«Христианские» и одновременно расистские цели преподавания ясно определены в цитируемом документе, относящемся к 1948 г. и воспринимающем формулировки и идеи, возникшие еще в начале XIX в.

«В основе преподавания детям белых родителей и их воспитания должны лежать представления родителей; следовательно, они должны основываться на Священном Писании... любви к тому, что есть наша родина, ее язык и история.

История должна преподаваться в свете Откровения и пониматься как исполнение воли Божьей по отношению к миру и к человечеству. Мы верим, что Сотворение мира, Грехопадение, Воскресение Иисуса Христа являются основополагающими историческими фактами и что жизнь Иисуса Христа была великим поворотом в мировой истории.

Мы думаем, что Бог задумал существование отдельных наций, отдельных народов и даровал каждому из них свое призвание, свои задачи, свои способности. Молодежь с верой воспринимает обеты старших только в том случае, если она знает историю, т. е. имеет ясное представление о нации и о ее наследии. Мы считаем, что вслед за изучением родного языка единственным способом внушения любви одних к другим

является патриотическое обучение национальной истории» (III. 3).

От великого трека к Марко Поло

Великий трек – это наряду с прибытием первых колонистов одно из основных событий истории африканеров. Великий трек – это решение всего народа пересечь страну в поисках земли, которая стала бы для него прибежищем, спасением от власти англичан, хозяйничавших на Капе с 1815 г.

Буры желали таким образом обеспечить сохранение своих верований, сохранение африкаанс в качестве официального языка, сохранение своего традиционного образа жизни и «традиционных» форм взаимоотношений с африканцами, которые стремились изменить англичане, давая африканцам равный статус с белыми. «Это было противно закону Бога и восставало против естественных различий рас и религий. Такое унижение было невыносимо для всякого доброго христианина; вот почему мы предпочли удалиться, дабы сохранить в чистоте наши убеждения».

Такая концепция взаимоотношений между белыми и черными была записана в конституции первой республики африканеров Трансвааль, основанной в 1852 г.: «Не будет идти речи ни о каком равенстве между белыми и небелыми ни в делах церкви, ни в делах государства».

Как заметила М. Корневэн (III. 20), Великий трек буров точно повторяет исход Моисея, это поиск обетованной земли. Священен его маршрут, священны также определенные моменты и места, через которые проходят его пути. Так, например, день, когда Андриес Преториус воззвал ко Всевышнему, – это день, когда бурский народ заключил пакт с Богом. Озаренный клятвой, он одержал блестящую победу над зулу на Кровавой реке, и тридцать лет спустя буры восстановили на этом месте свой лагерь. Впоследствии они точно так же отмечали памятными знаками места, где вели первые бои за независимость против англичан. Лорд Милнер распорядился сбросить эти памятники в Индийский океан, поскольку понимал значение символических предметов.

Итак, эти места, эти камни, эти предметы составляют вехи истории африканеров. В школьных учебниках их перечню посвящена целая глава. Единственный в своем роде пример. История в Южной Африке – это история паломничества.

Решение уйти было принято совершенно свободно, поэтому Великий трек свидетельствует о воле буров противостоять навязыванию им законов и обычаев, противных их убеждениям.

Символика Великого трека пронизывает всю их историю.

Вот, например, начало учебника истории для 3-го

класса. Речь идет, как ни странно... о Марко Поло. Очевидно, что цель первой главы – определить место Южной Африки в мире, очертить пути великих географических открытий. Из предшествующих рассуждений можно понять, почему здесь вдруг появляется Марко Поло. Они позволяют прочесть эту главу по-новому, увидеть в ней своего рода предварительные размышления на тему событий, которые последуют дальше.

«Хотели бы вы покинуть родину в 19 лет и отправиться в путешествие, которое продлится 24 года?»

Хотели бы вы посетить таинственную страну и стать очень богатым?

Хотели бы вы увидеть диковинные вещи, которых никогда не видали прежде?

Наша история начинается в давние, очень давние времена, более чем за тысячу лет до рождения вашего прадедушки. В те времена люди не уходили далеко от своих родных деревень, потому что путешествовать было слишком дорого или слишком опасно.

Однако некоторые пускались в далекие путешествия, становились паломниками. Они отправлялись по святым местам и чаще всего в Святую Землю, Палестину, хотя это было труднее всего. Паломники встречали там арабов, которые спали на мягких матрасах, а не на соломенных тюфяках, ели вкусную, сдобренную

пряностями пищу и пользовались всевозможными предметами роскоши: шелками, бархатом, коврами, благовониями. Представьте себе, что рассказывали паломники, возвратившись на родину. В 1071 г. воинственные турки отняли у арабов Иерусалим, Святую Землю. В святых войнах или крестовых походах против тюрок участвовало множество воинов; крестоносцы, в свою очередь, познакомились с богатствами Востока.

Европейские торговцы, особенно из итальянских городов Генуи и Венеции, поняли, что смогут выгодно продавать в Европе предметы роскоши, пряности и шелка, которыми богат Восток. Эти товары стоили дорого, так как риск их доставки в Европу был велик, торговцы часто подвергались нападениям хищных зверей или диких племен.

Именно тогда Марко Поло совершил свое великое путешествие.

Марко Поло жил в Венеции, городе необычном, с каналами вместо улиц. Мир того времени вообще показался бы вам странным, ведь там не было ни автомобилей, ни самолетов, ни пароходов, и в Европе еще понятия не имели о Южной Африке. Живи вы, сегодняшние, например, в Англии тех времен, – вы не понимали бы ее языка.

Однажды отец Марко Поло и его дядя, оба торговцы, отправились в деловое путешествие.

Шли годы, а они все не возвращались, и их уже стали считать погибшими. Однако спустя девять лет они вернулись в Венецию и рассказали, что побывали в волшебной стране под названием Китай. Вообразите, с каким восторгом слушал Марко об увиденных ими чудесах. А когда он узнал, что правитель той страны Кублай-хан, пригласил его отца и дядю приехать еще раз, его радости не было предела. Быть может, его возьмут с собой...

Через два года Марко Поло уехал вместе с ними.

(...) Какие только сюрпризы не ожидали Марко Поло в столице Китая. Хотя бы то, что там делали деньги из бумаги! Европейцы тогда слыхом не слыхивали об этом, так как в Европе еще не изобрели печатного станка, а китайцы пользовались им уже сотни лет... А чего только ни было во дворце Кублай-хана, наверное, прекраснейшем в мире! Сколько чудес... И дикие звери, и множество белых кобылиц в стойлах. Ремесленники трудились над шелками и коврами. А вот алхимик; он пытался железо превратить в золото или найти эликсир жизни... Пиршества и увеселения следовали одно за другими, не прекращаясь. (...)

После того как Марко Поло пробыл в Ханбалыке, столице, какое-то время, его спросили, что показалось ему самым поразительным в Китае. Знаете, что он ответил?

Ответ был удивителен.

Марко, приехавшего из страны одной религии, поразило, что король позволял своим подданным исповедовать разные религии... Среди его стражников были и христиане, и буддисты, и иудеи, и индуисты, и мусульмане...» (III.3).

Добродетель и мужество буров

Итак, Южная Африка – это земля свободы и религиозной терпимости. Таково первое представление, которое впитывают в себя дети этой страны. Процитированное введение в историю, ответ Марко Поло, а потом и другие сведения укрепляют их в этом. Они узнают о прибытии беженцев-гугенотов, спасающихся от преследований Людовика XIV, короля Франции; о прибытии граждан других стран, стремящихся сюда в поисках свободы. Эти свободные граждане составили нацию и позже, в борьбе против англичан, меньшее значение придавали золоту, богатству, чем благородным ценностям веры...

«Белая Южная Африка стала страной веротерпимости и радушия. Но следует помнить, что она была порождена необходимостью.

Поскольку пути на Восток преграждали турки, западным торговцам приходилось искать, как иначе добраться до Азии. Первыми, двигаясь вдоль африканского берега, Индии с запада и с юга достигли португальцы. «Вот почему некоторые порты в стране носят португальские названия». Но португальцы здесь не остались, «потому что возник конфликт с готтентотами и губернатор Альмейда вместе с шестьюдесятью

пятью его людьми были убиты в стычке, когда они возвращались на корабли, стоявшие вдоль берега на якоре». С этого момента власть португальцев начинает ослабевать, в то время как тем же маршрутом стали пользоваться англичане и голландцы.

До сих пор португальцы имели преимущество и, разбогатев на торговле с Индией, ревниво охраняли секрет пути туда. Голландцам приходилось довольствоваться ролью перекупщиков. Когда в 1580 г. Филипп II, король Испании и Португалии, закрыл Лиссабон для голландцев, это был тяжелый удар для них, живших этой торговлей. Голландцы были вынуждены самостоятельно искать пути в Индию. И будучи умелыми моряками, они преуспели в этом.

После смерти Альмейды португальцы боялись селиться в Южной Африке из-за готтентотов. Место было свободно. А голландцы рассудили, что готтентоты будут весьма расположены наладить с ними торговлю, в особенности скотом. Они стали здесь селиться, не обращая внимания на подозрительность готтентотов. Спустя несколько десятков лет, в 1652 г., двести голландцев под предводительством Яна ван Рибека, отца нашей родины, основали первое постоянное поселение в Южной Африке. В память об этом событии 6 апреля отмечается у нас как

национальный праздник.»

Как трудно быть поселенцем

«Ван Рибек из всех сил стремился установить связи с готтентотами, обладавшими огромными стадами. Вначале к поселенцам лишь иногда заходили местные жители, собиравшие неподалеку ягоды. Одного из них звали Гарри. Через него и установился обмен с племенами готтентотов.

13 апреля. Корова и бык выменены на три медные тарелки и медную проволоку.

6 июня. Болезнь с каждым днем наступает. Из 113 человек только 60 способны работать.

4 сентября. Появились всходы гороха и моркови. Люди Ван Рибек были недовольны: у них было слишком много работы и недостаточно еды. Однажды ночью четверо из них попытались убежать. Но их возвратили и они были наказаны двумя годами каторги на рудниках, в цепях.

К несчастью, готтентоты тоже доставляли много хлопот. Они меняли скот на разные предметы, а затем возвращались и воровали вымененный скот. На Гарри больше рассчитывать не приходилось. В один прекрасный день исчез весь скот. Не хватало еды. Нехватка мяса сказывалась так сильно, что поселенцы ели даже обезьян.

Готтентоты крали коров, баранов. Они требовали лугов, которые компания выговорила

себе, и в знак протеста против их захвата жгли пастбища. Ван Рибек соорудил пограничный частокол, чтобы как-то решить эту проблему. Когда голландцы стали сами разводить скот, готтентоты сетовали, что у них отняли землю. Ссоры возникали беспрестанно. Наконец, вспыхнула война; готтентоты потеряли свои земли вблизи Капа. Что же касается поселенцев, то эти сетовали теперь, что не могут вести обмен с готтентотами.

Поскольку необходимо было снабдить поселенцев работниками, а готтентоты для этого не годились, Ван Рибек предложил ввезти рабов.

28 марта 1658 г. Из Анголы прибывают 170 рабов. Большинство из них больны, 80 человек умерло на борту судна. Оставшиеся в живых, в основном девочки и мальчики-подростки, работниками могли стать не раньше, чем через 4-5 лет.

17 апреля. Открывается школа для рабов, которыми колонию снабжает португальский торговец (...) Для того чтобы содействовать обращению рабов в христианство и посещению ими проповедей, приказано выдавать им по стаканчику бренди и по две понюшки табаку после каждой проповеди.

Ввоз рабов в Капскую колонию обернулся большим несчастьем. Поселенцы стремились оставлять им самую тяжелую работу, а сами стали забывать ремесла, поскольку для того, чтобы трудиться, имелись рабы. В то же время

рабы внесли свой вклад в развитие колонии. Большинство прекрасных каменных ферм в стране выстроено именно рабами. (...)

Нравы той эпохи описаны Менделем, посетившим Южную Африку в начале XVIII в. Поселенцы и служащие Компании без церемоний ходили друг к другу, гостям подавали вино или чай, а рабы каждому подносили хорошо набитую трубку и огниво. Между служащими Компании и поселенцами не существовало социальных барьеров, которые могли бы помешать им вступать в брак, браки заключались даже между самыми простыми солдатами и девицами хорошего происхождения.

Помимо рабов, принадлежавших частным лицам, тех, что возделывали сады, а затем везли плоды в город, существовали сотни рабов Компании, размещавшиеся в специальном здании. К сожалению, с этими рабами обращались не слишком хорошо: законы были суровы, а наказания жестоки. За воровство рабов публично вешали, сажали на кол или же четвертовали. Губернатор Тюльбаг упорядочил законы, касающиеся рабов, и все же они остались суровыми. Гуманные чувства губернатора проявились в его обращении с собственными рабами, которые после его смерти были освобождены» (III.3).

Эта «идиллическая» эпоха завершилась во време-

на Батавской республики, которая, как «сестра» Французской республики, стремилась секуляризировать все свои учреждения. После аннексии Южной Африки Великобританией по решению Венского конгресса 1815 г. положение резко изменилось.

Колонизатор-бур попал в колониальную зависимость от Англии.

Меры, которые английская корона предприняла по отношению к черным, обусловили Великий трек 1838 г. и поселение буров за Оранжевой рекой, а затем основание в 1852 г. Республики Трансвааль. Занятие этих земель сопровождалось войнами с племенами коса и королевством зулу.

Открытие алмазов и золота в Трансваале спустя двадцать лет неизбежно должно было привлечь сюда искателей приключений и богатств, и один из них, Сесиль Родс, сумел убедить в успехе своих завоевательных проектов правительство королевы Виктории. Стремление англичан присвоить Трансвааль было причиной нескольких англо-бурских войн, и британцы окончательно победили в 1902 г. Южная Африка стала британским доминионом.

Только после 1948 г. буры, называемые теперь африканерами и пользовавшиеся наибольшим влиянием в стране, вновь смогли отстаивать концепцию апартеида. Банту были переселены в так называемые национальные отечества, бантустаны, границы кото-

рых были установлены Йоханнесбургом.

Проблема «национальных отечеств» африканцев и оправдание апартеида

В той истории, которую преподают детям и которую хранит память белых, племена банту ушли с Великих озер и из Центральной Африки в то же самое время, когда белые двинулись на север. Черные сошлись с бурами, так что белые занимали земли пустые и никому не принадлежавшие после нападений племен зулу и матабеле.

«В 1834 г. в районы, расположенные за Оранжевой рекой, были посланы для сбора информации разведчики трека. Их сведения о плодородии земель и о качестве пастбищ были очень благоприятны. Им представлялось также, что на этих землях *почти* (курсив мой. – М. Ф.) никто не живет, потому что множество туземцев было перебито зулу и матабеле, а оставшиеся в живых прятались».

Получается, что приход белых даже некоторым образом спасал черных от истребления...

«Участники трека покончили с господством матабеле и зулу. Это означало не только последующее заселение земель белыми, но и

окончание ужасных войн, в которых разорялась страна и погибали самые маленькие племена. Вторым результатом состоял в том, что участники трека, *не ставя перед собой такую цель* (курсив мой. – М. Ф.), спасли от уничтожения маленькие племена, ликвидируя могущество тех, кто их до сих пор терроризировал» (III.3).

Слова, выделенные курсивом, свидетельствуют о том, что тексты школьных учебников подчас более тонки, чем речи политических деятелей. В учебниках однозначно поддерживается тезис об одновременном появлении за Оранжевой рекой белых и черных, и таким образом узакониваются одинаковые их права на захват этих земель. М. Корнэвен ясно показала, что эти утверждения – из области мифов (III.20). Опираясь на данные антропологии и археологии, полученные в 60-70-е годы, она опровергла их одно за другим. Банту обосновались здесь раньше и рассеялись вследствие внутренних войн, а затем войн с англичанами и бурами. И самое важное – они свидетельствуют о том, что современное рассредоточение «национальных отечеств» африканцев есть результат насильственной политики белых властей, изгонявших черных с лучших земель. И совершенно неверно говорить, что они соответствуют исконным территориям проживания этих племен, как то утверждает официальное южноафриканское толкование истории.

Расистская добросовестность

«Хотели бы вы жить с людьми, которые никогда не моются?

Хотели бы вы носить простую кожаную тунику?

Хотели бы вы провести жизнь в пустыне и не ходить в школу?

Знаете ли вы, почему зарубежных ученых и студентов в нашей стране больше интересуют бушмены, чем белые? Потому что бушмены находятся сегодня на той стадии развития, на которой европейцы были тысячи лет назад. Изучение бушменов помогает нам понять, как жили наши предки в каменном веке. (...)

Будучи хорошими охотниками, они умеют притворяться страусами, умеют имитировать крики птиц; они неутомимы и могут поймать зайца на бегу; они так изматывают зверя, что он сам идет к ним в руки. Кроме того, они пользуются отравленными стрелами, умеют ходить по следу животного, хранят воду в скорлупе страусовых яиц, высасывают с помощью трубочки сок растений. Вонзенная в землю стрела обозначает у них место, где добывают воду, и у каждого оно свое, а другим запрещено к нему прикасаться.

Одного бушмена пригласили в Кейптаун; ему показали все, чем гордится город. Когда же его спросили, что произвело на него наибольшее

впечатление, он показал на обыкновенный кран. То, что можно его повернуть и получить сколько угодно воды, показалось ему совершенно необыкновенным (...)

У бушменов странные взгляды на религию. У них много богов, среди которых луна, дождь и даже насекомое богомол... Они не разводят скот, так как не достигли еще соответствующей стадии развития. Увидев стадо, принадлежащее белым или банту, они охотятся, как на диких зверей. Естественно, что владельцы стремятся защитить свой скот, и много бушменов погибло вследствие этого. В какие-то моменты они становились столь невыносимыми, что их изводили, как паразитов. Они попросту не могли понять, что эти животные принадлежат другим, и по этой причине почти полностью исчезли как раса».

А вот вопросы, предлагаемые после того, как глава прочитана:

«Какой стадии достигли готтентоты?» (Ответ: стадии скотоводства.)

«В чем они походили на бушменов?» (В методах охоты.)

«Какой современный скот они разводили?» (Овец и коз.)

«Почему они бросали своих знахарей в холодную воду?» (Для того, чтобы те потеряли свои способности в том случае, если они поступали плохо.)

«Что означает слово готтентот?» (Оно происходит от голландского Huttentut – тот, кто заикается.) (III.3).

В этом вопроснике воплощен биологический и расистский подход «белой» истории, которой до конца 80-х годов открыто придерживались лишь в Южной Африке. Но еще недавно она господствовала в книгах великих наций-колонизаторов. С этой точки зрения Д. Мэнгено были изучены школьные учебники времен Третьей Республики во Франции (1.2). Лингвистический анализ текстов учебников позволил показать, что один из основополагающих их принципов – обоснование иерархии рас. Это касается и других детских книг по истории и географии. Так, например, в популярном учебнике географии П. Фонсэна, в главе, посвященной африканским расам, говорится, что бушмены «не достигли еще уровня объединения в племена (...), что им свойствен грубый фетишизм (...), что они низкого роста и на вид уродливее обезьян (...) На более высоком уровне стоят готтентоты» и т. д. В этих книгах на основании целой системы критериев выстроена иерархия народов по уровню их развития: в занятиях, в строительстве жилища, в организации общества и т. д. На вершине африканской иерархии оказываются арабы, берберы и мавры.

Учебник по истории для 3-го класса южноафриканской школы завершается рядом глав по всеобщей

истории; они прямо не касаются истории страны, но как бы следуют из нее. В них рассматривается прогресс цивилизации и техники: начиная от Египта эпохи фараонов и кончая ядерными реакторами XX в. Необходимо найти место Южной Африки в этой великой истории Запада, ведь в книге представлена, как было показано, история поселенцев, увиденная теми и рассказанная устами тех, кто эту историю пережил и кто ее осуществил. Их взгляд ничего общего не имеет с европейским представлением о тех же событиях, как об одном из проявлений европейской экспансии, первой фазе империализма.

В этом вопросе африканцы, как будет показано, как раз принимают традиционное европейское понимание хода исторического процесса, однако с противоположной оценкой. Та же проблема обнаруживается, хотя не все обстоятельства совпадают, когда арабы говорят о присутствии израильтян в Палестине.

И, наконец, самое интересное, что есть в этом учебнике, с нашей точки зрения – это его заключительная глава. В ней дается перечень исторических мест африканерской Африки, пятьдесят достопримечательностей, посещение их призвано способствовать укоренению гражданина на земле, которая может быть у него оспорена.

Подобный феномен встречается только в США и в Канаде, где, кстати, такой опасности и в помине нет:

индейцы были согнаны в резервации или уничтожены. Но идея паломничества глубоко усвоена гражданами тех стран, которые существуют на протяжении всего лишь нескольких поколений. Такие «занятия историей при помощи собственных ног» обретают символический смысл заклинания злых духов.

«Черная» контристория?⁵: Кредо Мутва

Традиционные версии банту отличаются от «белой» истории. В какой-то своей части они были собраны врачом-знахарем Кредо Мутвой (111.21); он унаследовал их от деда, а через него – от более далеких предков. «Это истории, которые старейшины рассказывают детям, мальчикам и девочкам, сидящим вокруг огня и слушающим разинув рот. Их взгляды не омрачены еще тем, что составит их будущую жизнь: ни болезнями, ни

---

⁵ «Черная» контристория. Марк Ферро предпринимает своего рода классификацию всего многообразия представлений об историческом процессе и вводит определения для различных проявлений исторического сознания, форм истории: институциональная история господствует в данном сообществе людей и опирается на господствующие институты – государство, партию, церковь и т. д.; контристория противостоит институциональной и подавляется ею. Это интерпретация, исходящая от отверженных, униженных в данном историческом сообществе. Не исключены случаи, когда эти две формы меняются местами. Контристория сама может опираться на общественные институты, только не господствующие, и тогда М. Ферро говорит об институциональной контристории. Она может существовать также и на уровне коллективных представлений, коллективной памяти людей – это третья ипостась исторических представлений, согласно М. Ферро... Если первые две формы – это «история историков», то третья не зависит от ученой традиции и распространяется иначе. По сути дела, вся книга посвящена рассмотрению взаимодействия в разных обществах этих трех форм, или «очагов», истории.

горечью, ни гневом».

Он прочел и хорошо знает историю в изложении белых. Он не оспаривает ее правдивости, но оспаривает ее слепое бесстыдство. «Разве эти так называемые суеверия, которые представляются «странными», сами по себе делают из африканцев недочеловеков? Для того чтобы утверждать такое, нужно не иметь никакого представления о том, что было бы, если бы в мечеть Дар-эс-Салама ввели поросенка или если бы попытались надругаться над статуей Девы Марии на глазах у сицилийской религиозной процессии».

Разумеется, банту из-за недостатка образования подчас не вполне понимают природу технических приспособлений. Они, например, избегают селиться близ телеграфных столбов, боясь, что по проводам их разговоры передаются в полицию. Фотографирование или снятие отпечатков пальцев кажется им какими-то таинственными манипуляциями, секретом которых владеет белый человек. Но в то же время банту и бушмены обладают знаниями, о которых белые не имеют ни малейшего понятия и, очевидно, не будут иметь никогда (...) «Намного раньше европейцев они правильно представляли себе Солнечную систему. Их знания о природе гораздо более продуктивны, чем знания белых, утративших какой бы то ни было контакт с ней. Точно так же они располагают весьма разработанным правом, а португальцы и голландцы совершенно игно-

рировали его, им и в голову не приходило, что оно может существовать».

Объяснение кафрских войн* с его точки зрения ничего общего не имеет с объяснениями «белой» истории.

Труднее всего победить оказалось племена коса. Это был настоящий народ, оформившийся раньше, чем зулу; после уничтожения империи Мономотапа они эмигрировали на юг. Они смешались с готтентотами и бечуанами. В отличие от зулу они начинали бой на близком расстоянии, а не издалека, так как не умели делать достаточно совершенные дротики. Они применяли дубинки и тупые орудия, против которых не годился никакой щит. Они обладали таким искусством метания пращи, что она ослепляла и тут же убивала противника.

«Они специализировались на воровстве скота и были весьма искусны в этом деле. Но подобно племенам масаи в Кении, воровали они больше ради удовольствия, чем по необходимости, а затем перекрашивали животных таким образом, что их нельзя было узнать. Только согласно праву коса разрешалось лишить вора его имущества точно так же, как разрешалось и воровать. Таким образом коса вынужден был все время совершенствовать свои приемы, и имелось в виду, что тот, с кем он «вступает в контакты», в свою очередь, поступает так же (...)»

Веда между собой обмен, коса, с одной стороны, и португальцы или голландцы, с другой, придерживались разных обычаев. Европейцы обвиняли, например, коса в воровстве, когда те, будучи приглашены в гости, уходя, забирали что-нибудь с собой; «разве те не пользуются пищей, когда приходят к нам пировать?» А главное – перед кафрскими войнами англичане и голландцы не знали, что корову нельзя использовать для обмена на неодушевленный предмет, будь то даже очень большое количество металла или табака. Существовал обычай при обмене забирать обратно часть потомства самки. Таким образом, белый радовался, что так хорошо провел коса, оставившего ему свою корову, тогда как в действительности она являлась своего рода залогом следующей сделки, которая обязательно происходила спустя несколько месяцев и по которой стоимость самки возмещалась другим животным или даже двумя.

Поселенцы, не понимавшие подобных отношений обмена, приходили в полное изумление, когда сотни животных исчезали после того, как они заключили касающуюся их сделку и, как полагали, выменяли их себе в собственность.

Кредо Мутва упрекает авторов учебников в том, что они не дают себе труда проанализировать разницу между правом голландцев и коса, рассматривая последних как «суеверных людей, не ведающих, что такое си-

ла договора».

Правда, знание европейцами нравов и обычаев коса не всегда шло африканцам на пользу. Так, в XIX в., основываясь на знакомстве с представлениями коса, удалось мистифицировать их и заставить поверить, что боги призывают к своего рода коллективному самоубийству. Вот так, не подвергаясь риску новой войны, европейцы погубили, толкнув на самоубийство, часть общины коса.

Свидетельство Кредо Мутвы не единственное. «Черная» история стремится утвердиться в Южной Африке, в особенности с тех пор, как практически вся Африка стала независимой, а жестокие репрессии в Соуэто вызвали негодование международной общественности против расистской практики правительства Претории.

«Черная» история ставит под сомнение ту интерпретацию фактов, которая имеет целью узаконить ограничения туземцев рамками их племен, распыление их по произвольно определенным «национальным отечествам», словом, подвести моральное и историческое основание под апартеид. И все же нам представляется, что сами африканцы, несмотря на все большую настоятельность их требований и их уверенность в своем будущем, практически не имеют возможности воздействовать на «белую» историю и изменять ее содержание. По крайней мере в ЮАР это так.

«Черная» история, в том числе и история Южной Африки, может быть написана только где-то в другом месте.

2. Деколонизированная история: Черная Африка

Стратификация истории в Черной Африке

Представления о прошлом в Черной Африке стратифицированы по трем уровням. Наиболее укоренившаяся, устная традиция зиждется не только на фактах, но также и на мифах. Так, например, легенды о Чаке или Сундиате обладают в ней такой же реальностью, как и их подлинные подвиги. Вторая страта – это та история, которую преподавали колонизаторы. Наконец, третья: получение независимости дало импульс современным африканским историкам и африканистам, результатом чего стала переоценка всей истории Африки. Новый взгляд на прошлое все еще в стадии становления и утверждения, и одним из ярких его выразителей является журнал «Африка сегодня» («Африка Замани»). Новые воззрения находят отражение и в школьных учебниках франкоязычной Африки: в них представлена деколонизированная история.

От истории к легенде: Чака, король зулу

В памяти африканцев о Чаке, правившем в 1816–1828 гг., укрепившем королевство зулу, легенда перемешивается с историей. Африканская негритянская литература, особенно франкоязычная, восприняла суть сохранившихся воспоминаний, наполнив их новым смыслом.

Воин изумительной отваги, Чака предал своего сюзерена, который не пожелал возвести его в сан наследника престола. Чака указал врагам место, где его повелитель рассчитывал дать сражение. Как только тот попал в плен, Чака занял его место и добился главенства зулу над племенами мтетва (1816). Он сразу же модернизировал военное дело, реорганизовал армию, введя в ней спартанские обычаи. Первым делом Чака изменил размер дротиков, у зулу по традиции длинных (их бросали издалека). Дротики стали короче, и их можно было использовать и в рукопашном бою. Чака ввел физические упражнения для укрепления мускулов зулу, бойцы стали, кроме того, получать больше мясной пищи. Тренировки стимулировались соревнованиями, кульминацией которых были состязания в подвигах.

Победители получали от короля в качестве награ-

ды самых красивых молодых женщин. Те также приобщались к борьбе и к битве. Чака заставлял их тренироваться под горящими взорами воинов. Однако под страхом смерти было запрещено даже прикасаться к ним вплоть до окончания испытаний.

Зулу не практиковали обрезания, так что враги не могли пользоваться для нападения периодами общего недомогания самых молодых воинов племени. «При Чаке сексуальные побуждения зулу отвращались от естественной функции продолжения рода, чтобы сублимироваться в воинственности» (III. 16).

К 1828 г. зулусское королевство стало грозным территориальным и военным объединением, которое не трогали европейцы. Однако в это время часть зулусской армии, уставшей от военной муштры и административной тирании, восстала. После двенадцати лет царствования Чака был убит.

У Чаки не было наследников. Его преемники ослабили пружины военного государства, могущество которого тем не менее продолжало беспокоить буров и англичан. Во время Великого трека буры одержали над зулу победу и отбросили их к Наталу. Спустя пятьдесят лет против королевства выступили англичане. Потерпев вначале тяжелое поражение, они сумели 4 июля 1879 г. разбить армию зулу. Это стало концом могущества королевства зулу.

Такова историческая традиция. В памяти же зулу, в

особенности за пределами ЮАР, жизнь Чаки выглядит совершенно иначе: это наполовину миф или легенда. И при этом она более полно отражает реальность, чем представления историка.

Для одних Чака стал своего рода черным Христом, для других – воплощением типичных качеств африканца. В устной и письменной традиции бурная жизнь Чаки совершенно преобразилась (III.11). Начало было положено эпопеей «Чака», написанной Томасом Мофоло, христианским монахом, по происхождению банту; ее текст в течение многих лет хранился в библиотеке парижского миссионерского евангелического общества. Герой Мофоло побеждает, но ему помогает дьявол, он совершает тысячу преступлений и бесчинств, разных жестокостей, прежде чем погибает в результате заговора, составленного его братьями. В других преданиях Чаке приписывают, что в девятнадцать лет он убил леопарда, бросил вызов воинственным колдунам, приказал запереть королеву вражеского племени наедине с прожорливой гиеной. Из отряда в 500 человек он создал непобедимую армию, которая, согласно еще одной традиции, вскоре насчитывала 400 000 воинов; с ее помощью Чака собирался управлять всем миром. Как реакция на версию Мофоло появляется новый миф. Осуждение сменяется восхвалением. В драме «Зулу» Ненекали-Камаре Чака становится собирателем земель, символом и предвестником афри-

канского единства.

Позже восхищение Чакой в литературных произведениях – в поэмах и драмах – становится еще большим. Он обретает жизнь после смерти или же воспринимает смерть как освобождение, поскольку дело возрождения подхвачено, продолжено африканским народом, истории которого он положил начало. В то время как у христианина Мофоло смерть Чаки символизирует поражение зла, здесь она ассоциируется с героическим самопожертвованием человека, ставшего отцом-основателем подлинного африканского государства. Он умер, и освободилось место для белых, пришедших поработить Африку. Его смерть – предвестие Апокалипсиса.

«Мы станем рабами их компасов и циркулей. Наша империя изменит название и будет именоваться Южная Африка. И наши боги допустят это! Наши лучшие умы будут болтать в бистро вокруг бутылки. И наши священники допустят это! Наши братья будут бить нас до смерти за горсть риса. Мы не сможем ходить, куда захотим, хуже, чем собаки. Специальные поезда будут привозить людей смотреть на нашу нищету, но алмазы высушат слезы на их глазах. Вы, женщины, будете в муках рожать детей, обреченных на муки. И бессильно будут звать наши голоса! У нас будет больше мучеников, чем

на равнинах иудейских» («Зулу», акт. III; III.11).

Пространство прошлого

Исторические представления о более отдаленном прошлом, например у африканцев Кот д'Ивуар, не имеют «своего собственного пространства» (III.5), как в Европе, не образуют отдельную отрасль знаний. Они тесно связаны со всеми компонентами коллективного сознания. История воскрешается во время церемоний: траурных бдений, праздника ямса и т. д. История вторгается в повседневность в моменты, важные с точки зрения коллективной жизни, при этом она всегда ограничена точными правилами. Поскольку история является достоянием предков, то доступ к ней в этих церемониях имеют лишь священные лица. Поскольку же она равным образом связана с передачей политической власти, то содержание исторического процесса воспроизводится сообразно с интересами власти, таким образом многое в истории пропускается. «Достоинства предков могут быть обнародованы, но их неудачи, ошибки замалчиваются. Войны всегда победоносны, а государи образцовы». В общем «это прошлое является предметом для подражания, а настоящее лишь его бледным продолжением». Память об этом прошлом поддерживается; это своего рода капитал, резервуар, в котором народ черпает вдохновение,

находит образцы для себя. При возведении на трон государя, например, вспоминают всех его предков. «Ему дают добрые советы согласно точному ритуалу, сопровождающемуся назидательным рассказом, в котором невозможны ни слабость, ни колебания» (III.5).

Обычно это прошлое восходит ко временам исхода, т. е. заселения ныне занимаемого региона. Оно завершается колониальным завоеванием, так как статус последующего периода другой: каждый волен восстанавливать его в своей памяти и эти воспоминания не являются предметом кодификации.

Вторая страта: «Наши предки галлы»

Эта фраза, произносимая африканскими школьниками, стала штампом. Ее всегда высмеивают, когда говорят о французской колонизации Черной Африки. Всестороннее исследование Дениз Буш (III. 7) о преподавании истории в Сенегале в 1817–1860 гг. показало, что все это отнюдь нельзя понимать буквально. В сущности, это не более чем легенда. Во-первых, вначале в школу ходили только белые дети. Во-вторых, впоследствии, независимо от того, были ли ученики черные или белые, они не подвергались риску услышать в школе о галлах. В начале XIX в. у французов еще не было принято провозглашать галлов своими предками. Преподавалась Священная история, и сообщались какие-то сведения о первых королях, по векам и по царствованиям. История Франции начиналась с легендарного Фарамона и останавливалась на Карле Лысом или Людовике Святом; редко когда доходили до Бурбонов. Но как бы там ни было, фраза «наши предки галлы» не лишена смысла. Уже в 1898 г. раздавались упреки из Парижа, что в государственных школах колонии Сенегал преподается то же самое, что и во Франции. «Кажется, можно было бы опустить как ми-

нимум убийство Лотаря и крещение Хлодвига». «Несколько неудачно обнаруживать в ходе нашей истории ошибки, которые мы совершили прежде, чем достигли нынешнего цивилизованного состояния». Попытки ввести в программы немного истории и географии Черной Африки если и предпринимались, то в очень ограниченной форме и как бы против воли местного белого населения. Выходцы из Франции с трудом мирились с распространением образования на туземцев. Генеральный инспектор Французской Западной Африки Жорж Арди, защищавший школу для всех, утверждал, что с ее помощью можно достичь полезных результатов. «Мы представляем не историю Франции, а французское могущество в исторической перспективе для того, чтобы противостоять тенденциозной и часто антифранцузской истории марабутов⁶ и в особенности гриотов⁷, которые изображают победы французов как преходящие и случайные».

История преподносится детям не только на соответствующих уроках, она проникает во все сферы школьной жизни. Жорж Арди в книге «Песнь местной общей школе» прославляет труд, бережливость и другие добродетели французов:

---

⁶ Марабуты – мусульманский военно-религиозный орден в Северной Африке. В широком смысле – мусульманские аскеты, праведники.

⁷ Гриоты – каста сказителей-певцов в Западной Африке, своего рода хранители и распространители устной исторической традиции.

...Для того, чтобы сделать нашу Африку богатой,
Примемся за работу, друзья, за работу...
Вместо того, чтобы спать или болтать,
Идемте расчищать земли.
Прежде, чем приглашать наших родственников и
соседей,
Заплатим налоги, разделаемся с долгами,
Отложим несколько мешков зерна про запас,
И тогда мы сможем петь во все горло...
Да здравствует Франция, пусть славится твое имя!
Мы любим тебя, как мать.
Это тебе мы обязаны тем,
Что наши несчастья кончились.

Учителя и преподаватели-французы просто вследствие своего происхождения непременно привносят в обучение представления, исходящие от метрополии, хотя написано несколько школьных учебников по истории и географии Сенегала.

В Сенегале, по свидетельству одного англичанина, черный, принадлежащий к французской культуре, — француз во всем. После провозглашения в 1946 г. Французского Союза ассимиляция африканцев усилилась. Дух равенства, преобладающий во всяком случае в предписаниях парижской администрации, приводит к введению в Африке программ метрополии по всем предметам и на всех ступенях образования.

Именно тогда в истории обнаруживаются галлы... Отныне в начальной школе все будут заниматься историей Франции, в средней – историей, которая начинается в Греции и в Риме и центром которой является Европа.

Здесь продолжение метрополии, а значит, история для поселенца – это не история ограбленной страны, а история его нации, которая здесь наживалась. Сенегал в истории отсутствует, за исключением периода его покорения и возрождения под эгидой колониальной Франции. Это касается всех регионов, где господствует Франция: ее присутствие воплощает в себе исторический прогресс, прогресс цивилизации. В 1948 г. в Оране, начиная занятия в 5-м классе, я решил сделать общий обзор программы. Когда я сказал сорока ученикам-французам, что после падения Римской империи и варварских королевств на смену им пришла арабская цивилизация, последовал оглушительный взрыв хохота. Арабы и цивилизация – эти два слова никак не вставали рядом в воображении ребят.

Свидетельство молодой сенегалки Соу Ндеи

В момент провозглашения независимости Сенегала Соу Ндеи было двенадцать лет и она училась в 4-м классе школы, где преобладали белые ученики. Для нее прошлое – это главным образом римляне и жизнь римских детей, римские термы, театр и цирк. Она вспоминает также галлов, их зеленую, в лиственных лесах страну с резко различающимися временами года, чего нет в Сенегале. Живое и дивное прошлое она представляет себе под солнцем Прованса. Первая книга, которую она прочла, называлась «В голубой стране», там рассказывалось о греко-римской истории. А затем следуют Карл Великий, основавший школу, Людовик XIV, соорудивший необыкновенные сады и дворцы. Вот пространство, в котором движется ее память о прошлом; ни родной стране, ни Африке в целом в нем нет места. Лишь значительно позднее они выступают на сцену, а до этого, как говорит учительница, их прошлое было «неинтересным».

От прошлого Африки осталось лишь два ничтожных следа, и это не вызывает ни стеснения, ни стыда. Во-первых, вспоминается Мусса, жена короля Мали. Она совершала паломничество в Мекку, и во время пере-

хода через пустыню ее охватило желание принять ванну: слуги тотчас вырыли ей бассейн прямо в песках. Во-вторых, упоминается кровожадный Самори; он приказывал умерщвлять беременных служанок и в специальном сосуде толочь неродившихся детей. Нет, прошлое Африки не могло питать воображения Соу Ндеи. История, о которой можно было грезить, происходила в другом месте. Первая рана, зарубцевавшаяся лишь двадцать лет спустя, была получена в 5-м классе, при изучении великих завоеваний. «Вслед за вестготами, – говорила учительница, – в Галлию вторглись остготы, франки, а затем приверженцы ислама. Мусульманские завоеватели пришли из Африки в Испанию и потом в Галлию. Но, к счастью, им не удалось ее завоевать, Карл Мартел их остановил; они были изгнаны сначала из Галлии, а позже и из Испании». Это «к счастью» кинжалом пронзило сердце Соу Ндеи. О своем волнении она шепнула соседке, такой же, как и она, черной и мусульманке. Рана затягивалась с трудом. Она вновь открылась, когда преподаватель французского дал ей прочесть поэму Бернара Дадие «Благодарю тебя, Боже что ты создал меня черным». У нее полились слезы.

Отныне она почувствовала связь между борьбой за независимость и стремлением воссоздать ценности африканской культуры. «Черное красиво» – пели подруги Соу Ндеи; она стала носить украшения и головные уборы такие, какие носили ее предки, пытаясь най-

ти в истории источники национального самосознания. Сегодня подобные поиски порождают в Черной Африке отчужденность по отношению к историкам и кинематографистам, даже самым благорасположенным по отношению к африканскому прошлому. «Двадцатидневного пребывания не может хватить, чтобы нас узнать, чтобы нас понять», – говорит Соу Ндеи. И я чувствую, что скрывается за ее улыбкой; в глубине души она полагает: они завоевали, грабили, эксплуатировали нас, и вот теперь этот иностранец хочет отнять еще и последние жалкие остатки ее сокровенного самосознания, добраться и до него.

Только далекое прошлое не может быть предметом размышлений: оно кодифицировано. В ином положении находится более близкое. Вспоминать его события не возбраняется. Именно так обстоит дело с колониальным завоеванием, которое сохраняется еще в памяти африканцев. Жан Руш превосходно воспроизвел его в фильме «Бабату и три совета».

Запрограммированная деколонизация

В свете новых исследований становится все более ясно, что Тропическая Африка является колыбелью человечества. Вот первая идея, выдвинутая Умаром Кане, одним из основателей журнала «Африка сегодня», который ставит перед собой задачу «деколонизации истории», т. е. перемещение ее «очага» из Европы (III. 8).

«Итак, следует утверждать, что Африканский континент заселялся с доисторических времен; почти все доисторические этапы производственной деятельности человека протекали на африканской земле, в особенности на высоких плато Восточной и Южной Африки.

Первостепенное внимание в исследовании доисторической Африки следует уделить неолитической революции с ее двумя основополагающими новшествами: возникновением земледелия и скотоводства. Принято говорить, что земледелие привнесено извне, что этот навык был завезен в Африку. Но если не отрицается роль и первенство Месопотамии, плодородного Востока и Нила, то почему же нельзя рассматривать зарождение

земледелия в Африке независимо от этого внешнего фактора...»

«Из всех исследований вытекает, что земледелие в Африке повсеместно распространилось между 4-м тысячелетием и первой половиной 2-го тысячелетия, тогда как некоторые регионы познакомились с ним лишь в первой половине 1-го тысячелетия. Растения, составляющие основу нашего питания, вероятно, получены путем селекционного отбора: мелкое просо, фоньо, элевзина, сорго, ямс».

«Особое внимание следует обратить на прогрессирующее наступление пустыни в районе Сахары и на последствия этого явления. Наступление пустыни позволяет объяснить расселение африканских народов в течение целых исторических периодов, миграции скотоводов на огромные расстояния, когда они в поисках пастбищ вынуждены были теснить на своем пути оседлые народы. Разве жители наших саванн не являются как бы наследниками жителей Сахары в эпоху неолита? Разве скотоводы пелхи и туареги не потомки скотоводов Сахары? Разве оседлые крестьяне сахелосуданских саванн не имеют отношения к жителям деревень, следы которых обнаруживают ныне в пустынных впадинах Сахары?»

Это расхождение со схемами «всемирной истории»

требует новой периодизации. Что касается исторически обозримой эпохи, Умар Кане предлагает принять хронологию чешского африканиста Хрбека, которая уходит от традиционной западной хронологии, порывает и с марксистской схемой, трудно приложимой к эволюции африканских обществ. Он предлагает хронологию, основанную на динамике самих этих обществ. Вот эта периодизация в восходящей ретроспекции, от настоящего к прошлому.

1950-1960 гг. – Движения за независимость.

1890-1910 гг. – Конец периода независимости, начинающегося около 1830 г.

1805-1820 гг. Глубокие потрясения как в зонах контактов, так и в зонах изоляции. Джихад Осман-дан-Фодио в Западном Судане, образование государства зулу во главе с Чакой; возвышение Буганды в Межозерье; основание Мухаммедом-Али современного Египта; объединения государства Имерина на Мадагаскаре; начало гегемонии Омана на восточном берегу. Повсюду тенденция к объединению, к бесконтрольной абсолютной монархии. Это совпадает с прекращением торговли неграми.

Рубеж XV-XVI вв. – Прибытие европейцев и ввоз растений американского происхождения. Завоевание Восточной Африки племенами, пришедшими с Нила. Образование государств Куба, Луба, Лунда; упадок Сонгаи и расцвет

городов-государств хауса, Канем-Борну, Вадаи⁸. Продолжается движение племен банту на юг. В средиземноморской Африке господствует Оттоманская Порта.

«Дiasпора банту в Центральной и Южной Африке современная железному веку в Черной Африке (III в. до н. э. – V в. н. э.). Железный век начался с движения протобанту из бассейна верхнего Конго в направлении южных саванн. Экспансия банту совпала с ввозом съедобных растений из Юго-Восточной Азии». (...)

«Таким образом, распространение ислама и образование центральноафриканских империй оказываются на втором плане».

Особенность такой периодизации, как видно, не только в разъединении прошлого Черной Африки и прошлого Востока и Европы, но и в исключении из африканской истории всего, что могло бы бросить тень

---

⁸ »...Образование государств Куба, Луба, Лунда... Вадаи». Европейское средневековье совпадает с расцветом в Центральной Африке ряда сильных централизованных государств с развитыми ремеслами и торговлей, с крупными городами, самобытной культурой. Сонгаи – империя на территории Западного Судана. Расцвет Сонгаи приходится на XV-XVI века. Упадок Сонгаи связан с расцветом городов-государств хауса, находившихся на территории современных Нигерии и Нигера. Канем-Борну – государство в Центральном Судане, возникшее в IX в. Возвышение его приходится на XIII – XVI века. Вадаи – государство в Центральном Судане, в районе озера Чад, существовавшее с XIV в. до начала XX в. Куба, Луба, Лунда – средневековые государства в бассейне реки Конго.

на настоящее, разжечь распри, повредить африканской идее, африканскому единству. На практике учебники для детей сохраняют по отношению к этим «рекомендациям» относительную независимость. Например, очень новаторская книга М'Боу и Девисса (III.1) отнюдь не отодвигает на второй план центральноафриканские империи, а, наоборот, ярко высвечивает их. Но для человека, сформировавшегося на постижении истории под европейским углом зрения, такая периодизация в любом случае представляет собой откровение.

На что бросает свет и о чем умалчивает новая африканская история

История африканского континента предстает перед его юными жителями как сияющая череда королевств и империй, среди которых одни совершеннее и чудеснее других (III.1). Сначала это империя Гана⁹, где царствовал король золота Сиссе. Затем империя Мали, достигшая своего наивысшего расцвета при Гонго Мусе, благородном и великодушном, щедром на милостыню. Во время паломничества в Мекку он истратил на милостыню сто мер золота, сначала по дороге в Каир, затем в самом Каире, наконец, по пути между Каиром и благородным Хиджазом, так что, возвращаясь, он не имел денег и вынужден был занимать у торговцев под свое поручительство. Затем следует империя Сонгаи, централизованное государство, в котором были советники и министры церемониала, юстиции, финансов, флота, пехоты и кавалерии. Там была развитая культура, университет в Томбукту был известен за пределами империи (XV в.). Южнее располагаются

---

⁹ Гана – государство в Западном Судане, расцвет которого приходится на XI век. В XIII в. Гана стала частью возвысившегося соседнего государства Мали.

королевства моси, для которых характерна «тщательно продуманная политическая организация, очень высокая степень стабильности, почти полное отсутствие обменов с внешним миром». Такие же весьма стабильные города-государства хауса ссорятся между собой, их отличительной чертой является демократическое устройство. Еще южнее не менее чудесные «страны побережья», города-государства йоруба и королевство Бенин. Что касается возникших позже королевств банту, то они «богаты и миролюбивы», но вскоре, за исключением Конго, становятся жертвами работорговли и колонизации. Более славная судьба у государства Мономотапа¹⁰ в Восточной Африке. Его богатство определяет процветание всего приморского региона, связанного помимо всего прочего с Индией, арабами, Китаем. Здесь возникает одна из самых блестящих цивилизаций, называемая цивилизацией суахили, по имени распространенного в регионе языка-посредника. К моменту появления португальцев цивилизация суахили достигла своего апогея. Появление португальцев стало причиной ее упадка.

А что происходило в тот же период на христианском Западе? Неустойчивость, подтачивавшая каролингский порядок, раздробленность, войны. «Люди ма-

---

¹⁰ Мономотапа – государство, несколько веков существовавшее в междуречье Замбези и Лимпопо. Расцвет его приходится на XIV-XV века. В XVII в. разрушено соседними племенами.

ло путешествуют, плохо знают друг друга». Возрождение наступает значительно позднее, с возвышением городов Фландрии и Италии. Но как только положение в Европе стабилизировалось, а население увеличилось, она немедленно обратилась к захватам, к экспансии в разных формах: это и крестовые походы, и колониальные завоевания.

Параллель между сверкающим африканским миром и миром западным поразительна. Вот сравнительная характеристика королевства Гана и христианского Запада. Показательны сами слова, которые употребляются:

Королевство Гана

Могущественная Империя

Прибыльные торговые связи

Прекрасный город

Простое и выдающееся по своей точности наследственное право

Умеренные налоги

Государственная казна очень богата

Богатство страны

Активный торговый центр

Христианский Запад

Барщины, установленные сеньорами

Голод

Отсутствие излишков для торговли

Народонаселение в плачевном состоянии

Умирают молодыми

Болезни и эпидемии

Свободы ограничены

Крестьяне – жертвы социального устройства

Ухудшение положения сервов

С другой стороны, редко проясняются взаимоотношения между африканскими государствами и исламом. Говорится, разумеется, о королях, которые обращаются в ислам, о сопротивлении в странах тропических лесов, но вскользь. Любопытно, что это единственная область, где ссылаются на сложность встающих проблем, на неспособность историков их разрешить, прийти к согласию в их интерпретации. Внезапно и только здесь появляются сослагательное наклонение и выражение типа «может быть».

«Традиция, которую многие историки рассматривают как не слишком достойную доверия, говорит об оккупации Ганы Альморавидами в 1075 г. Они заставили якобы государя обратиться в ислам и перебили всех жителей, не желавших отречься от анимизма. Как бы там ни было, Абу-Бекр посвятил последние годы своей жизни войне со сторонниками анимизма. Место, где он нашел в бою свою смерть, неизвестно».

«Возможно, – пишет автор, – давление Альморавидов заставило владык Ганы, придерживавшихся ани-

мизма, выбрать новую, более защищенную столицу, чем Кумби-Сале. Все это вопросы очень сложные, они еще недостаточно исследованы и вызывают споры» (III.1).

Как только речь заходит об исламе, рука историка начинает дрожать.

Чеддо и ислам

Итак, процесс включения ислама в африканскую историю изображается вскользь. А как он переживался? Его трагическое содержание показано в фильме Самбена Усмана «Чеддо». Опираясь на опросы, на устную традицию, режиссер воссоздает далекий XVII век, сопротивление чеддо утверждению ислама. Чеддо – это люди, все отвергающие, они стремятся к абсолютной свободе и не приобщаются ни к какому конкретному этносу или религии. В фильме чеддо похитили и держат в плену дочь короля. Чеддо не отказываются признать законность короля, они только требуют, чтобы он отстранил совет имамов, понемногу присваивающий себе именем короля право надзора за всем обществом. Опираясь на священную книгу, этот совет все более забирает власть. Король сознает, что утрачивает власть, но он слаб. На самом деле он не осуждает похищение своей дочери, понимая его значение. Но он заложник порядка, который имамы ввели с его молчаливого согласия, представив ему ислам как высшую мудрость и высшее знание, утверждая, что его власть возвышается над властью королей. И вот теперь ислам лишает его власти, упрочивая власть вельмож, вошедших в совет имамов.

Пленница-принцесса ждет своего освобождения. Она также стала мусульманкой, а память о двух братьях, один за другим убитых чеддо, укрепляет ее надменность. В борьбе с мятежниками погибает, в свою очередь, ее отец. В конечном счете чеддо побеждены. Им не хватало оружия и приходилось обращаться за ним к белым.

После победы над чеддо принцесса обещана имаму. И вот в момент свадьбы она выхватывает кинжал и закалывает его на глазах силой обращенного в ислам солидарного с ней народа.

Мусульманская элита почувствовала себя задетой этой великолепной и вызывающей драмой. Белый человек – также; он предстает здесь – и не впервые – в образе священника, единственной заботой которого является распространение власти Церкви на всех африканцев. В погоне за этой химерой он совершенно безразличен к судьбе чеддо, к их поражению, к их стремлению выжить.

Антихристианская традиция поэзии суахили

Истина, как ее понимают в Сенегале, не обязательно совпадает с общеафриканской истиной. В Восточной Африке, к примеру, не было «религиозных войн», и коллективная память хранит другой образ исламизации. Этот образ был изучен Яном Кнаппертом (III. 10) по литературе на языке суахили, особенно по местным поэмам – сказаниям, основанным на народной традиции. Самая древняя из поэм – «Эрекели», в ней говорится об обращении в ислам христиан и язычников. Поэма начинается со смерти Джафара, двоюродного брата Мухаммеда, убитого христианами, которых он пытался обратить в свою веру. Тогда Мухаммеду является Гавриил и передает приказ объявить войну императору Эрекели. «Если ты станешь мусульманином, – говорит ему Мухаммед, – мы сделаем вас народом»; это характерный момент обращения в ислам сторонников анимизма в Африке.

В той же поэме христианский епископ в гневе стучит ногами, что свойственно, по мнению суахили, христианам – нетерпеливым, вспыльчивым и грубым. «Алчные и раздражительные христиане ведут себя, как дети, они не обладают достоинством и возвышенностью му-

сульман». «Без сомнения, – говорит в поэме епископ, – мы поклоняемся младенцу Иисусу, который является как бы первым ребенком среди наших детей». Этот ответ поражает африканцев, которые могут в крайнем случае еще согласиться поклоняться человеку в летах, но никак не ребенку. Христиане демонстрируют в поэме и другие смешные странности: впереди их армии несут кресты и хоругви с изображениями; во время битвы, окруженные опасностями, они начинают рассматривать эти изображения.

Победы мусульман все время воспеваются в устной традиции суахили. Обращение в ислам выглядит здесь как совершенно обычное дело, даже если кого-то и приходится обращать силой, а детей – с помощью кнута и палки. Обращение в ислам объясняется в эпической традиции также и чудесами, которые совершает Мухаммед; они хорошо вписываются в мир магии африканца, дополняя его. Для африканцев важен равным образом культ мужественности: у Мухаммеда было девять жен, и молодые мусульмане обязаны знать имена всех его супругов. У него было девять жен, потому что он был мужчина необыкновенный и мог их всех удовлетворить за одну ночь. Христианство проповедует воздержание и целомудрие, а ислам учит, что «лучше одна жена, чем много, но чтобы избежать греха разрешается иметь четыре». Таким образом удовлетворяется потребность в полигамии и, кроме того, гаранти-

руется превосходство мужчины над женщиной.

Торговля в одном направлении

Та же «сдержанность», с какой говорится о проблеме исламизации, характеризует главы, посвященные торговле неграми, хотя именно так называется книга для 4-го класса (III.2).

«Работорговля – это коммерция, связанная с продажей черных в рабство; их отрывают от семей и отправляют главным образом в Америку. Эта торговля началась с конца XV в. Она практиковалась большинством европейских наций, американцами, арабами при соучастии самих африканских правителей, продолжалась до конца XIX в. и сильно сказалась на всей истории Черной Африки».

Замечательный был бы текст, если бы только продажа рабов в арабский мир не началась на семь веков раньше и если бы в главе упоминалось о неграх-рабах в странах ислама. Опять дрогнула рука, когда речь зашла об арабах, о совершенных ими преступлениях, о том, как они превращали в евнухов и лишали возможности иметь наследников тысячи пленников... Тогда как перечень преступлений европейцев – и с полным основанием – занимает целые страницы.

Потомков этих рабов мы обнаруживаем за Атлантикой, на Антильских островах. В Тринидаде и Тобаго или

на Ямайке негры и выходцы из Индии, прибывшие сюда в XIX в., живут вместе, сменив караيبов и индейцев, которых истребили первые колонизаторы: испанские, португальские или голландские.

Какое видение прошлого представляют сегодня учебники истории этим потомкам людей, оторванных от своих корней?

3. Заметка о Тринидаде: история-заклинание

«Идя по улицам города в Вест-Индии, мы встречаем людей, кажется, всех наций мира¹¹. Здесь есть китайцы, евреи и сирийцы; здесь есть негры и индийцы; здесь есть португальцы и испанцы; а вот эти могли бы быть французами или англичанами, голландцами или немцами. В Британском Гондурасе мы можем встретить индейцев майя и караибов, а на маленьком островке Доминика – араваков.

В Европе живут миллионы детей, которые никогда не видели собственными глазами ни китайцев, ни индийцев, ни африканцев. В Китае – миллионы детей, которые никогда не видели никого, кроме китайцев. А в Тринидаде во многих школах мы видим мальчиков и девочек различных рас в одном классе; у многих индийцев и китайцев лучшие друзья – сирийцы или негры. Поистине, в

---

¹¹ »...Мы встречаем людей, кажется, всех стран мира...» Этническая пестрота населения Вест-Индии обусловлена исторически. Коренное население – индейцы – постепенно вытеснялось и уничтожалось колонизаторами: испанцами, затем англичанами. Для работы на плантациях англичане широко практиковали завоз рабов из Африки, а после отмены рабства в 1834 г. – законтрактованных сельскохозяйственных рабочих из Индии и Китая.

мире мало таких стран, как наша...

Мы не должны забывать, что во многих частях света народы ссорятся и воюют только потому, что не научились жить вместе с теми, у кого религия или цвет кожи не такие, как у нас. Здесь, в Вест-Индии (на Тринидаде и Тобаго, на Барбадосе и на Ямайке), мы умеем жить вместе и живем вместе уже давно. Это очень важно. Мы смогли бы научить этому весь мир и гордились бы этим».

Так начинается первая книжка по истории, которая попадает в руки детей, негров или потомков выходцев из Индии, составляющих 95% населения острова. Она называется «Наше наследство» (X.9).

На деле же взрослые негры и индийцы оспаривают друг у друга главенство и богатство на Тринидаде и Тобаго. Негры контролируют политическую власть, прессу, телевидение, экономическую инфраструктуру, подчиненную государству, особенно связанную с добычей и переработкой нефти. Индийцы понемногу стали хозяевами в торговле, а также хозяевами земли. Люди труда – и негры, и индийцы – зависят от руководителей своих общин. Индийская община более однородна, так как, переселяясь, индийцы образовали своего рода огромный культурный «клин». Достигнув экономического могущества, ее члены хотели бы иметь больше влияния в политических делах.

Политически разделенная негритянская община тем

не менее господствует. Она подверглась значительно большему воздействию Запада, была «раскультурена» и обращает свои взоры на Восток или на Запад в зависимости от идеологических ориентаций. Таким образом, классовая борьба и расовое соперничество тесно переплетены в странах Карибского бассейна. Однако благодаря президенту Эрику Вильямсу, «отцу нации», многократно переизбиравшемуся очень значительным большинством голосов, начиная с 1962 г., это соперничество не выходит за рамки представительной демократии английского типа. Свободно функционируют деятельные и мощные профсоюзы; рядом друг с другом уживаются многочисленные политические партии, оппозиция имеет глубокие корни как в негритянской, так и в индийской среде. Страна ориентируется на Запад больше, чем Гвиана или Ямайка, но меньше, чем Барбадос или Гаити. Она постепенно перестает быть слаборазвитой благодаря своей нефти. Эта страна еще бедна, но уже не живет в нищете.

Земля, открытая Христофором Колумбом, является собой превосходный объект для изучения образов истории, преподносимых детям: здесь рядом живут все расы. Европа представлена флагами всех наций-колонизаторов: сначала испанцев и голландцев, затем французов, появившихся во времена Туссена-Лувертюра как беженцы и завоеватели, наконец, англичан, ставших хозяевами обоих островов по Амьенскому до-

говору 1802 г. Это англичане завезли на острова индийских рабочих. В 1962 г. англичане признали независимость Тринидада и Тобаго.

И вот с этого момента в исторических текстах для детей начинается «заклинание злых духов». Конфликт между расами, т. е. повседневная реальность жизни островов, уже в первых параграфах книги отрицается, сводится на нет. При этом проблема расового и национального самосознания занимает важное место; ей одной, начиная с пещерного века и до сегодняшнего дня, посвящено семь глав из двенадцати. Самый поразительный пример содержится в главе об истории рабства. Но прежде чем перейти к ней, обратимся к тем самым начаткам «исторического знания», которые получает маленький ребенок – негр, индеец или белый, – живущий на островах Карибского бассейна.

Вот отдаленное прошлое. После пещерного века «первыми вехами в истории культуры» были Китай, Индия, Вавилон, Египет. В Европе греки предстают под знаком военного корабля, а «римляне были завоевателями и сколотили империю, немного похожую на Британскую империю». Затем наступили средние века, распространилось христианство, пришло начало нового времени. «Западные, в особенности европейские народы, стали создателями индустриальной цивилизации. Можно сказать, что западная цивилизация – это цивилизация машин».

В других главах рассматриваются цивилизации, наследниками которых являются народы Карибского региона: Китай, Индия, Африка.

«Китай – это страна «миролюбивого народа», который Конфуций наставлял следовать принципу: не делать другим то, чего не хотел бы по отношению к себе». Китайцы – народ «просвещенный, влюбленный в красоту и в искусства, великий изобретатель как в области материальных приспособлений, так и в области медицины». Сун Ятсен помог модернизации страны, развитие которой ускорилось при коммунистическом режиме сразу после второй мировой войны.

Индия. Эта страна была цивилизованной, «когда белые, европейцы, англичане еще жили в пещерах». Индийский народ тогда умел уже писать, следить за движением звезд. В Индии с глубокой древности известны искусные врачи, и именно здесь были созданы лечебницы даже для животных. Это индийцы придумали «ноль», они являются основоположниками нашей десятичной системы счета. Население в стране распределялось по кастам в зависимости от занятий и профессий.

Индия дала миру великих людей. Прежде всего это Будда, который учил, что своими несчастьями человечество обязано эгоизму и невежеству, что человек преодолет их и достигнет нирваны. (...)

«90 миллионов индийцев являются мусульманами, это означает, что они исповедуют религию, которой учил Мухаммед. Мухаммед был не индийцем, а арабом, он жил 1300 лет назад» (...). «Когда он был юношей, ему явился ангел Гавриил и сказал, что он пророк Аллаха – так у арабов зовут Бога». (...)

В Индии были и другие великие люди, кроме Будды. (...) Таким в XX в. стал Ганди, который всю свою жизнь боролся за независимость Индии. Ганди носил индийские одежды и питался молоком козы и овощами, как самые бедные среди индийцев. Хотя он был очень богат, но жил бедно, «стремясь помогать ближнему». Ему многое пришлось перенести ради своей страны. Миллионы индийцев в Индии и за ее пределами почитали его и прислушивались к его мнению. «Он проповедовал всем индийцам мир».

«Мир всем индийцам» – это единственный намек на теорию ненасилия, на вражду между индуистами и мусульманами в Индии, на отделение Пакистана.

«Африка и африканцы. В жилах восьми из десяти жителей нашей страны течет африканская кровь (...) Говорят, что здешние африканцы – это негры; однако негры – это лишь одна из африканских рас (...), и потом негры – это не единственный народ с черной кожей; существуют, например, черные индийцы на юге Индии».

«В некоторых странах есть люди, которые были

бы очень рады избавиться от тех, кто не одной с ними крови. Например, евреев многие века гнали из одной страны в другую. Во времена Гитлера евреев преследовали в Германии и в Польше, миллионы их были убиты или обращены в рабство... С тех пор образовалось независимое еврейское государство Израиль, но старые конфликты с арабами остаются.

Если нужен еще пример, то в Южной Африке африканцы и азиаты подвергаются всяческому унижению из-за своего неевропейского происхождения. Они не имеют одинаковых с европейцами прав. (...) Так же обстояло дело и в США, лишь сравнительно недавно там был принят закон, положивший конец сегрегации в школах». «Черных и белых больше не отделяют друг от друга. Все это может показаться нам странным, так как в нашей стране важен не цвет кожи, а то, насколько ты честен, полезен, добрый гражданин. Все расы могут гордиться собой. Все расы дали миру знаменитых людей».

В следующей главе под названием «Два знаменитых негра» рассказывается о жизни Букера Т. Вашингтона и Джорджа В. Карвера. Первый был рабом, а затем стал директором колледжа в Алабаме. Второй – «инженер и ботаник; он открыл 300 способов приготовления арахиса, 118 способов приготовления картофеля. Им повсеместно восхищались не только в США, но и в СССР.

Он был даже лично приглашен Сталиным».

А затем идет глава о рабстве.

Рабство сквозь годы

«Быть свободным – это значит, делать то, что нам хочется, когда нам хочется, не причиняя при этом вреда другим. Если человек становится рабом, он теряет эту свободу, он принадлежит кому-то другому, как животное или предмет. Если раб убегает от своего хозяина, если его «крадут», то закон помогает хозяину его возвратить. Он является собственностью своего хозяина.

Мы не знаем, кто был первым человеком, владевшим рабом. Кто бы он ни был, можно быть уверенным, что он желал иметь кого-то для своих услуг и не платить ему. Можно также с уверенностью сказать, что практика использования рабов существует давно, очень давно. Многие думают, что рабами были только негры. Это грубейшая ошибка! В определенный период своей истории люди всех стран – мужчины, женщины, дети – были рабами. Так было в Индии, в Китае, в Египте, в Персии, в Англии, во Франции, в Испании. Иной раз и белые могли быть рабами негров, как мы увидим в параграфах, посвященных туркам и другим народам, исповедующим ислам.

Было время, когда человек становился рабом,

совершив преступление, или же мог быть продан в рабство вместе со своей семьей за долги. Часто в рабство продавали побежденных в сражениях между двумя племенами. В Библии мы читаем, что все племя израильтян было продано в рабство в Египет.

В Греции... рабам поручали торговать, они были школьными учителями. С ними обращались намного лучше, чем с рабами последующих эпох. Существует знаменитая история об английских мальчиках, проданных в Риме на рынке рабов. Это было во времена Римской империи. Они были так хороши собой – белокурые, с очаровательными личиками, – что христианский священник спросил, откуда они родом. Они ответили, что они англ (angli), таково латинское название англичан. Священник стал звать их ангелы (angeli).

(...) Распространение христианства привело к исчезновению рабства в Европе; рабы превратились в сервов. Сервы были прикреплены к земле и не могли уйти с нее без разрешения своего хозяина. Когда земля продавалась, сервов продавали вместе с ней. Еще триста лет назад в Шотландии сервы носили железные кольца на шее. Но в Англии сервов нет уже пятьсот лет. А в России они были еще восемьдесят лет назад.

В течение сотен лет отвратительная форма рабства существовала в районе Средиземного моря. Турки-мусульмане имели обыкновение продавать в рабство всех христиан, взятых

в плен, если только те не отрекались от своей религии и не становились мусульманами. Мусульманин не может обратить в рабство другого мусульманина, это осуждается в их священной книге, называемой Коран. Средиземное море было заполнено кораблями североафриканских мавров, появляться там христианам было опасно. Европейцы, кто бы они ни были, могли быть обращены в рабство, и тогда были обречены стать гребцами на мавританских галерах и, будучи прикованными к палубе, переносить жестокое обращение, наказание бичом. Если галера во время боя шла ко дну, весь экипаж тонул вместе с ней. Турки в свое время комплектовали войска из детей-пленников, похищенных у родителей-христиан. Их обучали военному делу, и они становились грозными воинами.

Из следующей книги вы узнаете, что собой представляло рабство в Западной Африке.

Но на этом история рабства не кончается, ибо примеры этой старой и постыдной практики сохраняются вплоть до новых времен» (X.9).

Итак, о торговле рабами-неграми речь пойдет год или два спустя, и она будет выглядеть не столь уж специфическим феноменом, не столь уж драматичной. И не будет сказано, что это была массовая работорговля, что продолжалась она очень долго, являлась постоянным фактором развития общества на протяжении веков, не будет сказано, наконец, что все негры, живущие

сегодня на Американском континенте, – это потомки завезенных сюда рабов.

В результате в памяти юного жителя Центральной Америки, в том числе и негра, символом рабства останется иллюстрация «Английские мальчики, привезенные в Рим как рабы».

4. Индия: история, лишаемая сущности

Хронология

Арии начинают прибывать в Индию – ок. 1550 г. до н. э.

Рождение Гаутамы Будды – ок. 623 г. до н. э.

Начало царствования Ашоки – 273 г. до н. э.

Рождение Иисуса Христа – начало нашей эры.

Царствование Самудрагупта – ок. 340–380 г. н. э.

Встреча Харшавардханы и Сюань Цзана – 643 г.

Начало большого строительства династии Паллавов – ок. 642 г.

Ала-уд-дин Хилджи становится султаном Дели – 1296 г.

Рождение Кабира – ок. 1488 г.

Васко да Гама высаживается в Калькутте – 1498 г.

Кришнадеварая восходит на престол – 1509 г.

Рождение Тулси Даса – 1532 г.

Акбар основывает новую религию¹² – 1582 г.

---

¹² «Акбар основывает новую религию». В условиях противостояния разных религиозных доктрин Акбар (годы царств. 1555–1605) пытался утвердить религиозные представления, основанные на слиянии «разумных»

Джахангир вступает в брак Нур Джахан – 1611 г.
Сэр Томас Роу посещает Джахангира – 1615 г.
Рождение Шиваджи – 1627 г.
Строительство мавзолея Тадж-Махал – 1630–1652
гг.
Битва при Плесси – 1757 г.
Последнее сражение Типу (с англичанами). – 1799 г.
Раджа Рам Мохан Рай умирает в Англии – 1833 г.
Великое восстание – 1857 г.
Ганди начинает движение за несотрудничество –
1920 г.
Провозглашение независимости – 1947 г.
Провозглашение Республики Индия – 1950 г.
Эта хронологическая таблица взята из учебника
«История Индии для детей» (IV.4).

«Приходилось ли вам считать цвета радуги?
Их много, все они являются частью спектра и
разделить их нельзя. В какой-то мере наша страна
напоминает радугу. Ее жители принадлежат к
разным расам, их предки прибыли в Индию в
разные эпохи. Это были прежде всего арии,
затем народы Центральной Азии и Монголии,
а также представители других народов. Кто-то

черт разных религий и религиозных течений. От сикхов предлагалось
принять учение о покорности гуру (наставнику); от народного движения
бхакти – призыв к примирению индусов и мусульман; от ортодоксального
индуизма – обрядность и символику; от парсов – поклонение солнцу и
огню.

лишь прошел через страну или учился в больших индийских университетах, но многие в конце концов обосновались здесь, и эта страна стала их родиной. Пришельцы ассимилировались, а потом появлялись другие, и это повторялось снова и снова. В результате сегодня в каждом индийце, как в радуге, несколько составляющих».

«... Наша история – это удивительная история, которой мы можем гордиться. Разумеется, есть и такие периоды, которыми мы не можем быть горды, но надо знать (...) в нашем прошлом как хорошее, так и плохое» (IV.4).

Итак, с самого начала в истории, которую рассказывают детям, звучат две темы: прежде чем заимствовать у других, Индия сама давала и учила; те, кто ее завоевывал, ассимилировались в ней, и, подобно античной Греции, «она завоевала своих диких победителей». Причем не упоминаются ни арабы, ни турки, ни персы, ни афганцы – постоянные грабители индийской земли.

Как и в Черной Африке, переоценка прошлого позволяет переоценить настоящее.

Исключительная древность и мудрость Индии

«Наши ученые открыли очень старое поселение в Синде, в местечке, которое называется Мохенд-жо-Даро. Оказалось, что поселение это существовало пять тысяч лет назад. Дома его были сложены из кирпича; для поддержания чистоты жители соорудили целую систему водостоков. У них были бани, широкие проспекты. Должно быть, они были очень умелыми ремесленниками, поскольку там нашли изящные гончарные изделия из глины и прекрасное оружие из меди и бронзы... Страна эта была тогда зеленой и плодородной. И это может удивить нас сегодня, когда Синд является пустыней».

«Поистине, можно гордиться тем, как много умели люди в нашей стране в такой глубокой древности».

Источник мудрости индийцев состоит в «знании вед», которые учат возвышаться над несчастьем и счастьем, над гневом и завистью, искать истину. Веды учат также «о перерождениях и о том, что Бог един».

Итак, в историю проскальзывает индуистская религия, оценочные суждения и изложение фактов не раз-

личаются... «Пришедшие из Центральной Азии или из Европы арии искали себе места, чтобы осесть. Вначале у них было много боевых столкновений с первыми жителями Индии, но позже они стали друзьями» (...). «Арии научили их ведам, склонили принять систему каст (...). Эта система помешала единству индийского народа в момент опасности, как это будет видно».

На самом деле этого не будет видно. Во всех книгах, предназначенных для индийских детей, если и делается хоть малейший намек на систему каст, так только для того, чтобы выразить сожаление: «Это было большое несчастье для Индии...»

«Но расскажем сначала чудесную историю Рамы и Ситы» (IV.4).

Чудесная история Рамы и Ситы¹³

«Все вы слышали о Раме и Сите и всем вам знакомо огромное изображение Раваны, которое сжигают каждый год; память о подвиге доброго царя Айодхьи Рамы, который победил и убил Равану, злого правителя Ланки, похитившего его жену Ситу, отмечают процессиями и иллюминациями. Вот эта история.

В царстве Айодхья жил некогда государь по имени Дашаратха. Его старшего сына звали Рама. Все его любили и ждали, когда он, в свою очередь, станет царем. Однако мачеха Рамы Кайкейя хотела, чтобы трон перешел к ее первому сыну Бхарате. Она заставила мужа сослать Раму в лес на четырнадцать лет. Будучи послушным сыном, Рама уехал, сопровождаемый своей обожаемой женой Ситой и своим братом Лакшманой. Государь был так потрясен отъездом сына, что умер от горя, а юный Бхарата так любил Раму, что отказался от трона (...)

Жизнь Рамы, Ситы и Лакшманы в лесу

---

¹³ «Чудесная история Рамы и Ситы». Рамаяна – индийский эпос, сложившийся на основе древних легенд и записанный на санскрите во II – III вв. н. э. Он посвящен подвигам мудрого, добродетельного царя-героя. Великий индийский поэт Тулси Дас (1532–1624) на основе этого эпоса создал свою «Рамаяну» на языке хинди, поэму глубокого религиозно-философского содержания.

была очень сурова, полна опасностей, они были лишены тех удобств, к которым привыкли во дворце. Тем не менее они были счастливы, жили в согласии с природой, среди деревьев и животных. Им приходилось также бороться с лесными демонами (...)

Шурпанкха, сестра демона-царя Раваны из Ланки, увидела Лакшману и сочла его столь красивым, что потребовала себе в мужья. Он отказался. Она же не желала с ним расставаться, а он был так этим разгневан, что отрезал ей нос. Услышав об этом, Равана пришел в бешенство и, чтобы отомстить, послал к Рама своего дядю Маричу. Тот превратился в лань. Увидев красивое животное, Сита была так очарована, что попросила мужа поймать лань. Рама согласился, поручив брату охранять Ситу во время своего отсутствия. Внезапно Лакшмана услышал крик Рама о помощи. Что ему было делать? Спешить на выручку к брату или же оставаться с Ситой, как тот ему приказал? В конце концов он отправился. Но это была хитрость Маричи, подражавшего голосу Рама. Равана воспользовался моментом (...); он проник в хижину Ситы, схватил ее и утащил.

Рама возвратился, естественно, с пустыми руками, так как лани не было. Сита пропала, и сердце его было разбито. Вместе со своим храбрым братом он отправился на ее поиски. Ему помогли обезьяний царь Сугрива и его

министр Хануман. Армия обезьян передвинула тысячи скал, чтобы перегородить море, соорудить над ним переход и таким образом добраться до Ланки. Там Рама сражался с Раваной и убил его. Сита была освобождена, а поскольку годы изгнания кончились, Рама вернулся в Айодхью в сопровождении Ханумана, Ситы и Лакшманы. По прибытии Рама был встречен народом с великой радостью. Бхарата передал ему трон в неприкосновенности, и Рама, наконец, мог стать королем. Его царствование было справедливым и добрым, и с тех пор о его правлении говорят как об идеальном» (IV.4).

Очищение и секуляризация истории

В этой чудесной повести об истоках, где сочетаются миф и история, негативные черты отсутствуют. Легенда очищена от всего, что могло бы осквернить источники прошлого. Рамаяна – это история идеального правительствa, которой последующим государям полагается вдохновляться. Поэтому в ней остаются скрытыми «ошибки», совершенные Рамой. Вероятно, самое постыдное его преступление – это нарушение законов войны, когда он предательски, в спину, убил Валина, завистливого брата Сугривы, сражавшегося в тот момент с другим. Второй проступок – отречение от Ситы, обожаемой и верной жены, от которой Рама после своей победы над Раваной отказывается, так как она жила у другого. Согласно легенде, Сита поднимается на костер, но не сгорает и таким образом доказывает свою верность. После этого она может возвратиться на трон. Эти эпизоды и им подобные замалчиваются, чтобы не бросить тень на образ Рамы, представляемый детям. Их хорошо знают и историки, изучающие происхождение индийцев, и они также по традиции стремятся «оправдать» Раму, объяснить его поведение. Точно так же в книгах, посвященных происхождению индий-

цев, замалчивается этнический конфликт между северными ариями, завоевателями с более светлой кожей, и более темными индийцами с Юга. Замечается только, что они «стали друзьями». Равным образом не говорится о «Грихьясутрах», содержащих основополагающие предписания, определяющие поведение главы индусской семьи, сборники правил о совершении ритуалов начиная от рождения человека и до самой его смерти. Но ведь суть индуса, именно индуса, т. е. того, кто принадлежит к религии индуизма, а не индийца вообще, и составляют эти домашние ритуалы, и это является характерной чертой жизни и истории Индии.

Итак, почтение к ритуалам обойдено молчанием, как будто цель преподавания истории состоит в лишении Индии ее индуистской сути. И эта гипотеза находит многократное подтверждение.

Сквозь всю историю последующих веков сверкающей нитью будет проходить память о добродетелях Будды¹⁴ и государей, управляющих Индией.

---

¹⁴ Будда. В переводе с санскрита – просветленный, умудренный. Сидхартха Гаутама, прозванный Буддой, – исторический персонаж, считающийся основателем буддизма. Традиционные годы жизни Будды – 623-543 гг. до н. э. Восемь заветов Будды: 1) праведная вера; 2) праведная мысль; 3) праведная речь; 4) праведные действия; 5) добытые праведным путем средства к существованию; 6) праведные старания; 7) праведные воспоминания; 8) праведное созерцание... Моральные заповеди Будды: не убий, не лги, откажись от роскоши. «Средний путь» – это избавление от крайностей, роскоши, воздержание во всем. Тот, кто следует этим путем, приходит к нирване – полному спокойствию, избавлению от

«У Будды были самые чудесные игрушки, он ел самую изысканную пищу, носил самые роскошные одежды, женился на самой прекрасной из принцесс... Однако, увидев нищего, сказавшего, что он хотел бы умереть, Будда был потрясен и решил все бросить... Он поклялся, что не успокоится до тех пор, пока не найдет для мира избавления от печали и несчастья... (...) Он остриг волосы, не ел и не пил, обращался к мудрецам Индии, но не нашел ответа ни в посте, ни в паломничестве (...) Но вот однажды он сидел под огромным деревом и внезапно ему пришел ответ (...) Зависть, желание обладать – вот, что порождает в мире вражду (...) Для того, чтобы с ними покончить, нужно постичь восемь заветов, найти «средний путь». Он повсюду творил добро, отказывался различать касты¹⁵...» (IV.4).

Что касается государей, то у них гордость сочетается с милосердием – самой характерной их добродетелью.

«Как мне с тобой обойтись? – спросил Александр Великий, когда он пришел в Индию и захватил в плен царя Пора.

– Как с царем, – ответил Пор.

Под впечатлением этого ответа Александр

желаний.

¹⁵ Касты – сложившаяся в Индии в древности система, освященная религиозными нормами и изначально определяющая место человека в социальной структуре, род занятий, не допускавшая изменений социального статуса.

оставил Пору царство (...) Солдаты устали, они отказывались идти дальше. Александр возвратился в Грецию».

«Подвиги Александра заворожили и возбудили молодого индийского принца Чандрагупту Маурью. Он решил подражать Александру и завоевать Индию. Ему это удалось, и он основал царство, которое охватывало почти всю Индию. Он прекрасно управлял страной, а его министр даже написал книгу, в которой объяснял, что нужно делать, чтобы хорошо управлять страной. Эта книга называется „Артхашастра“¹⁶» (IV.4).

В учебнике постоянно присутствует тема необходимости для Индии сохранять единство; она проявляется и в аллегории букета цветов Ашоки.

---

¹⁶ Артхашастра – обширный древнеиндийский политико-экономический трактат, содержащий в себе теорию идеального государства. Поскольку Артхашастра основана на государственной практике державы Маурья (конец IV– нач. III в. до н. э.), в литературе сложилась традиция приписывать ее авторство Чанакье, министру основателя этой державы Чандрагупта Маурья. В современной индологии обоснованы более поздние датировки Артхашастры.

Букет цветов Ашоки¹⁷ (273 г. до н. э.)

«Ашоке, потомку царя Пора, противостоявшего Александру Великому, удалось объединить Индию от Гималаев до реки Кавери. После покорения Калинги величие империи Маурья достигло своей вершины. Но это не сделало царя счастливым. Потрясенный видом поля битвы, устланного тысячами трупов людей и животных, он становится последователем Будды и решает больше не убивать живые существа.

Он решает также не есть мяса и старается остановить убой животных. Для того чтобы его указы были известны по всей столь обширной империи, Ашока приказывал высекать их на скалах и каменных столпах, воздвигавшихся повсюду в стране. Что же предписывали эти указы?

Они требовали, чтобы народ был доброжелателен, правдив, говорили, что не следует убивать. В них говорилось также о величии Ашоки и о его любви к народу.

На столпах изображались четыре льва и колесо; они и теперь украшают герб и печать

---

¹⁷ Ашока (приблиз. время царств. 273–232 г. до н. э.). Царствование Ашоки – это период расцвета державы Маурья, включавшей большую часть Индостана. Ашока активно пропагандировал морально-этические нормы буддизма.

нашего государства.

Если вам приходилось составлять букет цветов, то вы знаете, что их надо крепко держать, иначе букет рассыплется. Разожмите руку – и малейший порыв ветра разбросает цветы по сторонам. Царь Ашока и был тем человеком, который сжимал цветы твердой рукой; эти цветы – многочисленные маленькие княжества Индии, существовавшие в то время, когда императором был его дедушка. Когда Ашока умер, цветы рассыпались...» (IV.4).

В более поздние эпохи Индия была «наставником мира». Отдаленные страны, такие, как Египет, Рим, покупали здесь рубины, ткани. Даже Китай, стремившийся с ней познакомиться, послал Сюань Цзана¹⁸ «узнать о сути религии буддизма...» Ему навстречу отправился Харшавардхана¹⁹ в сопровождении великолепного кортежа, во главе которого восседал огромный Будда, сделанный из золота. «Он почитал обе религии: и индуизм, и буддизм». После пятнадцати лет пребывания в Индии Сюань Цзан, ставший ученым буддистом, возвратился к себе на родину...

В то время как в Северной Индии управляли Гупты, затем Харшавардхана, на Юге главенство оспаривали

---

¹⁸ Сюань Цзан – китайский путешественник, ученый буддист, проживший в Индии с 630 по 643 г. и оставивший записки об этой стране.

¹⁹ Харшавардхана – крупнейший правитель Северной Индии этого периода.

друг у друга две большие династии – Паллавы и Чалукья. Это «эпоха культурного расцвета в Махабалипураме и Канчипураме, где был большой университет».

«Много лет назад индийский принц с пятью тысячами человек отправился из этих государств на остров Бали. Они освоили этот остров. Этим объясняется то, что на Бали Рамаюну представляют так же, как в Индии. (...) Ява тоже стала индийской территорией (...), так же как и другие страны, усвоившие манеры и нравы Индии. В этих странах полагали, что индийская культура содержит в себе много прекрасного и доброго; так думали в Камбодже, Таиланде, Малайзии» (IV.4).

О чем не рассказывают юным индийцам

Эпоха царств Маурьев, Гуптов, Харши – это самый длительный период расцвета, который когда-либо знала Индия. Она длилась больше тысячи лет – с IV в. до н. э. до VII в. н. э. Это эпоха такого величия, когда Индия была наставником даже по отношению к Китаю. Нашествие гуннов было лишь недолгим трагическим эпизодом, прервавшим ее, но быстро изгладившимся.

Однако юным индийцам не рассказывают, что порядки царства Маурья не ограничивались принципами и правилами добродетели. Это было полицейское деспотическое государство, государство-шпион, единственное в своем роде. Донос был возведен здесь в принцип управления, и эта практика, существовавшая в течение многих царствований, продолжалась во времена ислама и сохранялась вплоть до появления англичан. Шпионы всегда играли существенную роль в индийской общественной жизни, и даже в «Рамаяне» рассказывается о шпионе, жертвой которого становится Сита. Была разработана «Книга шпионов», нечто вроде кодекса профессии и присущих ей приемов. В «Артхашастре», составленной одним из министров Чандрагупты, шпионы классифицированы по пяти ка-

тегориям: праздношатающиеся – они не вызывают никаких подозрений; астрологи и хироманты – они внушают людям доверие; аскеты – они имеют доступ во все классы общества; наконец, земледельцы и торговцы. Шпионы встречались также среди сиделок, кухарок, проституток. Да и мораль той эпохи отнюдь не выглядит вдохновляемой исключительно идеалами святости. В книге тайного мистического сообщества «Гухья Самаджа» говорится, что Будда постоянно предаётся разврату с ангелами. Да и на земле, по-видимому, это не была эпоха меланхолии; во всяком случае монашки и священники отличались скорее легкомыслием.

Естественно, что подобные извращения вызвали реакцию – возрождение индуизма²⁰. В школьных учебниках ничего не говорится о его причинах, а только упоминается учение Бхагавадгиты.

«Когда религия будет клониться к упадку, – говорит Кришна, – и когда надо будет уничтожить Силы Зла, тогда я возрожусь...» Задача перевоплощения или превращения изложена в «Бхагавадгите». «Это учение противопоставило буддизму притязание каждой человеческой личности на достижение состояния бо-

---

²⁰ Индуизм – совокупность религиозных, мифологических, правовых и этических представлений, связанных с культурами основных индийских богов-Шивы, Вишну (Кришны) и Брахмы. Сложился в древности. Основой индуизма были как религия вед, созданных арийскими племенами ок. XI–IX вв. до н. э., так и другие, местные верования. Видоизменяясь, индуизм дошел до наших дней.

жественности. Главным его проповедником стал Шанкара²¹. Это было возрождение индуистской религии. Многие буддисты стали индуистами. Постепенно стало невозможно отличить индуистов от буддистов. Индуизм опять стал великой религиозной доктриной Индии» (IV.4).

Таким образом завуалировано важнейшее событие, каким было вытеснение буддизма из Индии, возвращение к более мистическим и менее связанным с моралью и общественным поведением источникам веры. Ведь это история величия прошлого, ей трудно отказаться от святых, стоявших у истоков этого величия.

Очень часто вспоминается заморская культурная экспансия Индии. Ясно, что Камбоджа, Ява, Суматра были «индианизированы» силой, о чем никогда не рассказывается детям, перед которыми этот процесс предстает в виде спонтанного восприятия народами этих стран индийского образа жизни.

Не упоминается, например о том, что в 484 г. н. э. правитель Камбоджи, индиец по культуре, отправил посольство в Китай, чтобы просить помощи и поддержки против растущей мощи его опасного соседа-коро-

---

²¹ Шанкара (Шанкарачарья) – выдающийся индуистский проповедник VIII в., шиваит. Задался целью возрождения индуизма, для чего создал религиозный орден Санньяси. Его деятельность была очень результативной: буддизм был практически вытеснен из Индии. Индуизм в форме шиваизма и вишнуизма стал господствующей религией в стране.

левства Чампа (Вьетнам). Китайский император воспринял эту простую просьбу как демонстрацию верно-подданнических чувств. Ответ был составлен в форме эдикта. «Из поколения в поколение предки короля Фунана, как и он сам, управляли отдаленными землями на юге и, несмотря на расстояние, эти земли всегда были нам верны. Справедливо будет, следовательно, взамен засвидетельствовать ему наше расположение и пожаловать славный титул «командующего умиротворенного Юга и короля Фунана».

Таким образом, начиная с V в. Китай, а затем, в XIX в., Франция и вновь Китай во второй половине XX в. пришли на смену Индии, не выполнявшей своей «естественной миссии» поддержки и защиты Камбоджи. И об этом также умалчивает история, преподаваемая юным индийцам.

Вызов ислама

«Индия была разделена на множество княжеств, которые воевали друг с другом, растрачивая силы. Когда же на них напали извне, выяснилось, что они слишком слабы, чтобы оказать сопротивление».

Сначала извне напали арабы (VIII в.). Они появились как простые торговцы, но были заворожены богатствами Индии и захотели ее завоевать. Правители Раджпутаны сопротивлялись триста лет. Позже тюрки под предводительством Махмуда Газневи²² 17 раз вторгались в Индию, грабя страну, похищая ее рубины, драгоценности и круша все, что не могли унести. Так, был разрушен храм в Сомнатхе, охранявшийся семьями брахманами. Несмотря на этот урок индийские государи продолжали воевать друг с другом до тех пор, пока не пал Дели...

Эпоха господства мусульман была временем испытаний и унижений; султан требовал от индийцев лишь двух вещей: смирения и послушания.

«Когда сборщик требует у кхирадж гузаров

---

²² Махмуд Газневи (998–1030) – возглавлял исламское государство, образовавшееся в конце X в. в районе Газни на территории современного Афганистана. Талантливый военачальник, проводил активную политику, направленную на завоевание новых территорий.

(кликка, данная индийцам мусульманами, буквально означающая «свиньи-язычники»), денег, те должны, не задавая вопросов, отдать золото. Если сборщик желает плюнуть плательщику в рот, тот должен незамедлительно открыть рот. Поступая столь благоразумно, индус показывает свою кротость, свое смирение, свое почтение» (IV.4).

«История Индии для детей» не слишком задерживается на этих трудных веках. Разъясняется прежде всего, что мусульмане сделали Индию своим домом, смешались с индусами, восприняли их нравы; возник своего рода синкретизм в искусстве и даже в религии, в повседневной жизни. Успехи ислама, таким образом, остаются завуалированными...»

«У индусов стала очень строго соблюдаться система каст, и с людьми низших каст обращались очень сурово (...) И вот тогда произошло нечто весьма примечательное: возникло новое понимание религии и новое восприятие Бога. Когда вы вырастаете, то поймете, что идеи могут быть настолько сильны, что изменяют жизнь. Именно это, новое понимание жизни распространяли среди народа святые: например, Рамануджа²³, освободивший индуизм от сложного ритуала; святые проповедники бхакти²⁴, самым

---

²³ Рамануджа – индийский проповедник XI в., вишнуист.

²⁴ Бхакти – в пер. с санскрита любовь, преданность.

знаменитым из которых был Кабир²⁵ (...), мусульманин, говорили, что нужно забыть о себе, чтобы любить Бога. «Бог един, – учил Кабир, – поклоняемся ли мы ему под именем Рамы или Аллаха». Тысячи индийцев, индуистов и мусульман, стали его последователями. Когда он умер, все оспаривали друг у друга его тело: индусы хотели его сжечь, мусульмане закопать. Легенда гласит, что когда подняли покрывало, которым было укрыто тело, то вместо него увидели охапки розовых лепестков, и они разлетелись по ветру» (IV.4).

Эта красивая легенда также набрасывает вуаль на эпоху. А ведь ее ужасы превзошли, кажется, все, что когда-либо знала Индия. Низшие касты, эксплуатируемые завоевателями, оставались жертвами брахманской реакции. Растущее кастовое неравенство чувствительно затрагивало угнетенных: не видели ли они в исламе эгалитарную религию, не ведающую ни богатых, ни обездоленных? Итак, ислам бросает опасный вызов индуизму, который в ответ превозносит религию личности, уже не ритуальную и имеющую целью суб-

---

Демократическое индуистское движение, отмеченное сильной эмоциональной привязанностью к Шиве или Вишну. Слабо выраженное организационно, это движение было широко распространено географически, этнически, имело обширную социальную базу. Существовало с VI по XVII в.

²⁵ Кабир (1440–1518) – индийский религиозный деятель и проповедник, стремившийся объединить доктрины индуизма и ислама.

лимацию индивидуума в Боге, своего рода бегство от суровой жизненной реальности.

До сих пор углубление в мистицизм было уделом брахманов, элитарных слоев. Наступившие тяжелые времена заставляют и низшие классы искать прибежища в созерцании: они потеряли все, им остается вера, которую возрождают проповедники бхакти. И вот Тулси Дас перелагает «Рамаяну» на народный язык хинди. Проповедники учили, что богатые и бедные равно могут общаться с Богом. Их религия как бы несла освобождение: верующие игнорировали теперь как имущественное неравенство, так и неравенство в религии. Синкретизм был ответом Индии на угнетение и неравенство. Следствием его распространения стало уменьшение числа случаев обращения в ислам.

Величие и упадок Великих Моголов

Начиная с завоевания Дели Бабуром, потомком Тамерлана и первым Великим Моголом в Индии (1526), в текстах «Истории Индии для детей» вновь появляется назидательный тон; за этим кроется как бы относительное признание режима Великих Моголов. Вот Бабур жертвует собой у постели умирающего сына и тот выздоравливает; затем восхваляется Акбар, который восстанавливает «единство Индии от Кабула до Бенгалии и Годавари»; вот, наконец, Шах-Джахан, «самый великий строитель в истории», – он соорудил мечеть Джами Масджид и знаменитый мавзолей Тадж-Махал в Агре.

Но тон меняется, когда речь заходит об Аурангзебе, победившем своих братьев и бросившем в тюрьму собственного отца. Он не сумел поддержать союз с раджпутами²⁶, а «также» предавал казни сикхов²⁷. Ему

---

²⁶ Раджпуты – династии и кланы, правившие в мелких индийских княжествах до мусульманского завоевания, в VII–XII вв. Перед лицом завоевателей раджпуты оказались не только воплощением политической власти, но и защитниками индуистской религии, хранителями культуры и традиций.

²⁷ Сикхи – воинственная индийская религиозная секта. Основателем ее был поэт и проповедник Нанак (1469–1539)

приходилось бороться с маратхами²⁸, дерзкими всадниками, которые вели партизанскую войну.

«После блеска и пышности эпохи Шах-Джахана наступило время дорогостоящих войн. Индийские крестьяне беднели под гнетом налогов. Росла неуверенность. Всеобщее недовольство усугублялось суровостью Аурангзеба: он запретил при дворе музыку, отослал поэтов и писателей. Строгий мусульманин, он читал Коран наизусть. Он разрушал индуистские храмы, облагал торговцев-индусов дополнительными налогами, вновь обложил немусульман джизьей. Все это превратило индусов в его врагов.

Он не прекращал разрушать все, содеянное Акбаром» (IV.4).

Государство Моголов походило на старый дуб, корни которого облеплены паразитами, поедающими их со всех сторон. В то время как империя разваливалась изнутри, в Индию вторгся Надир-шах с целью присоединить ее к Персии. Это было настоящее избиение: великолепные дворцы предавались огню, заливались кровью. Наконец, Надир-шах удалился, унося с собой несметные богатства Индии, среди которых был знаменитый золотой Павлиний трон из Дели и самый знаменитый алмаз мира Кох-и-Нор. Империя Моголов не

---

²⁸ Маратхи – народ Декана, создавший в XVII в. в борьбе против насаждения ислама сильное военное государство.

оправилась от этого удара.

Одновременно она подвергалась атакам маратхов, последователей Кабира и Нанака. Самым знаменитым из них был Шиваджи.

Подвиги Шиваджи

Отец Шиваджи был офицером в армии султана. Воспитанием Шиваджи занималась мать, женщина очень религиозная. Она пела ему песни о героях Индии прежних времен, рассказывала истории о благородном Раме. Шиваджи жил с мыслью, что сам совершит столь же великие деяния, находился ли он среди пастухов или с удовольствием бродил по джунглям, не думая об опасности. Однажды он напал на форты, принадлежавшие султану Биджапура, и овладел ими. Отец Шиваджи был призван к ответу, но отвечал, что уже не имеет власти над сыном.

«Поскольку Шиваджи упорствовал, султан послал против него своего лучшего военачальника Афзаль-Хана, который заявил, что не спускаясь с лошади приведет Шиваджи, закованного в цепи. В действительности все было иначе. Афзаль-Хану не удавалось окружить крепость Пратапгарх, где заперся Шиваджи. Устав вести осаду, он предложил переговоры. Шиваджи согласился. Они встретились, но не как друзья. Афзаль-Хан пришел со стилетом, спрятым в рукаве. Но Шиваджи носил кольчугу, а под тюрбаном – стальную каску, на ногтях его были стальные напальчники с гвоздями. Оба сначала сделали вид, что приветствуют друг друга, но вскоре стало

ясно, что они дерутся. Афзаль-Хан был убит в бою, и по сигналу маратхи бросились на армию Биджапура.

После этого Шиваджи выступил непосредственно против Великого Могола. Партизанская тактика делала Шиваджи неуловимым, и Аурангзеб прозвал его Горной Крысой. Император был так раздражен неуловимостью Шиваджи, что послал ему приглашение прибыть во дворец в Агру. Это была ловушка. В тот день в Агру были приглашены и другие военачальники. Для того чтобы захватить Шиваджи, император приказал посадить его за стол низших офицеров. Как и ожидалось, Шиваджи почувствовал себя оскорбленным. Как и ожидалось, он пришел в ярость. И как и ожидалось, императорские гвардейцы его схватили. Тогда перед лицом всех присутствующих Шиваджи сделал вид, что его внезапно сразил таинственный недуг. Он рухнул на пол, и его унесли, чтобы оказать помощь. Затем, неизвестно как, ему удалось обмануть бдительность охраны и покинуть агрский дворец, спрятавшись в гигантскую корзину, над которой возвышалась гряда печенья.

Его возвращение к маратхам стало триумфом, и он был коронован как правитель маратхов (...).

Храбрый и безупречный, он был любимым и справедливым государем. Он следил за тем, чтобы крестьяне платили налоги в соответствии

со своими возможностями. Он был очень набожен, почитал святыни и своего гуру (наставника).

Спустя двести пятьдесят лет маратхи продолжают чтить имя Шиваджи и воспевают его память» (IV.4).

Преемники Шиваджи не имели его достоинств, хотя пешвы (наследственные первые министры у маратхов) все время били Великих Моголов. В конце концов они заняли Дели, но были остановлены в своей экспансии на Север Ахмед-Шахом Дуррани, восседавшим в Кабуле, который разгромил армию маратхов у Панипата; маратхи потеряли 200 000 солдат.

Именно тогда маратхи обратились за помощью к Англии.

Англичане, или сказка об обезьяне и двух котах

Богатство Индии притягивало торговцев и завоевателей. Когда империя Великих Моголов ослабела, португальцев в Индии сменили голландцы, затем датчане и, наконец, пришли англичане и французы.

«Именно англичане оказались самыми ловкими из всех, и именно они остались. Знаете, как они действовали? Например, Роберт Клайв из Ост-Индской компании. Он заметил, что индийские правители постоянно ссорятся. Тогда он предложил свои добрые услуги, подобно хитрой обезьяне из басни, которая делит кусок хлеба между двумя ссорящимися котами. И каждый раз он извлекал какое-нибудь преимущество для Великобритании. В той истории обезьяна утверждает, что разделит кусок на две совершенно равные части; для этого она все время как бы сравнивает их вес, откусывая по кусочку от каждой части, чтобы уравнять ее с другой. И так до тех пор, пока не съедает все, а котам ничего не остается. Так же поступал и Клайв. Как-то раз, сражаясь с бенгальским навабом, он втайне пообещал его генералу, если тот проиграет битву, сделать его навабом. Вот так англичане

выиграли битву при Плесси (1757)».

Отныне в Бенгалии наваб и англичане только и делали, что собирали налоги вместо Великого Могола. Король Англии был в восторге. Тем не менее, когда Клайв, уже стариком, возвратился в Англию, хотя он все сделал для утверждения английского владычества в Индии, в Англии нашлись люди, осудившие его методы. Его обвинили в бесчестности и жестокости. Он был очень раздосадован и затем, обеднев, покончил с собой. Оценку роли Клайва, наиболее соответствующую мыслям индийцев, дает Паниккар: «Клайв был гангстером, добившимся почестей, фальсификатором, лжецом и жуликом, что он и сам признавал. Его так называемые военные операции смешны, если сравнить их с кампаниями современных ему полководцев. «Государство», которое он основал и которым управлял в течение семи лет, занималось только лишь разбоем, преследовало единственную цель извлечения максимальной выгоды из якобы управляемых территорий. Английские историки предпочитают замалчивать период с 1757 по 1774 г., но достаточно сказать лишь одно: ни в какой период длительной истории Индии, даже в царствование Тораманы²⁹ или Мухаммеда Тугла-

---

²⁹ Торамана – вождь гуннов, совершивший вторжение в Индию в начале VI в.

ка³⁰, народу не приходилось сносить такой нищеты, как в Бенгалии во времена Клайва» (IV. 14).

---

³⁰ Мухаммед бин Туглак – султан Дели (1326–1351), отличавшийся жестоким нравом.

Лицом к лицу с англичанами: непрекращающееся сопротивление

С европейской точки зрения на историю, Индия была своего рода ставкой в игре разных государств и перестала существовать как единое целое после изгнания оттуда французов англичанами; юным же индийцам внушают, что сопротивление завоевателям продолжалось все время, не прерываясь.

Им рассказывают о подвигах героев, боровшихся за свободу против англичан: о Хайдаре Али³¹ и его сыне Типу Султане³², этих солдатах, побеждавших превосходящие военные силы. Во времена Уоррена Хейстингса, Веллингтона и т. д. мощь англичан неуклонно возрастала, тогда как Индия после аннексии Майсура не могла набирать большие армии. Но по крайней мере «героические» действия индийцев позволили части страны – владениям князей – не попасть в прямую зависимость от завоевателей.

---

³¹ Хайдар Али – выдающийся индийский военачальник второй половины XVIII в., фактический правитель княжества Майсур, ставшего центром противостояния англичанам. Реорганизовал армию, вел завоевательные походы.

³² Типу Султан – сын Хайдара Али и продолжатель его политики. Борьба Типу Султана с англичанами завершилась падением столицы Майсура в 1799 г. и превращением княжества в вассала Англии.

Вымогательства Компании все болезненнее ощущались в «оккупированной Индии»: алчность чиновников, разорение ремесленников вследствие конкуренции ливерпульского текстиля, отстранение индийцев от управления делами, всеобщее обнищание – сколько пороховых бочек, к которым был в конце концов поднесен факел: случай с патронами, послуживший поводом к великому восстанию 1857 года.

«Англичане даже не старались узнать наши нравы и обычаи. Смазка, покрывавшая их новые патроны, делалась из свиного сала или говяжьего жира, их приходилось скусывать зубами. Офицеры не знали или не желали знать, чего требовали от индийских солдат: они отдавали команду нарушить религиозный запрет, касавшийся как индусов, так и мусульман. Солдаты отказались повиноваться, стали стрелять в офицеров. Начался бунт» (IV.4).

Подобное пренебрежение к верованиям воспламенило ненависть, охватившую всю армию и все население. Мятеж распространялся, как пожар. Мятежники призвали старого императора Могола, давно лишеного всякой власти и по своему характеру «более склонного писать поэмы, чем водить армии». Тем не менее его участие имело значение символа. «Герои, мужчины и женщины, вроде Лакшми Бай, рани Джханси, вставали повсюду и погибали в бою». Но «было соверше-

но предательство во время решающей битвы, и мятеж был подавлен». Англичане тем не менее извлекли урок из этих событий, лишив Ост-Индскую компанию права управлять Индией; отныне она зависела непосредственно от короны.

С тех пор национальное движение не переставало развиваться, «вдохновляемое примером американской революции, французской революции» и учениями ирландца Бёрка и француза Жан-Жака Руссо.

Так, в сложном взаимодействии традиций и западной культуры родилась современная Индия. Многие выдающиеся индийцы воплощают в себе это сочетание культур: например, Рам Мохан Рай³³, один из первых индийцев, учившихся в Англии; затем Тилак, Гокхале³⁴, Рабиндранат Тагор, наконец, Ганди. «Их деятельность оказывала глубочайшее воздействие на общество, хотя внешне все казалось, абсолютно спокойным».

О Ганди, «отце отечества», которого «вы, дети, видеть не могли, знайте, что он даже не придавал значения одежде, и тем не менее силы и власти у него было больше, чем у самого великого из императоров... Эта сила была силой доброты, и знаменитый ученый Эйн-

---

³³ Рам Мохан Рай (1772–1833) – выдающийся индийский философ и общественный деятель, гуманист и просветитель.

³⁴ Тилак Локаманья Бал Гангадхар, Гокхале Гопал Кришна – деятели партии Индийский национальный конгресс первой четверти XX в.

штейн говорил о нем: пройдет тысячелетие, и трудно будет поверить, что подобный человек мог существовать».

«Уже мальчишкой Ганди был горд, как Артабан... Когда учитель в школе велел ему спросить у товарища, как пишется слово *kettle*, он отказался. Когда его старший брат задолжал, он стянул деньги у родителей, чтобы отдать брату, а затем, рыдая, признался в своей проступке всей семье. Мать послала его в Англию для завершения образования, но поставила условие, что он должен воздерживаться от трех соблазнов: алкоголя, женщин и мяса.

В Лондоне он стал одеваться по-английски, как джентльмен, и участвовал в вегетарианском движении. Он получил диплом адвоката.

После возвращения на родину он отправляется в Южную Африку. На первом же процессе, в котором он участвовал, выступая защитником индустов, Ганди отказался снять тюрбан в зале суда (что требовалось по существующим правилам) и покинул его. В поезде, следовавшем в Преторию, он был по жалобе белого англичанина изгнан из вагона первого класса, хотя оплатил стоимость билета. Глубоко униженный этими притеснениями, он посвящает свою жизнь защите прав индийского сообщества в Южной Африке. Прочитав Раскина, он становится апостолом ненасилия и долгое время состоит в переписке с

Толстым (...) Его тактика ненасилия, сатьяграха, в конце концов приводит к признанию права индийцев жениться в соответствии с их ритуалами и к узакониванию этих ритуалов.

По возвращении в Индию он, провозглашенный Тагором Махатмой, организует в 1917 г. агитационную кампанию среди мелких крестьян. Затем он проводит голодовку в поддержку рабочих-текстильщиков, получавших мизерную зарплату. В 1914 г. он призывает своих соотечественников вступить в английскую армию: позже это сможет им пригодиться. Его предвидение подтвердилось, когда в апреле 1919 г. национальные лидеры были высланы из Амритсара и начались восстания, жестоко подавленные: тогда погибли 379 индийцев.

Мусульмане протестовали против низложения турецкого султана. Ганди присоединился к ним, чтобы образовать единый индусско-мусульманский фронт в борьбе с англичанами. Большой успех имело начатое по его инициативе движение за бойкот английской продукции; Ганди стал призывать к его расширению, ратуя за развитие ремесленного, ручного ткачества. Но когда было совершено насилие по отношению к английскому полицейскому, он тотчас оставляет движение несотрудничества и предпринимает голодовку. Его арестовали и в ответ он потребовал либо самого сурового приговора, либо отставки судьи. Его приговорили к шести годам тюрьмы и т.

д.» (IV.4).

Видение победителей

Естественно, юные англичане обо всем этом не знают ничего. А сегодня еще меньше, чем знали старшие. Английская «История королевства. Книга для юношества» сугубо обтекаемо говорит о пребывании в Индии Роберта Клайва. Деятельность «Компании старого Джона» выглядит невинно: это португальцы и голландцы якобы мешали ей спокойно торговать, что якобы приводило к кровопролитию. Впрочем, «индийские правители тоже были не слишком дружелюбны в те времена (...) Однако молодой человек по имени Клайв показал себя хорошим воином в борьбе с французами, и тем пришлось оставить всякую надежду утвердить в Индии свое господство. Именно его компания по-настоящему управляла страной в течение века после этого...»

Что касается последующей эпохи, то тут 15-е издание «Истории королевства» для юношества (1967) еще более сдержанно. Действительно, а была ли Англия когда-нибудь империей? Можно было бы задаться подобным вопросом, если бы пробелы собственно исторических книг не восполняла всякого рода беллетристика исторического содержания. Она весьма популярна и восхваляет главным образом достоинства англи-

чан, для которых Индия стала местом обогащения.

И эта литература прежде всего воспекает страдания сыновей Англии.

«Что за странная напыщенность сопровождает, как мне видится, всю нашу историю в Индии. Кроме официальной истории, заполняющей газеты и начертавшей слово «победа» на знаменах, той, что дает моралистам и нашим врагам основания разоблачать вымогательства англичан, а захудалым патриотам возможность кичиться английской непобедимостью, кроме блеска завоеваний, богатства и славы, удовлетворенного честолюбия, добровольно пролитой крови во имя завоевания всего этого, разве не следовало бы вспомнить также и слезы? Разве не следовало бы подумать о той дани, которую вынуждены платить наши сыновья ради этих победоносных подвигов? Да, эту дань платят уже около двух веков, и над тронем вице-короля возвышается не только расшитый золотом балдахин, но также и завеса из человеческих слез. Я думаю, что большинство из тех, кто страдал, страдал без ропота. Но пусть по крайней мере наши соотечественники о них знают; пусть они знают, что камни, лежащие в основании нашего владычества в Индии, скреплены кровью сердец мужчин и женщин.

Потому что управление Индией – это не развлечение, а испытание, не костюмированный

бал, а чаще всего страдание» (IV.20).

Разумеется, в «Простых сказках холмов» больше балов и пикников, чем страданий и крови. У Киплинга, как и у Анни Стил или Перрена, Индия состоит из «тигров, джунглей, балов, холеры и сипаев». При этом индеец появляется разве что в качестве конюха или же он присутствует, чтобы служить противоположностью тому, что определяет истинного англичанина: хладнокровию, юмору, чувству чести, спортивному духу. Война предстает в виде игры, как, впрочем, и великое восстание. В индийца стреляют, как в мишень на ярмарке: «Браво, Гарри, прекрасный прицел!» Гарри уважает правила игры, он играет мастерски. «Он мог убить его из пистолета, этого факира, охранявшего храм (...), но у индийца была лишь шпага, чтобы защищаться, значит Гарри вынужден был убить его шпагой». Именно такого рода добродетели дают англичанам право и обязывают их учить этих людей жить. Какие бы то ни было деловые отношения или сближение с ними пагубны. Самый тяжкий позор для героини романа Крукера состоит в том, что во время восстания сипаев она под страхом смерти отдалась индийцу. Она уронила тем самым свое достоинство и лишилась самоуважения, так как образ жизни британца противоположен пассивности индийцев, страну которых надо во всем направлять и защищать. Не зря в английских книжках

и фильмах войны всегда ведутся на окраинах и на границах Индии, с целью ее охраны.

Приобщаться к жизни Индии опасно, почти непристойно, в лучшем случае смешно. Когда полицейский Стрикланд становится слугой, чтобы приблизиться к своей красоте, он делает себя совершенно «смешным» в глазах соотечественников. В самом деле, странный этот Стрикланд: «Он проповедовал необычную теорию, что в Индии полисмен должен знать о туземцах столько же, сколько знают они сами». От него держались подальше. В соответствии со своей абсурдной теорией, он шлялся по грязи в не слишком презентабельных местах, в которых не придет в голову вести расследование ни одному уважающему себя человеку. И все это еще в окружении туземного сброда. В течение семи лет он занимался самообучением, приобщился к индийским обычаям и танцам. Но все это не оценили свыше. Не без основания говорили: «И чего этот Стрикланд не бывает в своей конторе, не ведет журнал, не набирает новичков, не сидит спокойно вместо того, чтобы демонстрировать бездарность своего начальства?» (IV. 20).

Во всяком случае не следует стараться понять Индию. Индия, как женщина, она требует не понимания, а твердой руки. «Твердой власти, не такой, как власть Мак Гоггина, которого угнетали его обязанности, для которого невозможно было, получив приказ, не поста-

раться его усовершенствовать. Его теория «возлагала на людей слишком большую ответственность». «Дело ведь происходило не на родине, а в Индии», находящейся в стадии детства. «Подчас старую лошадь можно смирить с помощью одной веревки, но не молодого жеребца».

Трех качеств не хватало англичанам в индийдах, трех качеств, свойственных британцу: физической силы, дисциплинированности, организованности. Пока они не обрели этих качеств, с ними надо обращаться, как с детьми: быть строгими, но справедливыми, показывая силу, как это делал лорд Керзон, уже после восстания. Отныне на смену Индии торговцев и лавок пришла Индия военных парадов и «трех бенгальских улан» из одноименного фильма с Дугласом Фербенком в главной роли.

В самом деле, чем больше Индия стремилась к свободе через единство, восстановленное англичанами, тем более резко англичане различали теперь бенгальцев и маратхов, мусульман и индусов, сикхов и раджпутов. Конечно, они отдавали некоторое предпочтение мусульманам, своим предшественникам в деле господства в Индии. «Они прекрасно ездили верхом и превосходно играли в поло». В рассказах А. Стил симпатии автора на стороне Бабура, завоевателя и мусульманина. Еще более показательны то, что хотя организаторами великого восстания были индусы, в рас-

сказах англичан именно мусульмане всегда выступают как люди действия. Определенно, в представлении англичанина индеец, в особенности бенгалец, это пассивное существо, на которое нельзя рассчитывать. В новелле Киплинга бенгалец, которому поручено очень ответственное дело, бежит при первой же угрозе, при первой опасности, он абсолютно неспособен владеть собой (IV. 20).

В таких условиях невозможно вообразить существование национального движения. В истории, которую рассказывают детям, а также и взрослым, отсутствует развитие Свараджа – движения за освобождение, а есть только его таинственный и необъяснимый взрыв. Все восстание сводится к истории с жиром и патронами. Задним числом англичане признают, что все произошло из-за их ошибки: «они не сумели воспитать индийцев», а те проявили «неблагодарность» по отношению к Англии, которая столько сделала для них (железные дороги, больницы, плотины и т. д.).

Наконец, последнее: «Заслуживает ли Индия прощения своей неблагодарности»? Такой вопрос задает себе Анни Стил. Ребенком она пережила великое восстание. Она рассказывает об этом в книге «На поверхности воды». Она была счастлива не тогда, когда ее «книга продавалась, как хлебцы», а когда она получила письмо от читателя. Он писал, что почувствовал себя в состоянии простить Индии смерть своей жены,

убитой во время восстания, так как из новеллы А. Стилл
явствует, что не все индийцы ответственны за насилия.
Очень многие из них оставались лояльны, верны, по-
слушны, признательны...» (IV. 20).

Видение индийцев

Когда проблему национального движения освещают в Индии, то один, и весьма существенный, ее аспект, затрагивают вскользь. Это конфликт между индусами и мусульманами. Не говорится ясно, что объединение Индии англичанами, установившими равенство всех жителей, освободило индусов от статуса низших, который был закреплен за ними в течение веков. Отмечается, конечно, что англичане стали обращать внимание на прошлое Индии: это льстит самолюбию; но ведь прошлое было индуистским и оживление интереса к нему тоже было преимуществом для индусов, но не для мусульман.

Тилак тотчас понял, какую пользу могут извлечь индусы из подобного положения. Он создавал «общества в защиту коровы», превозносил Шиваджи и т. д., и таким образом под прикрытием почитания культуры прошлого он возрождал индуистскую Индию, а не Индию, ставшую частью исламского мира. Точно так же Ганди позже призывал к ненасильственным действиям, которые он представлял как средство борьбы с оккупантами, с британцами. Но ведь и эти методы тоже происходили от индуистской традиции, а не от вообще индийской.

Вследствие британской оккупации мусульмане лишились прежнего господства и обеспеченности, тогда как богатство дельцов-индусов, до тех пор весьма непрочное, с развитием капиталистических порядков постепенно обретало вес. Такое изменение вдвойне принижало мусульман и вдвойне возвышало индустов. История, которую рассказывают и преподают детям в Индии, не может во всеуслышание объявлять об этом. Ведь тогда обнаружилось бы, что, борясь за независимость, индийские вожди одновременно стремились посредством внешне невинного приобщения к английской демократической системе придать статус господства индуизму. Принимая во внимание численное превосходство индусов, такое положение обеспечивало в единой и унифицированной Индии верховенство немусульман. С установлением независимости меньшинство, которое в недавнем прошлом господствовало, неизбежно оказывалось в подчиненном положении, несмотря на то что руководители Индийского национального конгресса предпринимали все меры предосторожности, чтобы помочь мусульманам сохранить лицо, вводя принцип обособленных избирательных коллегий.

Итак, точка зрения индийских мусульман не представлена нигде. Молодые индийцы даже не подозревают, что таковая может быть, хотя им не рассказывается и о том, что Англия сначала, опираясь на инду-

сов, сокрушила государство Великих Моголов, а потом, опираясь на мусульман, тормозила движение Индии к независимости.

Распри между мусульманами и индусами лишь упоминаются как «большое несчастье». Они нигде не подвергаются анализу, как и отделение Пакистана в 1947 г., которое также представлено «достойным сожаления».

Другая проблема, которая замалчивается, – это кастовый режим и его воздействие на историю Индии. Конечно, когда говорится о прошлом, неоднократно подчеркивается, что деление на касты причиняло индийскому народу ущерб.

Этот режим «разделял общество». Но только ли в этом дело?

Говорится, что в эпоху Моголов, а затем британского владычества духовные вожди и позже Ганди стремились положить конец существованию статуса неприкасаемых. На самом же деле, если Ганди пришлось признать необходимость обособленной избирательной коллегии для мусульман, то, борясь против того же самого права для неприкасаемых, он объявлял голодовку.

Этот эпизод замалчивается в истории, преподаваемой индийцам, так как из него ясно, что система каст связана с индуизмом, тогда как ее стремятся представить как своего рода автономный социальный, а не ре-

лигиозный феномен, не имеющий специфических связей с индуизмом.

На самом деле, как показал Луи Дюмон (IV.10), три принципа кастового режима – обособленность, иерархия, взаимозависимость наследственных групп – сводятся к одному: религиозному противопоставлению чистого и нечистого. Национальное движение стремится реформировать кастовый режим, чтобы спасти индуизм. Вспоминать о нем означало бы вновь возвращаться к вопросу об индуистской ориентации национального движения, что может лишь умножить противников как этой религии, так и режима, в котором господствуют брахманы.

Таким образом, отношения эксплуатации, огромная проблема задолженности связываются исключительно с колониальным господством. Короче говоря, многие стороны устройства иерархического общества совершенно исключены из истории, игнорируются социальные движения против каст, рабочее движение, интернационализм. А ведь одним из теоретиков движения стран третьего мира был индиец Н. Рой. Правда, коммунизм в Индии не играл заметной роли вплоть до установления независимости.

Равным образом замалчивается демографическая проблема, проблема самоубийств, не говорится ни слова о межнациональных конфликтах, которые постоянно вспыхивают, порождаемые желанием господство-

вать над меньшинствами или контролировать Бутан и Ассам. И так, история в Индии в своем стремлении узаконить единство и воплотить (как знать!) мечту о новом воссоединении в конце концов лишает исторический процесс значительной части его содержания, отнимая у Индии и ее народов их существенные черты.

5. История ислама или история арабов?

Если существует в наше время сообщество наций, в котором история занимает привилегированное положение, так это страны ислама. Это феномен относительно молодой, едва ли вековой давности; он проявился при столкновении с колониальной экспансией индустриальной Европы, породившем активное возрождение прошлого. В самом деле, прежде история в исламских странах не имела высокого статуса, она была отодвинута на задний план теологией, бо-
явшейся ее конкуренции и принижавшей ее. Столкновение с завоевателями восстановило жизненные силы истории, и тогда она пережила, прежде всего в Египте, свое второе рождение. Но исламские страны были предрасположены к подобному «выдвижению» истории. Ведь ислам основывается не только на священной книге – Коране, но и на истории подвигов, исторических деяниях Пророка. И каждый верующий обязан их знать. Впрочем, Мухаммед сам определяет свое место в истории: рассматривая уроки прошлого, он включает свою деятельность в процесс развития мира, начиная с момента Творения и до дня Высшего Суда. Заботу о выполнении миссии Пророка после его

смерти доктрина передает мусульманской общине. Таким образом, история рассматривается как реализация этой миссии, «плана Бога по спасению человечества».

Однако мусульмане считают, что в упрямстве человека, его тяготении к греху, его склонности к злу кроется причина бесконечных повторений одних и тех же ошибок, одних и тех же несчастий. Хорошо, что в истории встречались вдохновенные избранники, дававшие человечеству шанс спастись. Но человек, как правило, отвергал открывавшиеся перед ним возможности. Например, христианам единственную такую возможность дал Иисус, однако спасение ждет их лишь за гробом, на небе; иудеи же будут страдать непрерывно, пока они ждут пришествия Мессии. И лишь мусульмане благодаря откровению Мухаммеда могут оптимистически смотреть на свое существование. Каждое мгновение жизни Пророка, а затем и победы ислама постоянно подтверждают справедливость его взглядов. С этой точки зрения историей является лишь то, что способствует исполнению заветов ислама. История, таким образом, не рассматривается как бесконечная череда событий от истоков до наших дней, как хронологический ряд. Она имеет свою логику и смысл, на основании которых ведется отбор фактов, событий. Она начинается не с Мухаммеда, а с поражения предшествовавших ему пророков, поскольку в этой истории исламская

цивилизация окружена народами без истории, примерно так же как еще недавно на Западе считали «лишенными истории» многие народы постольку, поскольку их жизнь не была интегрирована в западную цивилизацию. Она возрождается, когда в странах ислама, подавляемых империализмом, формируется общественное самосознание, в борьбе за свободу растет понимание собственной самобытной сущности. Смысл и значение каждой проблемы определяется ее местом в борьбе за освобождение.

Особенно явственно и рельефно эти принципы проявляются в тех разделах истории, которые касаются не специфически мусульманских проблем. Так, средние века на Западе оцениваются, например, в сравнении с историей Востока. Они выглядят царством мракобесия, поскольку за точку отсчета берется блеск ислама в это время. История великих открытий, которая в западной традиции связывается с путешествиями Магеллана и Христофора Колумба, в арабо-исламской истории начинается с исследований финикийцев, за которыми следует путешествия арабов в Индийский океан, и именно их географические и научные открытия делают возможными дальнейшие исследования генуэзцев и венецианцев. История освобождения человечества начинается с провозглашения независимости в США и Французской революции 1789 г. Продолжением ее становится борьба за объединение Италии и за объедине-

ние Германии – предвестник как уничтожения колониальной зависимости народов, так и объединения исламо-арабского мира.

История, преподаваемая детям, зависит от западной истории и вместе с тем следует арабо-мусульманской историографической традиции, которая по самой своей природе связана с выполняемыми ею функциями.

Начиная с эпохи халифов³⁵ мусульманские правители желают знать о подвигах своих предшественников, чтобы сравняться с ними и их превзойти. Понятно поэтому, чем объясняется значительное место истории в исламских странах, почему она «должна представлять государям хороший и плохой пример», согласно Ибн ал-Асиру, историку конца XII – начала XIII в. Особую роль играют вследствие этого биографии; их по частям собирают писцы и государственные чиновники – арабы, персы или турки. И таким образом история обретает строго утилитарное назначение, она ограничивается определенной функцией и не должна содержать в себе никаких оценок, никакого философского осмысления.

Но если в жанровом отношении история ислама следует биографической традиции, то в не меньшей сте-

---

³⁵ ...Эпоха халифов. Первые мусульманские арабские «праведные» халифы: Абу Бекр (632–634), Омар (634–644), Осман (644–656), Али (656–661).

пени она является также детищем аравийских племен, и эта почвенная основа глубоко проникает в нее. Именно идея отождествления ислама с арабами является точкой сосредоточения самых острых конфликтов между народами исламских стран. По-видимому, именно в Египте в XVIII в. почвенное и национальное самосознание стало конкурировать с мусульманским самосознанием: это было реакцией на господство Турции. По крайней мере, этот процесс отразился в историографии. Понятие «ватан» – родина – возобладало отныне над идеалом верности династии, каковы бы ни были ее связи с Пророком. Вскоре вновь стало высоко цениться доисламское прошлое Египта, как в Иране – прошлое древней Персии. Впрочем, затем объектом почитания и исторического познания становятся не столько земля Египта или Ирана, сколько нация сама по себе, например египетский народ, отождествляемый с арабами вообще.

В XX в. стремление к арабизации истории ислама было провозглашено во всеуслышание на конференции по арабской культуре Лиги арабских стран; предусматривалась «унификация учебников по истории, придание единообразия образованию, при котором будет сделан акцент на участие арабов в развитии цивилизации и в борьбе против империализма». Что верно для истории, верно и для литературы. И вот уже в 1964 г. в Объединенной Арабской Республике клей-

мят писателей, которые «под предлогом ломки, изменения поэтических ритмов доходят до предательства арабизма». На самом деле «новые поэты» хотели сломать каноны арабской классической поэзии, чтобы добраться до местных, не обязательно арабских, народных источников. Это движение в поэзии не получило большого отклика. Зато в каждой стране, несмотря на указания Лиги арабских стран, история сохраняет свое национальное содержание, возрожденное, по крайней мере в Египте, в XIX в. Это движение, испытавшее влияние Запада, родилось с Шейхом Рифа'а Рафи ал-Табави, пионером не арабской, а египетской истории Египта. В других странах восстановление доисламского и доарабского прошлого происходило медленнее, особенно в Ираке, где только при режиме Саддама Хусейна стали проявлять некоторый интерес к Вавилону. Но в Иране, где лишь на юге страны говорят по-арабски, или даже в Алжире история, как будет видно, имеет мало общего с общеарабской нормой, которая выражается в наиболее чистом виде в учебниках, предназначенных для иракских детей. В Египте «фараонизм» обнаруживается уже во введении к первой книжке по истории.

«В этой книжке правдиво рассказывается о прошлом, но не для того, чтобы превознести дела минувшего, а для того, чтобы ты над ними задумался, задумался над тем, что позволило

твоим предкам достичь столь высокого уровня культуры, что побудило их рассчитывать на самих себя и браться за разрешение проблем, которые ставит жизнь, проявляя при этом рассудительность, трудолюбие, настойчивость и помогая друг другу.

Нет сомнений, что те факторы, которые помогли нашим предкам в древнем Египте встать впереди народов мира, налицо и сегодня. Так пусть же путь, обозначенный нашими предками, служит для нас путем разбега, когда мы последуем их примеру» (V.27).

Роль географии

Это видение истории дополняется представлением, что арабо-мусульманский мир имеет собственную географию в географии цивилизаций. В своем труде о географах эпохи расцвета арабской цивилизации (V.4) Андре Микель показывает, что если история четко делится на два периода – до Пророка и после, то в географии исламские страны «являются пупом, центром мира». Разумеется, то же самое было в Китае с его Срединной империей, но у арабо-мусульман эта идея выражена наиболее отчетливо и в каком-то смысле оправдана – они действительно в «центре».

А. Микель показывает, например, что все климаты земли классифицированы арабскими географами таким образом, что четвертый климат, климат Ирака, находится в центре, три расположены севернее и три – южнее его. Называемый «пупом мира» регион Ирак – Аравия (к которым иногда прибавляется Иран) стоит на первом месте в истории мировых царств; за ним следуют четыре других: Китай, Турция, Индия и Византия. К тому же именно над Ираком светит самое яркое солнце. Эта страна богаче всех других. Императору Китая лучше всего повинуются, он господствует над людьми. Владыка турок – король хищных зверей, и это касается

как людей, так и животных. Повелитель Индии – влады-ка слонов и мудрости. Император Византии царствует над красивыми людьми и над алхимией. Что же касается повелителя арабов, то он властвует над всем. Говоря об отрицательных качествах разных народов, географ Ибн ал-Фарих отказывает туркам в верности, византийцам в благородстве, хазарам в стыдливости, неграм в серьезности, славянам в смелости, индийцам в целомудрии.

Связанная с исторической памятью, географическая традиция определяет видение других народов, которое у арабов сложилось прежде. А. Микель, основываясь на трудах арабских географов, пишет: «Китайцы – это народ, искусный в технике и в ремеслах; Индия – страна теоретических наук, математики и вытекающих из них астрономии и музыки; наследникам греков – византийцам, искусным в технике, также принадлежит астрономия, но вместе с медициной, философией и алхимией; Ирану даны во владение этика и политика; наконец, туркам остается война. А арабам? За собой они признают – и никто у них этого не оспаривает – истинный поэтический дар и вслед за семитами (Халдеей), владеющими даром пророчества, они обладают истинной религией. Именно в этом заключается различие между ними и остальным миром, и в этом они черпают сознание своего превосходства» (V.4).

Описывая и изучая богатства Индии и Китая, араб-

ские географы утверждаются в этом превосходстве. Разумеется, все эти чужеземные страны цивилизованы, но они не поняли, в чем состоит сущность жизни, не поняли необходимости согласия между волей Бога и верующего. «Если их социальные структуры и достойны похвалы, то это лишь по счастливой случайности. Однако не ведая истинного смысла жизни, эти страны никак не выдерживают сравнения с миром ислама. И если существуют разные оценки человеческого поведения, то в вопросе веры их только две: мусульманин и немусульманин. Единственная граница проходит между ними» (IV.4).

Урок ислама

Итак, в странах ислама начальное образование носит религиозный характер. В дальнейшем религиозное воспитание может занимать больше трети всего учебного времени (например, в Саудовской Аравии). В среднем оно составляет приблизительно десятую часть, иногда меньше, например в Тунисе. Основой религиозного воспитания является Коран. К 12-13 годам его упрощенная версия запечатлевается в памяти детей.

На практике обучение Корану сильно различается в разных странах, и еще больше варьируется его соотношение с историей. Бывает, что история так или иначе отделяется от него и начинает рассказывать о происхождении народа, восходящем к мифическому времени (в Марокко, Тунисе, некоторых странах Черной Африки).

Что же касается обучения Корану в собственном смысле слова, например в Судане или в Нигерии, то первое знакомство осуществляется не по самому тексту Корана. Сначала вводится его толкование «Тафсир», в котором соединены некоторые отдельные элементы вероучения, например история Юсуфа (Иосифа), вознесение Мухаммеда через семь небес к трону

Бога, Исрафил и падение через семь кругов ада, сопротивление Мухаммеда искушениям и другие. «Тафсир» воспроизводит также эпопею Александра (Искандера). Эти истории составляют самую суть устной и письменной традиции, передаваемой детям во всех местах мира, где исповедуется ислам, – от башкир до хауса в Нигерии. Кроме того, к основам знания относятся источники Закона, хадисы. Итак, в самом юном возрасте дети знакомятся со всеми установлениями, касающимися брака, развода, наследования, словом, важнейших аспектов жизни.

«– Почему Аллах в своей мудрости лишь мусульманам предоставил право иметь несколько жен? – спрашивает учитель.

– Потому что из-за этого у мусульман будет много детей и их станет больше, чем христиан...

– Неплохо, неплохо... А ты, Ахмед, как думаешь?

– Потому что женщин больше, чем мужчин.

– Конечно, а еще? Как ты думаешь, Ануар?

– Потому что Аллах в своей мудрости понял, что мусульмане так любят женщин, что одной на каждого им не хватит» (V. 15).

Понятно, что представления и общественное поведение мусульманина, сформировавшиеся под таким воздействием, соответствуют его религиозным убеждениям (эту черту мы обнаружим и в Японии). Об-

ученный также фикху, т. е. Закону, вытекающему из Корана, мусульманин таким образом знает, как этот закон применяется, в отличие от юридически беспомощного человека Запада, который вроде бы имеет представление о законах, однако они отчуждены от его системы знаний и являются достоянием юристов.

К этому добавляются знания, полученные из литературы, например из панегириков (мадх), по-разному разрабатываемых в каждой исламской культуре; из биографий, играющих важнейшую роль везде, где ислам связан с арабизмом; из назиданий или предостережений о смысле жизни и неизбежности смерти, о пустоте и ничтожестве этого мира, о смерти, необходимости раскаяния и т. д.

В Нигерии начальное образование дополняется другими предметами; для этого существуют специальные школы или специальные наставники, которым дано в Черной Африке право преподавания также географии, «Пролегомен» Ибн Халдуна³⁶, астрологии и т. д. Изучение ислама в университете, например в Кано, осуществляется по тем же направлениям, но с добавлением истории исламизации, теологии, истории религиозных орденов, истории современного политического движе-

---

³⁶ Ибн Халдун (1332–1406) – крупнейший средневековый арабский историк, социолог и философ. Его социологическая теория изложена в «Мукадиме» (Введении), или «Пролегоменах» к историческому сочинению «Книга поучений».

ния в странах ислама.

* * *

Сравнивая учебники, предназначенные для иракских и для египетских детей, с первых же глав, рассказывающих об арабах до установления ислама, замечаешь существенные различия. Оказывается, что на территориях чисто арабских, в Багдаде например, доисламскому прошлому отводится мало времени и внимания, хотя Ирак – это древняя Халдея, Месопотамия. Лишь режим Саддама Хусейна, претендующий на светский характер, вновь стал придавать какое-то значение истории этих земель предков, Навуходоносору. Тем не менее отождествление себя с арабами остается в неприкосновенности. В египетском же тексте о том же периоде о малоразвитой Аравии говорится с ноткой снисходительности.

Два видение арабов: Ирак

«Арабский мир – это одно из самых древних мест на земле, где люди создавали цивилизации, города, государства самые могущественные на земле; это колыбель истории.

Его жители (...) всегда были арабами; волны переселенцев из Аравии постепенно заселили пространство арабского мира.

Арабский мир многократно переживал нашествия чужестранцев. В 1539 г. до н. э. Вавилон был завоеван Ахеменидами, и они распространились по арабскому миру. Позже Ирак был завоеван персами, Египет, Сирия, Северная Африка – римлянами.

Одна только Аравия всегда оставалась независимой, так же как и Йемен.

Народ Йемена соорудил ирригационную систему, у него были торговые связи с Африкой и с Азией. Жители Аравии переселялись на Север и на Запад; царица государства Саба и ее подданные покинули Йемен после крушения Марибской плотины. Племена кинда основали на севере страны эмират, который противостоял захватчикам. Но вскоре это государство попало под власть Эфиопии и Персии. Отныне централизованного арабского государства не существовало, а были арабские общины и

арабские княжества на путях между центрами торговли» (V.26).

Египетская версия

«Аравия – это страна, из которой вышел Пророк и главное место происхождения арабов. До прихода Пророка они жили племенами. Жилищем им служили шатры, они перемещались на дромадерах в поисках источников воды. Одним из самых больших племен было племя курейш³⁷ на севере. Некоторые племена участвовали в торговле между Йеменом и Сирией через Ясриб (Медину) и Мекку.

Не существовало веры в единого Бога: одни арабы поклонялись Луне, деревьям, другие – солнцу и идолам. Некоторые племена совершали паломничества в Мекку в честь Авраама. Вокруг Мекки стояло много идолов.

Среди арабов были исповедовавшие иудаизм и христиане. Там не было единого государства и правительства, но у каждого племени был свой шейх. Между шейхами часто происходили войны, было много случаев кровной мести.

Традиционно очень уважались гостеприимство, верность, соседская взаимопомощь, почитание старших. Но были также и дурные нравы и обычаи: мстительность, пристрастие к выпивке и к игре,

---

³⁷ Племя курейш – из племени курейш происходил основатель ислама Мухаммед.

практика захоронения живьем новорожденных девочек.

Все это привело к тому, что Бог послал к ним Пророка» (V.27).

Представление об арабском «завоевании»: освобождение

«При четырех первых халифах произошло освобождение арабских земель, завоеванных римскими императорами. Арабы восстановили торжество Благодатного Полумесяца.

В то же время в Ираке Ибн Харисса защищал страну от персов. Народ Сирии много раз восставал против византийского императора, и когда появилась исламская арабская нация, Пророк сумел объединить все арабское население, и это породило такой энтузиазм, что все братья, находившиеся еще под чужеземным господством, были с легкостью освобождены.

Абу Бекр послал сражаться Халида ибн ал-Валида (...) Армии Халида удалось победить в битве при Ярмуке и освободить страну вплоть до Иордана.

После смерти Абу Бекра была освобождена Палестина.

Его преемник Омар отправился затем в Иерусалим. Христиане звали его молиться в их церквах. Но он сначала отказался, чтобы не подумали, будто он хочет переделать церкви в мечети. Он предпочел молиться на пустом месте.

Это не могло не вызвать восхищения жителей Иерусалима. Затем мусульмане построили на том месте рядом с церковью мечеть.

Западнее борьбу за освобождение вел Муавия, достигший Барки в Ливии. В освобожденном Тунисе полководец Окба основал Кайруан, новый перевалочный пункт мусульман, откуда они отправлялись далее на Запад, к Атлантике.

В то же время Муавия строил могущественный флот, чтобы легче было победить Византию, и нападал на острова Средиземного моря, отрезая от империи Египет. Имея 700 кораблей, он нападал на Кипр и Родос, угрожал Константинополю.

Арабизация продолжается при халифе Абд Аль Малике, который делает арабский язык официальным в арабском исламском государстве, вытеснив греческий в Сирии, коптский в Египте, персидский в Иране. Для создания системы управления он привлекает молодых арабских интеллектуалов. Иноземцы почувствовали опасность и стремились помешать исламизации, которую насаждали арабы, но им это не удалось. Арабский язык стал, таким образом, языком государства, общества, нации и культуры» (V.26).

Арабы в Азии

«Завоевание продвинулось также и на Восток. Абдал-Мерван поручил это Кутайбе, который достиг Бухары и Самарканда. Он достиг даже пределов Китая. Другая армия, двигавшаяся южнее, достигла Индии, строя все больше мечетей и обращая часть населения в ислам.

В то же время Бунды, напавшие в Иране на Аббасидов, основали там государство, земли которого простерлись вскоре до Багдада, завоеванного в 334-м году хиджры³⁸ (956), во времена халифа Мустафы.

Ирак пребывал под их властью. В эпоху их господства население раскололось, поскольку правительство поощряло развитие сект. Правители переписывали историю арабов, искажая ее. Но росли недовольство и анархия, государство деградировало, и вот в 447-м году хиджры (1069) страна была завоевана Сельджукидами. Государство распалось, и этим воспользовались крестоносцы, чтобы завоевать Сирию и поставить под угрозу Египет. Багдадский халиф Аббасид все время наносил им удары, но в

---

³⁸ Хиджра – «переселение»; отъезд Мухаммеда из Мекки в Медину 26 июля 622 г. Эта дата считается началом мусульманской эры, от нее ведется отсчет лет.

528-м году хиджры (1150 г.) он был убит» (V.26).

Итак, арабское завоевание, сводимое лишь к начальному его этапу, по существу, представлено как освобождение.

Действительно, накануне прихода арабов гнет византийцев был ненавистен населению Сирии, Египта, даже Ифрикийи. На то были как фискальные, так и религиозные причины. В финансовом отношении Константинополь обескровливал эти провинции, поскольку византийское государство нуждалось в деньгах для оплаты наемников. Эти наемники должны были противостоять варварам на Севере, империи Сасанидов на Востоке: в начале VII в. персы возобновляют свои завоевательные походы. Они угрожают Александрии и даже Константинополю (в 622 г.). Раздраженность населения как в Сирии, так и в Египте, подвергшегося слабому влиянию эллинистической культуры и еще меньше – романской, усиливается после Халкедонского собора и в эпоху Эфесиса 638 г. императора Ираклия, когда он провозгласил монофелитство государственной религией, стремясь прекратить споры о множественности природы и воли Христа³⁹.

---

³⁹ «...Раздраженность населения... усиливается после Халкедонского собора и в эпоху Эфесиса 638 г. императора Ираклия...» Халкедонский церковный собор 451 г. осудил как ересь монофизитство – религиозно-политическое учение, возникшее в Византии в V в. Согласно ему, Христу присуща одна лишь божественная (а не человеческая и божественная)

В Египте, как и в области Африка (современный Тунис), религиозный раскол локального характера предвещает раскол политический; арабов встречают как освободителей, поскольку они предоставляют каждому свободу веры. Более того, чтобы добиться расположения коптов, арабы в Египте отдают им христианские храмы... В Сирии арабов тоже хорошо принимают. Завоеванию сопротивляются только берберы, точно так же как они сопротивлялись, непрерывно выставляя против римского и византийского владычества.

В Иране истощенные длительными войнами против Византии, враждовавшие между собой полководцы Сасанидов терпели поражения, а «царь царей» от сражения к сражению отступал к восточным рубежам своей империи, где и был убит.

Сопротивление иранцев проявилось позже. Впрочем, побежденные народы по всей империи Омейядов возобновили борьбу в IX-X вв., часто под прикрытием какой-либо секты ислама. Династия Бундов, напри

природа и пострадал за человечество не человек, а Бог. Распространившись на подвластных Византии территориях – в Армении, Сирии, Египте, где новое учение часто накладывалось на древние традиционные религиозные представления об умирающем боге, монофизитство стало знаменем сепаратизма. Осуждение собором не остановило борьбы монофизитов, и в 638 г. император Ираклий предложил компромиссное решение, изложенное им в так называемом Экфесисе, где признавалось наличие у Христа двух природ, но лишь одной воли. Это учение положило начало монофелитству, утвердившемуся в Армении и до сих пор сохраняющемуся в армянской григорианской церкви.

мер, – это полуиранская династия, принявшая шиизм. В то время как исламизация практически не встретила сопротивления, напротив, – энтузиазм, совсем иначе обстояло дело с арабизацией. Триумф Аббасидов выражает некоторым образом переход от арабской империи к империи мусульманской, не обязательно арабской. В книге, предназначенной для маленьких арабов Ирака, ничего не говорится о воцарении Аббасидов, об избиении Омейядов.

Разница между освещением этого периода в иракском и египетском учебниках невелика, разве только египетский нет-нет, да и позволяет себе критику в адрес арабов: «Абу Бекр преобразовал государство, так как после смерти Мухаммеда нашлись арабы, которые обратились к идолопоклонству, и стране угрожал возврат к старому» (V.27).

Составление Корана, которое историки обычно связывают с Османом, в иракском учебнике связывается с предшествовавшими царствованиями. «Коран учили наизусть, но с расширением войн и завоеваний традиция начинала теряться. Тогда Коран был записан на пальмовых листьях, на костях животных, на шкурах верблюдов; его собрали в одну книгу для того, чтобы он не потерялся по частям». При Османе складывалась государственная система, были уменьшены налоги, допускалась свобода вероисповедания «при условии уплаты налога». Он был «строг к богачам, на-

живавшимся за счет обездоленных; по вечерам он переодевался так, чтобы его не узнали, и отправлялся посмотреть, как на самом деле живут люди».

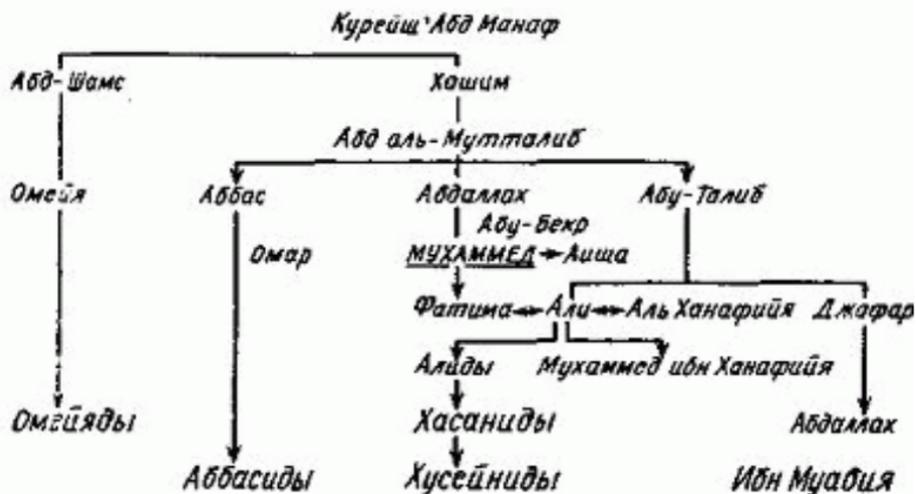
«В царствование Османа стали заметны некоторые изменения. Он был чересчур добр, снисходителен; он слишком покровительствовал своим родственникам. Отсюда бунты, например, губернатора Куфы. Несогласные требовали отстранения халифа. К нему явились их представители, и во время спора он был убит. Среди мусульман произошел раскол, и с этого времени началась война между ними» (V.26).

Четвертый халиф, Али, не участвовал в заговоре против Османа, но и не осудил его убийство. Знать Мекки восстала, сгруппировавшись вокруг Аиши, вдовы Пророка, ненавидевшей Али. С другой стороны, вокруг Муавии, губернатора Сирии, в это время сгруппировались те, кто хотел отомстить за халифа. Первый мятеж был усмирен в «битве верблюда», получившей такое название потому, что самые ожесточенные схватки велись вокруг верблюда, на котором самолично восседала Аиша. Тем не менее Али был вынужден покинуть Аравию и собрать своих сторонников в районе Куфы в нижнем Ираке. Судьба второго, более крупного мятежа, решалась в сражении в долине Сиффин (657), когда воины Муавии прикрепили к копьям листы Корана. Сторонники Али восприняли это

как обращение их врагов к Божьему Суду. Но если Али понял это так и согласился на третейский суд, то среди его приближенных нашлись такие, которые считали, что смертные не могут судить о Божьей Воле. Это были «выходящие» или хариджиты; они отвергли принцип третейского суда. Суд оправдал Османа, обвинив таким образом Али в том, что он принял халифат. Али хотел обуздать хариджитов прежде, чем выступить против Муавии, именно в это время он и был убит.

В 660 г. Муавия был провозглашен халифом, и с него началась династия Омейядов, тогда как сторонники Али и его семьи, шииты, откололись. Старший сын Али, Хасан, помирился с Муавией, и поэтому, пока он был жив и пока царствовал Муавия, восстаний практически не было. После смерти последнего все переменялось.

Арабские династии и генеалогия семьи Мухаммеда

Преемником Муавии стал его сын Язид, однако тут перчатку поднял младший брат умершего Хасана, второй сын Фатимы, Хусейн. Началась война. Еще раньше, чем начались военные действия и Язид успел что-нибудь предпринять, Хусейн погиб в засаде при Кербеле. Позор пал на голову Язида, «узурпатора» и сверх того убийцы внука Пророка, и это окружило шиитов ореолом страдания и мученичества.

Обо всем этом не говорится в книгах, предназначенных для юных арабов Ирака, официально являющихся

ся суннитами и признающих законность Омейядов. Наоборот, как будет дальше показано, в Иране убийству и мученичеству Хусейна отводится первое место. Легенда о нем преодолела Кавказский хребет и Гиндукуш. Еще и сегодня в республиках Средней Азии, где исповедуют ислам, дети-шииты предпочитают играть в историю Хусейна, а не в подвиги Александра Невского к большому негодованию советских учителей.

Арабизация истории ислама

В заключительной главе первой книги по истории, предназначенной для иракских детей, повествуется о «ренессансе Аббасидов» в царствование ан-Назир ли-дин Аллаха. Господство турок Сельджукидов, пришедших на смену Бундам, династии персидского происхождения, занимает лишь несколько строчек, тогда как оно продолжалось два с половиной века – с 945 по 1180 г. Само название «ренессанс Аббасидов» говорит об арабизации ислама. Так, более славной выглядит роль ан-Назир ли-дин Аллаха, араба, чем роль прославленных халифов эпохи истинного величия Аббасидов – Мансура, Харуна ар-Рашида (VII и IX вв.) и др. Но среди предков этих Аббасидов были персы.

«Халифы следовали один за другим, они создавали и приумножали силу и величие Аббасидов, в особенности ан-Назир ли-дин Аллах, ставший халифом в 1180. Он реорганизует армию, систему управления, помогает Салах-ад-Дину бороться с крестоносцами. Ему удастся вновь объединить исламский мир после разногласий эпохи Буидов».

Вот первый намек на раскол в исламе: «Он не отдаст предпочтения той или иной секте, создает ополчение из народа (...) поощряет физические упражнения,

уделяет много внимания молодежи. Он обновил душу мусульманского народа».

«Его политика в отношении арабов: однажды осматривая городские развалины, он оказался на кладбище Багдада... Он потребовал, чтобы убрали могилы всех, кто был не арабом, а чужеземцем (т. е. не арабом, а турком. – М. Ф.). Все исламские князья поддержали его в этом. Один из сыновей халифа после его смерти построил Аль Мустанзир, первый в мире университет.

В его царствование в 1258 г. монголы под предводительством Хулагу заняли Багдад.

С падением Багдада арабское государство исчезло, оказавшись под властью захватчиков, которая сохранялась до 14 июля 1958 г.» (V.26).

(Этой фразой заканчивается книга.)

Здесь наблюдается полная арабизация истории. Ведь если монголы не были мусульманами и являлись завоевателями, то пришедшие им на смену турки были все же мусульмане и у них был халифат. Заметим также, что в этой истории не слишком высоко оценивается роль Египта. Ведь если почти весь арабский мир был завоеван в 1258 г., то Египет оставался в неприкосновенности, был пристанищем и надеждой ислама. Именно египетская армия сокрушила и изгнала в 1260 г. монголов из арабского мира. Иракские дети ничего не знают об этой победе, спасшей ислам.

Учебник 6-го класса является продолжением предыдущего. Во введении рассказывается об арабском географе Абдаллахе Тариф Идриси, родившемся в 1099 г. Он вырос в Кордове, бывал в Северной Африке, в Центральной Азии. Роже II, король Сицилии, услышал о нем и пригласил его к себе в Палермо, где он и окончил свои дни». Там он составил карту мира и написал труд «Отрада желающего посетить разные страны мира».

«Таким образом достижения арабской науки были переданы всему миру. Лучи арабской культуры с Кипра и из Андалузии распространились по всей Европе, и она многое узнала о других народах.

Европейцы не знали путей к этим народам; они пользовались путями арабов. Лишь в XV в. они стали искать собственные; это была эпоха великих открытий.

Арабы ушли из Андалузии, но осталась привнесенная ими культура, и вследствие этого испанцы и португальцы имели возможность пользоваться достижениями арабских географов, искусством арабов-мореплавателей. Это помогло их морякам открыть в XV в. северо-западное побережье Африки. Они добрались до мыса Доброй Надежды и достигли Индии.

Для того чтобы обеспечить себе выгоды торговли с Индией, португальцы вступили в войну

с господствовавшими на путях на Восток арабами.

Можно считать, что с этой войны между арабами и португальцами началось господство империалистов, от которого арабский народ страдал вплоть до нынешних времен» (V.26).

Как и в предыдущей, в этой книге с самого начала очень заботятся о том, чтобы преподаваемая история соотносилась с настоящим. Есть и вторая задача – прославление арабов. Ее решению служит, например, упоминание вновь и вновь Андалузии, ссылки на географа Абдаллаха Тарифа Идриси и, наоборот, отсутствие какого бы то ни было намека на великого историка Ибн Халдуна.

Ведь в глазах людей исламского мира X-XIII вв. Андалузия никогда не пользовалась особой славой. Ее величие – это «миф», появление которого можно отнести к XIX в. Это хорошо показал в своей книге Бернард Льюис (V. 20). В литературе мусульманской традиции об Андалузии перестают говорить с начала XVII в. Открытие ее «величия» относится к 1840–1886 гг. и принадлежит оно англичанам. Именно они переиздали ал-Магари, писавшего об Андалузии в XVII в. Тогда же турецкий султан Абдул Хамид II послал в Испанию эмиссаров, чтобы заполучить арабские рукописи эпохи Омейядов. «Тот факт, что величие мусульманской Испании было открыто европейской историографией, явилось для арабов горькой пилюлей». Но они прими-

рились с этим, тем более что узнавание забытой Андалузии сопровождалось лестными суждениями о «терпимости» арабов. По-видимому, это было преувеличение, однако оно утвердилось. Да оно и имело смысл, поскольку речь шла о евреях и сравнение производилось в отношении преследований их христианами, жестокостью превосходившими мусульман.

Мусульмане и евреи

Есть немало свидетельств того, что мусульмане были менее враждебны по отношению к евреям, чем христиане, например, тексты Ибн Халдуна. Разумеется, каждый мусульманин с самого раннего детства знает 4-ю суру, в которой евреи преданы анафеме: «...они отвергли власть Господа. Они убивали пророков... Господь отметил их печатью бесчестья». В 5-й суре говорится: «Ты должен сознавать, что самые ожесточенные враги правоверных – это евреи и те, кто поклоняется нескольким богам. Ты должен сознавать, что христиане милосердны, справедливы и способны любить, как и правоверные». Тем не менее Ибн Халдун исправляет это суждение Пророка. Он рассматривает евреев как «один из самых выдающихся родов на земле, среди предков которого все пророки от Авраама до Моисея». Они были изгнаны из своей страны и познали многовековое рабство... Но они никогда не переставали гордо сознавать благородство своего происхождения, даже когда они лишились «духа сообщества», т. е., согласно Ибн Халдуну, самой могучей силы, объясняющей зарождение и долговечность обществ, наций. «Коварство и черствость современных евреев, – пишет Ибн Халдун в XIV в. – это результат их изгнания, их

зависимости, их образа жизни». Ибн Халдун замечает, что эта нация уже пережила одно возрождение, и это определяет ее видение истории и открывает перспективу на будущее. Ведь, по его мнению, история есть цикл, в котором чередуются рождение наций, периоды их могущества, постепенного вырождения и упадка. Эта концепция унаследована от Библии, и она не предрешает будущего еврейского народа. Она утверждается в «Прологоменах» Ибн Халдуна и применима, естественно, ко всем народам, что как бы обезличивает арабов.

Арабам, как вчерашним, так и сегодняшним, никак не могло понравиться, что историк, уроженец Магриба, смог разглядеть начало упадка арабов и расценить как благодеяние Господа то, что на смену им пришли турки, также мусульмане и спасители ислама.

Вот почему в учебниках для иракских детей говорится не об Ибн Халдуне, самом великом из арабских историков, а о Тариф Идриси, одном из самых знаменитых географов.

В основе несчастий арабов – империализм

Что такое империализм? – вопрошает иракский учебник.

«История свидетельствует, что некоторые страны господствуют над землями и народами к одной лишь своей собственной выгоде, без учета интересов побежденных и подчиненных народов. Это называется империализмом. Империалисты похожи на клещей, сосущих кровь.

Наш арабский мир испытал на себе это нашествие империалистов, принимавшее разные формы: как прямые, начиная с португальского завоевания, так и косвенные, вроде засылки миссионеров в Сирию, что позволило французам там утвердиться.

Португальцы были первыми, кто проник в арабский мир (...)

Затем были турки-османы. В тот момент, когда в 1516 г. османы напали на арабов, тем приходилось бороться и против европейского империализма. Турки заняли Сирию и Египет, затем – Аравию и Йемен и в 1534 г. – Ирак. Их власть распространялась на Магриб, так как алжирский бей сотрудничал с ними и был поставлен командовать османским флотом.

В конце XVI в. полностью утвердилось османское господство над арабским Магрибом.

Затем пришли голландцы (...)

Затем англичане (...)

Наконец, во времена Бонапарта в Египте высадились французы» (V.26).

В Ираке, как и в Египте, и во всем исламском мире главное место в коллективном сознании занимает память о борьбе против завоевателей. В Ираке период турецкого владычества почти не упоминается, но не в Египте, где в начале XIX в. Мухаммед Али добился независимости от султана и создал (причем на землях султана, остававшегося лишь номинальным сюзереном) державу, включавшую в себя Судан, Аравию, Великую Сирию. При его сыне Ибрагиме пределы государства распространились на Ливию и Тунис.

Египет в авангарде антиимпериалистической борьбы: от Мухаммеда Али до Насера

В 1805 г. «Мухаммед Али создал государство из простой провинции». А его сын Ибрагим, внимая речениям Мухаммеда, связал его с делом возрождения арабов. Коалиция европейских держав, подстрекаемая Великобританией, помешала его планам воссоединения исламского мира (1833 г). Тем не менее отец и сын сделали Египет современным государством как в военном отношении, так и по степени развития промышленности. Тогда, в первой половине XIX в., оно мало отличалось от основных европейских государств. Несмотря на удар, помешавший индустриальному и военному развитию страны, «прорыв к независимому национальному государству был сделан; это наложило отпечаток на умы и учреждения» (V. 16).

История Египта отныне формировалась под знаком колониализма и империализма, но скачок, совершенный в первой трети XIX в., должен был вновь сделать эту страну движущей силой арабо-исламского обновления, когда в 1918 г. пала Турецкая империя. Политическая независимость Египта была восстановлена в 1936 г., но ведущую роль в арабском мире он вновь

стал играть лишь тогда, когда уничтожил символ экономического хозяйничания империалистов – их власть над Суэцким каналом. Тогда – в третий раз после победы над монголами в 1260 г. и одиссеи Мухаммеда Али – Египет занял ведущее положение в исламском арабском движении, несмотря на то что для иракца или сирийца Египет не является по-настоящему арабским, а для мусульманина – не является родиной ислама.

Согласно египетской точке зрения, впервые Египет возглавил арабский мир после великой победы 3 сентября 1260 г., этого поворотного момента в мировой истории, прославившего долину Нила с ее новым центром ислама – Каирским университетом. И вновь это случилось во времена Мухаммеда Али и Ибрагима, а затем Насера.

Насер – история в картинках

Одиссея Насера в этих условиях весьма заслуживает воплощения в комиксах. Вот в народном квартале Александрии в семье Насер появляется мальчик. Он хорошо учится, в 1936 г. становится бакалавром, но не может поступить в военную школу из-за своих убеждений и потому, что он – выходец из народа. Тогда он начинает изучать право; наконец, благодаря проведенным в государстве реформам он может вступить в армию.

«Его переводят в Верхний Египет, и здесь он заводит себе двух друзей – Захарию Мохеад-Дина и Анвара ас-Садата. После окончания войны наши три мушкетера организовали «Движение свободных офицеров». После того как Великобритания в 1948 г. оставила Палестину, они поняли, что наступила пора защищать права арабов. 15 мая 1948 г. арабские войска (sic!) входят в Палестину, чтобы ее освободить, несмотря на то что им не хватает оружия и они недостаточно хорошо организованы. Молодой офицер Насер в ходе войны встречается с великим муфтием Иерусалима. «Моя группа будет служить освобождению Палестины», – говорит он. «Мы сражались в Палестине, – рассказывает Насер, но мечты наши были в Египте; мы

посылали пули во врага, но наши души оставались в Египте. Вдруг выяснилось, что у нас нет больше боеприпасов... Последовал приказ продвигаться вперед против израильтян, но раньше, чем мы успели начать действовать, каирские газеты разгласили приказ, и феллуга была окружена. А я думал о Египте, о его проблемах. Наша страна тоже была как окруженная феллуга. Результатом явилась оккупация арабских земель и тысячи палестинских беженцев (...). Тогда «Свободные офицеры», находившиеся в армии, составили принципы революции: 1. Сокрушить империализм и его прислужников. 2. Сокрушить феодалов. 3. Сокрушить власть капитала. 4. Создать мощную национальную армию. 5. Утвердить социальную справедливость. 6. Установить политическую демократию» (V. 28).

«Свободные офицеры» продолжали свою деятельность и после окончания войны, на фоне развертывавшейся политической борьбы. После выборов 1950 г. египтяне стали требовать, чтобы англичане ушли из Суэца. Министр внутренних дел Фуад тайком поощрял народные демонстрации и демонстрации федаинов. «Тут я почувствовал, что медлить с выступлением невозможно, так как события развиваются с большой скоростью и обстановка благоприятствует революции. Федаины стали более активно действовать в районе канала и 15 января 1952 г. взорвали склад с боеприпа-

сами в Тель-ал-Кебире. 25 января английские танки окружили жандармерию, 50 солдат было убито. Власть оставались пассивными во время пожара в Каире, «поэтому 2 июля в 23 часа, когда король Фарук и его министры находились в Александрии, войска, согласно нашим планам, окружили стратегические пункты, радиостанцию, арестовали министров и менее чем через два часа Каир оказался в руках «Свободных офицеров».

«План удался» и Садат от имени группы провозглашает: «Черный период истории Египта завершился». «Свободные офицеры» хотят наказать Фарука.

– Я не хочу крови, отпустите его, – приказывает Насер.

Главная проблема это урегулирование наших взаимоотношений с англичанами.

Единственное условие добрых отношений между нашими двумя странами – это уход ваших войск, – заявил командующий египетской армией Негиб.

Черчилль прерывает переговоры.

– Великобритания не оставит своих интересов на Востоке, – говорит он.

– Независимость не продается, – отвечает Негиб.

Тогда один из офицеров говорит Насеру:

– Пришло время возвращаться в казармы» (V. 28).

В то время как «Братья-мусульмане» противодействовали социальной революции, подстрекая даже к покушению на Насера, Израиль 18 февраля 1955 г. напал на Газу. Тогда Насер встретился с Тито и они вместе разработали основы политики неприсоединения, которая вскоре, после конференции в Бандунге, распространилась в третьем мире. «Конечно, коммунизм представлял собой угрозу для нашей страны, но еще опаснее был империализм».

Египет обратился за помощью к европейским странам и к Соединенным Штатам, чтобы получить оборудование и построить плотину на Верхнем Ниле.

«О том, что Пино и Фостер Даллес решили не оказывать помощи, даже не предупредив об этом Насера, тот узнал из утренних газет. Он предложил Революционному совету три возможных варианта решения: национализировать канал; национализировать половину канала; пригрозить национализацией канала (...) Пока в Совете шло обсуждение, наши братья-солдаты пошли к каналу и оккупировали его. Затем Насер произнес большую речь: «Мы восстановим наши права на плотину, мы не уступим». И он разразился громким хохотом, саркастическим, безумным хохотом; это была насмешка и месть Египта и арабского мира за все унижения, которые они пережили» (V. 28).

«Иден и англичане хотели отомстить, Ги Молле то-

же, потому что Насер помогал алжирским патриотам». Насер надеется, что им помешает Америка, без ее согласия они не осмелятся действовать. И тут Израиль снова нападает на Египет. Однако его акцию осуждают 18 стран, пользующихся каналом. СССР пригрозил Франции и Британии, и те, «пристыженные», вынуждены были уйти с канала (...) Весь мир восстал против французов и британцев, включая даже мусульман России (sic!)».

«Победносный герой Насер – стратег и дипломат». После «объединения» с Сирией, «чтобы предупредить распространение коммунизма», он опасается нападения со стороны турок, но говорит: «Мы защитим себя». «Даллес действует безрассудно, – говорит ему Хрущев, – но ни вы, ни я не хотим войны: так будьте осторожны». Когда в 1961 г. Сирия отделяется от Египта, Насер против военного вмешательства. Он стремится оставаться героем-миротворцем. После шестидневной войны он уходит в отставку, но народ призывает его вновь, и он опять добивается мира и заверяет в своей поддержке палестинцев» (V. 28).

Конечно, этот рассказ – лубочная картинка. Но и в нем кое-что пропущено. Например, практически не говорится о государстве Израиль, о его признании ООН в 1948 г. Преследуя цель уничтожения Израиля, 15 мая

1949 г. в Палестину вторглись египетские, иракские, сирийские, ливанские, трансйорданские войска, а не только войска короля Абдаллаха, которые только и упомянуты. Эти войска были отброшены, и ООН предписывала прекращение огня, однако арабы это предписание отвергли. Затем обе стороны отвергли план раздела Палестины. Точно так же в тексте не говорится о провале экономической политики Насера в Объединенной Арабской Республике, о его неудавшейся попытке провести социальные реформы в Египте. Умалчивается также и о роспуске организации «Братьев-мусульман» до покушения, ответственность за которое пала на них позже, о заключении в тюрьму руководителей коммунистической партии Египта и о ее запрещении, тогда как среди принципов «Свободных офицеров» был и принцип политической демократии. Демократия будет установлена на самом деле только в 1976 г. Садатом, да и то лишь частично, поскольку в Египте разрешены всего две политические партии («этого вполне достаточно») и поскольку коммунистическая партия все еще запрещена.

Представление о политике Насера в арабском мире за пределами Египта великолепно отражено в фильме Мухаммеда Шукри Джамиля «Стены». Мелкие торговцы Багдада охвачены возбуждением, вызванным национализацией Суэца. Вспыхивает восстание. Замечательно показано, какими путями проникает в багдад-

ские кварталы осознание величия мгновений, переживаемых арабским миром. Багдадский пакт подвергается осуждению. Империализм анонимен, ни Англия, ни Америка не названы. Все выглядит так, как если бы арабская нация была уничтожена империалистами и сионистами, как если бы арабы никогда прежде не подвергались угнетению ни турок, ни монголов...

Крестовые походы в Израиль

Европейская историографическая традиция различает доиндустриальную европейскую экспансию XVI-XVIII вв., не затронувшую исламо-арабский мир, и то, что она называет собственно империализмом, распространившимся на весь мир в эпоху индустриализации. В арабо-исламской историографии империализм связывается с прибытием на Восток первых португальских путешественников и торговцев. «Возведение» империализма к XV в. позволяет объяснить экономическое «опаздывание» Востока по сравнению с Западом, являющееся следствием Великих географических открытий. Законно ли подобное объяснение? Как бы то ни было, оно позволяет затушевать последствия османского завоевания, хотя турецкое господство продолжалось несколько веков, а арабское возрождение XIX в., объединившее мусульман и христиан (в Ливане), было в первую очередь антитурецким.

Согласно другой традиции, «империализм» имел место еще раньше, во времена крестовых походов. Эта традиция относительно недавняя, так как в течение долгого времени, с XII по XIX в., в исламских странах никакого значения не придавали крестовым походам. Эти войны с христианами ничем не выделялись

на фоне других, которые вели арабы на всех границах своей империи. Позже мусульмане ввели в свою историю крестовые походы, толкуя их как своего рода реванш христиан за арабское завоевание. В Ираке вся эта эпопея, все победы над крестоносцами вписываются в судьбы арабской нации, в арабский джихад, священную войну.

Очевидно, вся сложность в данном случае состоит в том, чтобы на самом деле «освободители арабской земли», противостоящие крестоносцам, вовсе не были арабами, а как раз их поработителями турецкого и курдского происхождения. Вот почему книги по истории, предназначенные для арабов, «забывают» сообщить о курдском происхождении Саладина⁴⁰, его арабизируют. Великодушие, благородство, рыцарственность Саладина – разве эти качества не присущи в первую очередь арабу? И кроме того, поскольку известно, что арабские эмиры не столько сражались с франками, сколько сотрудничали с ними, то акцент

---

⁴⁰ Саладин (Салах-ад-Дин) Юсуф ибн Айюб (1138–1193) – египетский султан, по происхождению курд, талантливый военачальник и политический деятель. В 1187 г. объединенное войско мусульман во главе с Салах-ад-Дином разгромило крестоносцев, изгнав их из Палестины и частично из Сирии. Салах-ад-Дин возглавлял борьбу мусульман против крестоносцев во время третьего крестового похода (1189–1192). Обладавший высокими личными качествами, Салах-ад-Дин пользовался большим уважением современников и впоследствии превратился в своего рода человека-легенду, воплощение рыцарственности, причем как на Востоке, так и на Западе (см., например, роман В. Скотта «Талисман»).

ставится на роли низших классов, на «народных ополчениях», на народном негодовании, когда договор 1229 г. между Фридрихом II и арабским эмиром отдал христианскому императору Иерусалим.

В Египте обращают внимание главным образом на те крестовые походы, которые угрожали стране, прежде всего на поход Людовика Святого. Крестовый поход фигурирует в качестве отправного момента возрождения Египта: он открывает эпоху лидерства Египта в арабском мире. Египтяне дважды спасли ислам, одержав в 1260 г. победу над монголами, и еще раз – победив франков. На самом деле в обоих случаях победы были одержаны благодаря не египтянам, а мамлюкам – воинам-рабам из числа черкесских и турецких невольников, ставшим вскоре хозяевами Египта. Египет находился под турецким господством, но во времена Мухаммеда Али стал первым освободившимся «арабским» государством. Таким образом он восстановил свое лидерство в арабском мире и с тех пор его не терял.

Во всех случаях историки Востока утверждают, что крестовые походы, а затем империализм нанесли арабскому миру колоссальный ущерб, не поддающийся оценке. Используя игру слов, они говорят, что принесли Западу пользу (ghunm), передав ему мусульманскую культуру, мусульманскую науку, искусство строительства крепостей, а Запад причинил Востоку вред

(ghirm), оставляя после себя лишь руины. Они помогли Европе «пройти путь от стадии детства к стадии взрослости», а та принесла Азии одни разрушения.

Однако, по мнению арабских историков, такая же участь ждет в конце концов всех, кто, как франки, нападает на арабский ислам. Уже в 1911 г. в бейрутской газете «Аль-Химара» была помещена карикатура, на которой Саладин защищал арабов от сионистов. На других картинках на месте фанфаронствующих генералов Гуро, Алленби или историка Луи Мадлена⁴¹ и писателя Киплинга, произносивших слова о «французском присутствии» или текст «Правь, Британия», появлялись очертания независимых государств Сирии и Ирака.

Урок очевиден. Как в прошлом, изматывая и постепенно уничтожая крестоносцев, арабы отвоевывали свою территорию, так и в будущем арабы одержат верх, прогонят «империалистов», уничтожат Израиль. Что нынче осталось от франкского государства в Сирии? Что осталось от французского господства в Алжире?

---

⁴¹ Луи Мадлен (1871–1956) – крупный французский историк консервативного толка.

А существовала ли вообще французская колонизация Алжира?

Предоставим вначале слово женщинам. Камера Асьи Джебар запечатлела их в фильме «Нуба женщин с горы Шенуа». Они не пишут истории, они не рассуждают о ней, но рокот истории слышится в голосах этих женщин, которые с незапамятных времен творят ее своим чревом, рождая мужчин и женщин племени джуржура.

Вот они сидят под высоким балдахином. Асья Джебар показывает их нам в тот момент, когда они рассказывают историю детям: это история предков, история племени, борьбы против христиан (их никогда не называют французами), которые перевернули устои и неизменное течение жизни племени.

Камера Асьи Джебар тайком вводит зрителя в незнакомый мир женщин, маленькая и воинственная лодочка которых единственный раз, во время восстания 1860 г. против завоевателей, совершила трагический заплыв в Великую Историю. Отныне они изгнаны из нее. Это такие же точно женщины, как те, чьи образы создал Делакура. Их мирок полностью восстановлен, они снова, согласно Закону, скрыты от посторонних глаз и хранят молчание. В своем заточении они не

должны ни говорить, ни знать.

Ася Джебар свидетельствует о бунте против этого изгнания из Истории, против жестокого разочарования. Но она – может быть, помимо собственной воли – свидетельствует и о том, что для этого алжирского селения сто лет присутствия французов означали не больше, чем клещ на хвосте верблюда.

Перевернутая история

История, преподаваемая алжирцам, как можно себе представить, отличается от той истории Магриба, которую учат французы. Прежде всего, французы унаследовали римскую традицию, продолжателями которой они себя считали. И тут, возможно, единственное совпадение: алжирцы иногда называют французов «руми». Но что касается общего понимания истории, то книга «Я знаю Алжир» (V, 31) дает детям не просто отличное от европейского видение прошлого, но прямо противоположное ему.

Уже во введении внимание акцентируется на тысячелетнем существовании трех африканских государств. В книге вспоминаются финикийцы, которые еще до прихода римлян высадились в Северной Африке и завели там торговлю. В тот момент и в период войн между Римом и Карфагеном остальная территория Северной Африки делилась на три царства: царство мавров (Мавритания) на западе, границей которого была река Малуя, царство масесилов на Тафне и царство массилов на востоке, в Нумидии. Его столицей стала Цитра. Царь Масинисса⁴² правил с 203 по 148 г. до н. э.;

---

⁴² Масинисса (ок. 240–149 гг. до н. э.) – правитель государства массилов; вел успешную завоевательную политику и в 203 г. до н. э. присоединил царство масесилов (Нумидию). Внутренняя политика Масиниссы бы-

он воевал за земли Карфагена под девизом «Африка – африканцам», провел в стране реформы, поощряя земледелие и развитие городов».

«После смерти Масиниссы Рим, который аннексировал Карфаген, делает попытку подчинить царства Магриба (...). Югурта⁴³ устраняет своих двоюродных братьев, «слишком склонных подчиняться Риму», «овладевает нумидийским тронem». Он отказывается склониться перед волей Рима и в течение семи лет ведет войну, используя тактику быстрых переходов, засад, преследования по пятам (...). В 105 г. из-за предательства царя Мавритании (т. е. Марокко) он попадает в плен к римлянам (...).

Римские легионеры постоянно сталкиваются с сопротивлением враждебно настроенного населения Магриба. Со II в. н. э. восстания следуют одно за другим, и, наконец, в 428 г. нашествие вандалов выметает отсюда «остатки клонящейся к упадку Римской

ла направлена на укрепление нумидийского государства берберов, расширение торговых связей со всем средиземноморским регионом.

⁴³ Югурта (160–104 г. до н. э.) – царь нумидийский, внук Масиниссы, незаконный сын брата нумидийского царя Миципсы. Назначенный наследником наряду с сыновьями Миципсы, Югурта добился единоличной власти путем убийства одного и военной победы над другим, ловко используя при этом поддержку Рима. В дальнейшем экспансионистские устремления Югурты столкнулись с аналогичными устремлениями Рима (Югуртинские войны 111–105 г. до н. э.). Югурта был взят в плен и казнен в Риме

империи» (...). Период вандалов – это время тиранической оккупации. «Однако ее ужасная репутация, по-видимому, преувеличена, так как она создана их врагами». Конец господству вандалов был положен в 533 г. полководцем Велизарием, отвоевавшим эти земли по приказу византийского императора. Византийцы очень жестоко эксплуатировали страну; это время отмечено мятежами и волнениями, которые провоцировало угнетение. Это был период упадка» (V. 31).

«Арабское средневековье было периодом процветания»

Так называется глава, которая начинается с арабского «завоевания» (а не «освобождения», как в иракских и египетских учебниках). Его осуществляет арабский военачальник Окба Бен Нафи, основавший в 670 г. Кайруан.

«Царица берберов Ореса Кахина (Нумидия), возглавив свои войска, выступила против арабов. Сначала она одерживает победу на берегах Мескианы и отбрасывает их в Триполитанию (...). Но противостоя все новым и новым атакам, она в 702 г. терпит поражение от внушительной армии под предводительством халифа. Накануне последнего боя она приказала своим сыновьям перейти на сторону врага».

Затем наступил «период бурной и подчас смутной истории, когда царства и династии, сильные или совсем хрупкие, возникают и исчезают одни за другими. Это был также период бурного экономического и культурного развития, когда расцветали искусства и науки.

В 776 г. перс Абд ар-Рахман ибн Рустем основывает в Тахерте (Тиаре) царство хариджитов, отколовшихся от господствующего течения в исламе. Это королевство процветало

до 909 г., когда оно было повержено египетскими Фатимидами и преемники Абд ар-Рахмана были вынуждены бежать на юг, где они основывали города в области Мзаб.

Зириды и Хаммадиты положили начало двум династиям, которые оспаривают друг у друга страну, вступая в союз то с Каиром, то с Багдадом (...). Им удается держать в своих руках власть на местах и даже пережить нашествие воинственного племени бани хилаль в XI в.

Затем Северную Африку вплоть до Алжира завоевали Альморавиды, пришедшие из мавританской пустыни; они господствовали и в мусульманской Испании, где защищались от христианских королей.

В XII в. в Испании и в Северной Африке целое столетие господствуют Альмохады.

В 1235 г. Абд ал-Вадиты из Тлемсена основывают независимое государство и новую династию, которая, несмотря на нападения султанов Маринидов из Феса (...), не прерывается в течение примерно трех веков – до 1554 г.

Столица государства Тлемсен – это процветающий город и самый значительный экономический центр Магриба, расположенный на перекрестке хорошо налаженных торговых путей, соединяющих Европу с Суданом, откуда идут слоновая кость, пряности, рабы, а главное – золото. Тогда, по-видимому, зародился тлемсенский обычай украшать

голову новобрачной многочисленными золотыми побрякушками».

В этом изложении с первых слов заметно отмежевание от западного видения событий, восходящего к Саллюстию и Титу Ливию. Этих комментаторов интересовала история Рима в Африке, а не история самого Магриба, поэтому если почитать их, так в Ифрикийи только и существовали сторонники пунийцев и сторонники римлян. В текстах же, предназначенных для юных алжирцев, сами берберы являются предметом истории, излагается их прошлое.

Перед лицом карфагенян, пришедших из Финикии, как и перед лицом римлян здесь провозглашается: «Африка – африканцам!» Берберы по очереди борются с пунийцами и римлянами, византийцами и арабами, а затем с французами. В царствах, существовавших до прихода римлян, воплощается самобытная сущность берберов; она подкрепляется возрождением после арабского завоевания государств, которые существовали несколько веков, несмотря на опасности и нашествия. В моменты особенно грозные местные жители вынуждены были уходить во внутренние районы, оставляя захватчикам лишь побережье. В случае, если завоевание было продолжительным, последним убежищем служила пустыня. Как только вторгнулся новый завоеватель, жители Магриба были тут как тут и помогали прогнать прежнего угнетателя. Вместе с римля-

нами они прогоняли карфагенян; вместе с вандалами (которым в тексте учебника даются мягкие характеристики) изгоняли римлян; вместе с арабами – византийцев. Сопротивление власти завоевателей принимало религиозные формы. Сначала это была борьба против религии римлян. При вандалах появилось арианство, во времена ислама – хариджизм. И вновь преследуемые Фатимидами хариджиты нашли себе убежище в городах Южного оазиса, в долине Мзаб.

Итак, кочевой образ жизни связывается в первую очередь не с жизнью в пустыне и грабежом, как во французской традиции, но с городской торговлей и свободой.

Точно так же сильная местная власть на уровне племени или деревни – это не примитивная стадия политической организации, выше которой никогда не поднялась Берберия (как это подразумевает или утверждает история, написанная колонизаторами), но именно форма приспособления местных учреждений к условиям чужеземного завоевания, как повествует история подлинная. Оба эти положения великолепно разработаны магрибским историком Абдаллахом Ларуи (V. 9).

Таким образом, европейское представление, согласно которому «темными веками» называется период, когда исламский Магриб переживал свое величие, а периодами «мира и прогресса» – те, когда этот ре-

гион находился под иноземным господством, оказывается полностью перевернутым. Местная государственная организация предстает естественной и лишь разрушенной захватчиками, а затем восстановленной после их изгнания с оружием в руках. Речь идет о таком видении истории, которое отвергает идею «запаздывания» Магриба, его «неспособности» сформировать государство, идею «проклятия», поражавшего Магриб во времена нашествий вандалов, арабов, племени бани хилаль и расцвета в периоды римских легионеров или колонизаторов.

«Французский Алжир»

«Французский» период занимает две главы: одна – про завоевание, вторая – про «ноябрьскую революцию 1954 г.», как будто между ними была пустота: ни алжирских французов, ни колонизации, ни развития страны.

«Французская колонизация начинается в 1830 г. и утверждается после жестоких сражений. Французские войска высадились в Сиди Феррухе. Им оказал сопротивление Абд ал-Кадер⁴⁴, затем было восстание под руководством шейха ал-Мохрани. Вот эпизоды этой истории. Шейх ал-Мохрани 5 мая 1871 г. погиб на поле битвы, но борьба продолжалась и после этого еще около года (...). Она завершилась кровавым подавлением, массовыми казнями, сожженными деревнями, уничтоженными посевами, уведённым скотом. Обширные земли были захвачены (...). Алжирцы, лишённые своего имущества, были отброшены в горы, в бесплодные пустыни. С 1920 г. алжирское движение возрождается. Основанная в 1926 г. и запрещённая в 1937 г. партия «Звезда Северной Африки» становится

---

⁴⁴ Абд ал-Кадер (1808–1883) – алжирский вождь, полководец и политик. С 1830 г. возглавлял борьбу алжирцев против французского колониального господства. В 1847 г. попал в плен, однако борьба с колонизаторами не прекращалась и впоследствии.

партией алжирского народа и провозглашает национальные требования. Активно действует основанное в 1931 г. под руководством шейха Бен Бадиса движение улемов за становление национального самосознания и культуры. Организации Демократический союз Манифеста Алжира и Движение трудящихся за демократическую свободу ведут пропаганду и участвуют в выборах. Но они терпят поражение, и Движение трудящихся за демократическую свободу основывает секретную организацию для подготовки к борьбе» (V. 31).

Итак, между завоеванием и освобождением нет переходного периода. «У алжирцев нет родины, потому что они получают в качестве таковой Францию раньше, чем могут задуматься о другой», – говорил Ф. Аббас, основатель Демократического союза Манифеста Алжира. Так что же говорить об этой пустоте? И действительно, ни слова об основателях партий – о нем самом или о Мессали Хадже, организовавшем Движение трудящихся за демократическую свободу, – ни об алжирских профсоюзах или алжирской коммунистической партии, ни о Насере или исламе... Из алжирских деятелей упоминаются лишь те, кто погиб во время «революции».

И, разумеется, никаких следов французов⁵⁶.

---

⁵⁶ «Я знаю Алжир» – это первая книга, с которой знакомятся дети.

О них вспоминается лишь раз, в связи с конвенцией 1830 г., гарантировавшей свободу и собственность алжирцев. «Но она не соблюдалась». Говорится, конечно, о французских войсках, пришедших в 1830 г., о сопротивлении, о борьбе с французскими военными. Говорится о полутора миллионах погибших, о сотнях тысяч беженцев, о ставших непроходимыми пограничных районах, о том, что страна была разорена и разрушена. «Такова была тяжелая плата алжирского народа за независимость и свободу».

Конечно, ни слова о том, что привнесено французами. «Что мне до того, что в моем доме есть электричество, если мой дом не принадлежит мне», – говорил Ф. Аббас.

Но ни слова также и о «французском присутствии», ни малейшего намека на то, что в течение целого века миллион французов жили в этой стране, что они рожали там детей, трудились, процветали, «пренебрегая правами и честью арабов», подвергавшихся насмешкам и унижениям и в конце концов прогнавших французов в ходе очень жестокой войны.

Но детям не следует знать ни об этом наказании, ни об этом насилии.

Для детей постарше есть другие, в которых представлен не такой односторонний взгляд на историю Магриба. См., напр.: *De l'imperialisme a la decolonisation* par Y. Grell, M. Cherif, T. Khalfal-ah, H. Sedkaoui. Tunis, 1967.

6. Персидский и турецкий варианты Арабо-мусульманский мир и Иран

Краткая хронология

550-529 гг. до н. э. – Правление Кира.

521 г. до н. э. – Держава Дария I Ахеменида простирается до Инда.

490– 480 гг. до н. э. – Греко-персидские войны.

334 г. до н. э. – Начало завоевания Персии Александром Македонским.

250 г. до н. э. – Объединение Парфии; образование Парфянского государства под властью династии Аршакидов, пришедших на смену Селевкидам, преемникам Александра.

III – I вв. до н. э. – Династия Птолемеев в Египте.

I в. до н. э. – Завоевание Восточного Средиземноморья Римом.

53 г. до н. э. – Красс терпит поражение от парфян при Каррах.

I в. н.э. – Распространение христианства на Востоке.

224 г. н. э. – Арташир основывает династию Сасани-

дов.

III – IV вв. – Восточная Римская империя. Держава Сасанидов распространяет свою власть до Йемена.

610-614 гг. – Захват Хосровом II Иерусалима, Армении; апогей державы Сасанидов.

628 г. – Поход византийского императора Ираклия против Хосрова.

632 г. – Смерть Мухаммеда.

634 г. – Начало арабских завоеваний.

651 г. – Завоевание Ирана арабами. Конец династии Сасанидов.

661 – 680 гг. – Халиф Муавия; начало династии Омейядов.

680 г. – Резня при Кербеле.

732 г. – Битва при Пуатье между арабами и франками под предводительством Карла Мартела.

751 г. – Арабы наносят поражение китайским войскам при Таласе; апогей и конец арабских завоеваний.

750-945 гг. – Династия Аббасидов.

786-809 гг. – Харун ар-Рашид.

IX в. – Эмираты Саффаридов и Саманидов в Иране. Распад «арабской» империи.

945 г. – Взятие Багдада Буидами. Начало династии Буидов.

969 г. – Утверждение династии Фатимидов в Египте.

Вторая пол. XI в. – Распространение ислама среди тюркских кочевых племен.

1055 г. – Вступление тюркских войск Сельджукидов в Багдад.

1071 г. – Победа тюркских войск над византийскими у крепости Манцикерт.

1174-1193 гг. – Правление Салах ад-Дина.

1189-1204 гг. – Третий и четвертый крестовые походы.

1220 г. – Завоевание Чингисханом Самарканда и Бухары.

1258 г. – Хулагу-хан занимает Багдад.

3 сент. 1260 г. – Разгром монгольского войска египетскими мамлюками.

Начало XV в. – Египет становится культурным центром мусульманского мира.

1405 г. – Смерть Тимура.

1453 г. – Взятие турками Константинополя и превращение его в столицу Османской империи.

1502-1524 гг. – Правление шаха Измаила; начало династии Сефевидов. Прекращение экспансии Османской империи в Иране.

Первая пол. XV в. – Расцвет мусульманских держав: Османской империи, Персидской империи и империи Моголов.

1571 г. – Морское сражение при Лепанто; турецкий флот терпит сокрушительное поражение от соединенного флота католических государств Европы.

1587-1629 гг. – Правление шаха Аббаса I. Перенос

столицы в Исфахан. Широкое строительство в Исфахане.

1623-1624 гг. – Завоевание Аббасом Ирака; взятие Багдада.

1683 г. – Турецкие войска терпят поражение под стенами Вены.

1721-1722 гг. – Поход афганцев-гильзаев на Исфахан. Захват власти Махмудом.

1736-1747 гг. – Правление Надир-шаха.

1739 г. – Захват и разграбление Дели Надир-шахом.

1798-1799 гг. – Экспедиция Наполеона Бонапарта в Египет.

1813-1828 гг. – Войны России с Персией. Туркманчайский мирный договор.

1830 г. – Появление французов в Алжире.

1833 г. – Египет получает автономию при Мухаммеде Али.

1853 г. – Русский царь называет Турцию «больным человеком» Европы.

Сер. XIX в. – Возрождение арабского национального движения в Египте.

1881–1904 гг. – Завоевание Туниса и Марокко Францией.

1882 г. – Бомбардировка Александрии англичанами. Начало английской оккупации Египта.

1907 г. – Англо-русское соглашение о разграничении сфер влияния в Иране.

1914 г. – Установление английского протектората в Египте.

1916 г. – Соглашение «Сайкс-Пико» между Англией и Францией о разделе земель Турецкой империи.

1917 г. – Декларация Бальфура о создании «еврейского национального очага» в Палестине.

1918 г. – Распад Османской империи. Иран, Ирак, Египет под англо-французским влиянием.

1918-1923 гг. – Возрождение пантюркизма.

1936 г. – Англо-египетский договор; политическая независимость Египта.

Из всех мусульманских стран наибольшую дистанцию по отношению к арабам несомненно держит Иран. Если в Египте или же в Магрибе национальное самосознание подчас растворяется в более широком самосознании арабов и сторонников ислама, а Египту так даже нравится играть роль лидера арабского мира, то важнейшей чертой ментальностей Ирана, его «пережитой истории» является отмежевание от арабов, даже при том, что первые историки в Иране писали по-арабски, даже при том, что до арабов в Иране вообще не было историков. Национальное самосознание со времен принятия ислама здесь формировалось в форме шиизма, как и в Алжире, но враждебность по отношению к арабам, а затем к туркам была сильнее враждебности к суннитам. Эта черта явственно проступает в школьных учебниках, как и то, что для Ирана славная эпоха, величие страны, – это отнюдь не период исламизации, а время правления Сасанидов, которые были впоследствии побеждены арабами... На европейский взгляд, самый выдающийся период иранской истории – это эпоха Ахеменидов, поскольку ее наследие было воспринято культурой Греции, Рима, культурой Возрождения. Но стоит отойти от этого европейского взгляда, и законность позиции иранцев становится очевидной. Эпоха Сасанидов – это и впрямь

период, когда сверкающее величие Персии не ведает соперников, когда соседняя Римская империя клонится к упадку под ударами варваров. Впрочем, этот период продолжался недолго, и конец ему положило арабское завоевание.

Итак, в Иране, как и в Египте, очень большое место отводится доисламской истории страны. С самого начала отчетливо и даже дважды сформулировано, что иранцы – это арии по происхождению.

Персы, арии, основатели первой великой религии

«На заре истории. Арии» – так называется вступительная глава учебника по истории, выпущенного университетом Пехлеви (V. 29).

«Четыре тысячи лет назад с равнин и с гор Севера пришли многочисленные племена. Это были арийские племена, и они являются предками современных иранцев (...). Произведенные недавно раскопки показали, что персы тех времен имели блестящую цивилизацию и были исключительно талантливыми архитекторами».

Итак, слава Ирана предшествует славе ислама. Персы не всегда были мусульманами.

«Как и все древние народы, иранцы в прежние времена верили в многочисленных богов, но Зоро-астр научил иранский народ думать по-новому. Великим богом стал у них Ахурамазда; его наставления записаны в книге «Авеста». Он учит трем главным принципам жизни: доброму слову, доброму деянию и точной мысли» (V. 29).

Итак, Иран, прежде чем осознать себя первой из великих империй, выступает в качестве основателя пер-

вой великой религии⁴⁵.

Сначала «храбрые мидийцы прогнали ассирийцев (т. е. жителей современного Ирака) и обрели независимость». Насколько всегда соблюдается дистанция по отношению к семитам, настолько ее стараются уменьшить в том, что касается Запада. Об этом свидетельствует история державы Ахеменидов. Она заимствована из греческих и римских источников. Так, здесь обнаруживаются мифы и легенды, связанные с возникновением Рима. Вот история рождения Кира.

«У царя Астиага была дочь Мандана. Однажды ему приснилось, что у нее из живота выросло огромное дерево, которое накрыло собой всю Азию. (Согласно Геродоту, «из чрева его дочери изошел такой поток, который затопил всю Азию».) В другом сне из тела дочери вырос виноград. Царь позвал одного из своих магов и спросил: «Что означает этот сон?»

«У Манданы будет сын, который

---

⁴⁵ «...первая великая религия» – имеется в виду Зороастризм: дуалистическая восточная религия, возникшая, по-видимому, в VII в. до н. э., распространившаяся в Мидии, Персии, других странах Ближнего Востока. Название связано с именем Зороастра, традиционно считающегося основателем религии. Основным источником представлений зороастризма – книга Авеста. Согласно доктрине зороастризма, в мире борются доброе (бог Ахурамазда) и злое (бог Анхраманью) начала. Зороастризм был государственной религией Персии в период Сасанидов (III-VII вв. н. э.). После завоевания Персии арабами приверженцы зороастризма преследовались, насильственно обращались в ислам.

станет величайшим из царей; он захватит принадлежащие тебе земли и целый мир впридачу».

Астиаг испугался; он отправил свою дочь на восток страны, где выдал ее замуж за Камбиза, а когда она родила, жестокий дед приказал отнести ребенка в лес и оставить его на съедение диким зверям. Слуга, которому поручили это дело, передал младенца леснику. А у того как раз только что умер новорожденный сын, и он сохранил жизнь мальчику, которого ему оставили. Так осуществилась судьба Кира. Он вырос большим и сильным и вскоре пошел войной на Астиага, поскольку тот облагал своих подданных слишком большими налогами. И он победил Астиага.

Кир создал одну из самых совершенных армий своего времени: у него были даже колесницы, запряженные шестнадцатью быками. Цари Вавилона, Лидии и Египта объединились против него, но он вышел победителем и завоевал Вавилон.

«Шестьдесят лет назад был найден указ Кира, провозглашавший свободу народов; именно этим указом были освобождены евреи, которые семьдесят лет находились под властью ассирийцев» (V. 29).

История Дария и его преемников содержит в себе сюрприз для западного читателя. Рассказывается о его величии и справедливости, о возмущениях вавилонян,

о расширении империи. Дарий много раз водил свои войска в Европу, занял Македонию и часть современной Румынии. Но нет ни слова о вторжении Ксеркса в Элладу, о войнах с Грецией, о Марафонском и Саламинском сражениях...

Отсутствует, таким образом, вся история конфликта «греков с варварами», т. е. какой бы то ни было политический и культурный антагонизм с этими народами, основавшими цивилизацию на Западе, пропадает.

А вот сопротивление римским завоевателям воспроизводится подробно: это урок храбрости и славы.

После Селевкидов и Аршакидов войны с Римом становятся частыми:

«Римской армии, которая завоевала Европу и Африку, так и не удалось, даже при Антонии, захватить в Иране ничего, кроме узкой полоски земли».

Величие персидской державы вдохновляет Арташира, который мечтает восстановить империю Ахеменидов и воссоздать зороастризм как залог религиозной целостности Ирана.

«Арташир несколько раз бьет римлян, занимает Армению, а его преемник Шапур берет в плен императора Валериана. Сохранился рельеф, где он изображен коленапреклоненным перед Шапуром, сидящим на лошади» (V. 29).

В эпоху Шапура II Великого Персидская держава побеждает главных своих врагов: на юге – арабов, армию которых Шапур II разбивал несколько раз, и Византийскую империю.

«Однажды Шапур II, переодевшись, пробирается в Константинополь, но его обнаруживают и бросают в темницу. Ему удается бежать. И вот он доходит со своей армией до предместий столицы. На него вновь нападает император Юлиан, но сам погибает. Шапур II царствовал семьдесят лет и пережил десять римских императоров» (V. 29).

Сила и терпимость – добродетели державы Сасанидов

«Ездгерд поручил воспитание своего сына арабскому эмиру, правителю одной из провинций империи, для того чтобы сын не рос в окружении роскоши. Тот вырос умелым всадником и охотником. Он и его брат оспаривали престол друг у друга. Было решено, что корону получит тот, кто сумеет достать ее из ямы со львами. Верх одержал Вахрам (...). Он дал бой желтокожим (гуннам), достиг пределов Индии, предоставил свободу всем христианским народам, которые желали сохранить свою веру, и заключил со всеми мир».

Итак, вновь и вновь стараются подчеркнуть терпимость «царя царей». В действительности же политика насильственного насаждения зороастризма была в это время как никогда активной, в особенности в христианской Армении. Что касается «мирного договора» между Ираклием и Хосровом, то на самом деле это был раздел Армении между Византией и Персией. «Святой Крест был отдан римлянам, и Ираклий самолично доставил его в Иерусалим» (V. 29).

Арабское завоевание

Арабское завоевание и падение Сасанидов – это катастрофа. Было несколько предзнаменований этого.

«При Перозе на империю обрушилась великая засуха; «царь царей» закупил продовольствие в других странах, чтобы справиться с голодом, заставлял богатых делиться их запасами. Он учредил праздник Абрезаган в ознаменование долгожданного дождя. Но он совершил и нечто очень постыдное: убил своего брата и других принцев-Сасанидов, чтобы кроме его детей не было претендентов на престол (...). Наказание обрушилось на него в виде чумы, от которой он умер (...). Спустя некоторое время в державе Сасанидов наступил полный хаос. Один за другим сменились двенадцать государей, среди которых были две царицы».

В 632 г. на престол вступил Ездгерд III, последний Сасанид. В двенадцатом году хиджры (634) мусульмане начали свое наступление. Они побеждали ссорившихся между собой иранских военачальников. Ездгерд III вынужден был бежать в восточные провинции. Арабы взяли и разграбили столицу Ктесифон, а «царь царей» нашел себе далекое пристанище вблизи Мерва.

«Там он попросил убежища у одного мельника,

и тот его приютил, но, увидев драгоценности и одежды царя, убил его, чтобы ими завладеть» (V. 29).

Таков был конец великого царства Сасанидов. Зороастризм был отброшен, и «в Иране началась новая блестящая эра».

Я расспросил Махияра Джавахерьяна как учитель в школе рассказывал ему об исламе, об арабском завоевании. Он хорошо это помнит. «Первое представление об арабах – бродяги, не имеющие никаких правил, живущие в пустыне, как придется, разбойники (...). Будучи отсталыми, они перемещаются на верблюдах, тогда как в великой персидской армии была сильная кавалерия (...). Иранцы были побеждены, но в этом не было вины их царя; это случилось потому, что они были ослаблены многочисленными войнами (...). Арабы воспользовались этим, и кроме того, их вдохновляла фанатичная вера, которая могла повести хоть на край света...»

Имам Али, настоящий иранский крестьянин

История Мухаммеда излагается по традиционной схеме, но в шиитском Иране титул имама предшествует имени Али: «Али был первым имамом шиитов». Школьное описание Али точно соответствует образу иранского крестьянина», – говорил мне Махияр. Получается, что до Али у Мухаммеда не было истинных преемников. Учительница объясняла, что арабы враждовали с Али, потому что он был связан с Пророком через свою супругу Фатиму, дочь Мухаммеда, что арабы презирали девочек и часто хоронили дочерей живьем сразу после их рождения. Мухаммед был первым арабом, который стал их уважать, а свою собственную дочь он отдал Али. И кроме того, Али учил искусству управления. «Слова Али» будут изучаться всеми правителями, так же как и слова Мухаммеда.

Итак, «прославленный Али защищал честь ислама. Он постоянно боролся с отступниками, он был убит одним из своих врагов» (V. 29).

И вот основополагающий эпизод:

«После смерти Муавии имам Хусейн, сын Али, провозгласил джихад; он отправился в Куфу, чтобы собрать там войско, но жители города

не сдержали своего слова: они покинули внука Пророка, и тот остался лишь с семьюдесятью двумя своими родственниками. Он мужественно сражался и погиб вместе со всеми ними в бою, равного которому нет в Истории. От стал жертвой предательства» (V. 29).

С тех пор исповедующие ислам разделились на верных Али шиитов, у которых было двенадцать имамов, и суннитов, которые говорят, что после Мухаммеда было четыре халифа. У шиитов принято насмехаться над двумя последними халифами и поносить их. В день Ашуры в Мешхеде, святилище шиитов, высмеивают Омара, осыпая его оскорблениями по-персидски. О человеке с плохим характером говорят: «это Омар», «у него голова Омара». Смеются также и над манерой суннитов молиться со скрещенными руками, в то время как шииты молятся с простертыми ладонями.

Все это восходит к антиарабской традиции: поднегодьями-«отступниками», с которыми сражался Али, понимается в первую очередь араб-сириец Муавия; равным образом арабам приписывается жестокое отношение к девочкам; наконец, «презренный» город Куфа находится в Месопотамии, т. е. на территории Ирака, на арабской земле.

Итак, вот один из корней антагонизма между Ираном и остальным мусульманским миром, в особенности Ираком, где преобладают сунниты.

Что удивительно, так это то, что Иран стал по-настоящему шиитским лишь восемь веков спустя, в эпоху, когда главными его врагами были не арабы, а турки, которые теперь оказались самыми активными проповедниками и приверженцами суннизма.

Этот факт лишний раз подтверждает то, что история излагается так, как она видится сегодня. Изданный университетом Пехлеви учебник забывает упомянуть, что после резни при Кербеле мусульманская Персия в целом еще несколько веков стояла на стороне суннитов.

Блеск мусульманской Персии

Вся история периода до монгольского нашествия XIII в. в изложении для детей проникнута враждебностью к арабским завоевателям.

«Халифы понемногу утрачивали свою власть. Потомки дяди Пророка – Аббасиды – пользовались любовью. Иранцы были еще сильнее настроены против Омейядов, чем другие мусульмане (...). Имея хорошее войско, против Омейядов выступил Абу Муслим, и тут восстал весь Иран вплоть до Месопотамии. В 750 г. халиф из династии Омейядов был убит (...). Началось пятисотлетнее правление Аббасидов. Халиф Мансур приказал разобрать дворец Хосрова, и на его месте в Багдаде был возведен великолепный дворец из кирпича. Он был выстроен так умело, что арабам не удалось его разрушить» (V. 29).

Таким образом, вся эпоха Омейядов – от резни при Кербеле до возвышения Абу Муслима (т. е. период зависимости иранцев от арабов из Дамаска) отсутствует. Во времена Аббасидов, как известно, империя постепенно превращается из арабского государства в государство мусульманское, в котором неарабские народы чувствуют себя более свободно. И у истоков этой «революции» стоял именно перс из Хорасана – Абу Му-

слим. Вот почему эпохе Аббасидов отдается предпочтение, тогда как в иракских учебниках этот период, наоборот, совсем пропадает...

«Иран принял ислам, но не правителей для своих земель», т. е. арабов. После завоевания «иранцы все время старались вернуть себе независимость. Государя как будто повиновались Багдаду, но лишь внешне. Иран снова обретал свободу».

«Восстановлению независимости способствовали четыре великих эмирата: династии Тахиридов (821–873), Саффаридов (861–900) и Саманидов (819–999) и Буидов (935–1055)».

После правления Харуна ар-Рашида, прославленного в «Сказках тысячи и одной ночи» и возродившего персидский этикет эпохи Сасанидов (придав культуре мусульманского мира колорит клонящейся к упадку рафинированной персидской культуры), наступает царствование Мамуна (191–211 гг. хиджры, т. е. 813–833 гг.).

«Сын Харуна ар-Рашида был по матери персидского происхождения; он стал халифом и убил Амина в Багдаде». Амин был сводным братом Мамуна, его мать была арабского рода, тогда как Мамун был сыном второй жены Харуна ар-Рашида, персидской рабыни. Предвидя конфликт и образование двух враждующих кланов, Харун ар-Рашид разделил наследство на две

части, отдав преимущество Амину. Амин хотел подчинить себе брата, и вскоре между ними началась война. Несмотря на яростное сопротивление арабского Багдада персам, Мамун одержал верх. Для того чтобы сблизить шиитов и суннитов, он попытался официально установить догматы мутазилизма⁴⁶, но ему это не удалось. Однако, «поскольку иранцы любили потомков Али, Мамун провозгласил своим преемником восьмого имама шиитов Али ар-Ризу, который происходил от Хусейна. Но имам Али ар-Риза умер, отведав отравленного винограда в небольшой деревне. С тех пор его гробница в Мешхеде является местом паломничества шиитов (...).

Багдадские халифы стремились хитростью и лицемерием расколоть иранцев. Так, они побуждали к конфликтам Саффаридов и Саманидов (династии, утвердившиеся в центре и на северо-востоке страны). Один из Саффаридов, Амр, попал однажды в плен к Саманидам. Сторож готовил ему тюремную трапезу. В этот момент привлеченный запахом пес сунул нос в коте-

---

⁴⁶ Мутазилизм – рационалистическое направление в мусульманской теологии, возникшее в Арабском халифате в VII в. Мутазилизм отвергал догмат об извечности Корана, считая его простым литературным произведением, он отрицал наличие положительных атрибутов бога, отличных от его сущности. Критерием истины считал человеческий разум, признавал свободу воли человека. Мутазилизм был официальной доктриной в государстве Аббасидов при халифе Маммуне (813–833). В дальнейшем он преследовался как ересь.

лок, застрял в нем и, обжегшись, удрал вместе с котелком. «Вот видишь, – сказал Амр сторожу, – видишь, как все переменилось... Еще вчера искуснейшие повара один за другим подносили мне самые лучшие блюда, а сегодня обыкновенная собака уносит мою миску» (V. 29).

«Восстановить величие, существовавшее до арабов»

(...) «Государство Саманидов, сосредоточенное во округ Бухары, в X в. переживало исключительный расцвет». Как и Саффариды, Саманиды сочинили себе генеалогию, восходящую к Сасанидам. При дворе Саманидов родилась персидская литература, прославленная «Шах-намэ» Фирдоуси и музыкальной поэзией Рудакис.

«Рассказывают, что Махмуд, основатель династии Газневидов, пришедший на смену Саманидам, захотел расплатиться с Фирдоуси и приказал выдать ему столько монет, сколько предполагал его предшественник, однако монеты были серебряные, тогда как он должен был платить золотом... Фирдоуси увидел в этом дурное предзнаменование и бежал. Государь, должно быть, раскаялся, так как приказал догнать Фирдоуси и заплатить ему разницу; но поэт к этому моменту уже умер.

(...) Тем временем доблестные герои Мазендарана подстерегали арабов с высот Эльбурса (горы на западе страны). Больше всего персы хотели вернуть былое величие, существовавшее до арабов; они мечтали прогнать

Аббасидов, ставших жестокими и злыми (...). Наконец, в 334 г. хиджры (945) армия под предводительством Ахмеда вошла в Багдад. Халиф был свергнут, и Багдадский халифат в течение ста лет после этого находился в руках Бундов, выходцев из прикаспийской области Гилян...

Именно в эту эпоху жил Авиценна, великий врач персидского происхождения, сначала при дворе Саманидов в Бухаре, а затем в Исфахане. В его книгах (например, в «Книге исцеления») черпала знания европейская наука того времени».

Газневиды были «могущественными и доблестными» государями. Они завоевали Хорасан, Систан и восточную часть Индии. Махмуд совершил несколько походов в Индию, борясь там с идолопоклонниками и уничтожая идола. Газневиды покровительствовали художникам и ученым, например великому астроному Бируни, который написал книгу о культуре, религии и нравах Индии.

Затем «Газневиды были побеждены Тогрул-беком Великим, героем из династии Сельджукидов. В 1055 г. он управлял государством, простиравшимся от Туркестана до Средиземного моря. Он был турецкого происхождения, но воспринял иранскую культуру. Он первый стал носить титул султана». Его преемник, Алп Арслан, в 1071 г. разгромил византийскую армию при Манцикерте; император Роман Диоген был взят персидскими

войсками в плен. Но султан решил его освободить»...

Именно в эту эпоху жил «великий поэт Омар Хайям, астроном и математик, создатель универсального календаря; его литературное произведение «Рубайят» было в 1859 г. переведено на английский Эдвардом Фитцджеральдом» (V. 29).

Ассасины (курильщики гашиша)

В это же время секта исмаилитов создала под предводительством Хасана ибн Саббаха тайную организацию ассасинов, которая подготавливала убийства правителей.

Это была «строго централизованная организация; ее члены – борцы, или фидаи, – убили множество знатных людей, правителей. Они жили в неприступном замке и являлись последователями Хасана ибн Саббаха, который посылал их убивать своих врагов. Имя ассасинов происходит от арабского слова хашишийун – курильщик гашиша. Этим наркотиком злоупотребляли члены секты, чтобы пережить в воображении блаженства рая и чтобы опьянить себя перед совершением своих дерзких деяний. Больше ста лет они сеяли ужас вокруг себя, однако монгольским завоеванием их могуществу был положен конец, а их логово было разрушено» (V. 29).

Сефевидская реставрация

Официально Иран стал шиитским лишь с приходом к власти Сефевидов в 1502 г. Симпатия к потомкам Али проявляется в учебнике постоянно, но в нем нет выраженной враждебности по отношению к государям-суннитам, тем более что те (например, Саманиды) стремились, насколько возможно, обеспечить утверждение и расцвет персидской культуры.

Национальное чувство сильнее привязанности к шиизму. Ярчайшим свидетельством этого служит тот факт, что если часто произносят проклятия в адрес арабов и монголов, «которые все разорили», то турок щадят. В противоположность тому, что вытекает из соответствующим образом скомпонованных текстов, не Газневиды (ирано-афганцы), а как раз турки-Сельджукиды, разбив в 1040 г. Газневидов под Данданаканом, прогнали Бундов из Багдада и пришли, таким образом, на смену подлинно иранским государям. Чисто иранский период халифата закончился с падением Бундов. Но в отличие от арабов турки приняли и распространяли персидскую культуру. Отождествляя себя с персидской державой, величие которой они стремились возродить, турки как бы обеспечивали этой культуре наднациональный престиж (V. 17). Кроме того, турки на-

звали государя султаном в отличие от прежнего халифа, законность которого таким образом сохранялась. И эта султанская власть впервые появилась в Персии. Монгольское владычество продолжалось в Иране более полутора веков. И если для большинства исламских стран это владычество связывалось с упадком Багдада и с первым периодом преобладания Египта, то разоренному монголами Ирану удалось (как в свое время Греции) покорить свирепого завоевателя своей культурой, хотя статус великой державы был утрачен.

И еще раз освобождение должно было явиться из северных провинций, на этот раз – от курдского рода, языком которого был азербайджанский и который «называл себя сейидами – потомками Пророка по линии седьмого имама. С помощью кызылбашей⁴⁷, но-

---

⁴⁷ Кызылбаши (азерб. – красноголовые) – тюркские кочевые племена, говорившие на азербайджанском языке и кочевавшие на территории Азербайджана и Ирана. Название происходит от обычая их воинов носить чалму с двенадцатью пурпуровыми полосами в честь двенадцати шиитских имамов. Племена кызылбашей находились в политической и религиозной зависимости от семьи шейхов Сефевидов, которые, опираясь на них и создав своего рода духовно-рыцарский орден, вели завоевания, насаждая шиизм. В 1501 г. Сефевиды захватили шахскую власть в Иране. Руководящая роль в Иране Сефевидов вначале полностью принадлежала кызылбашской знати, хотя ей постоянно приходилось вести борьбу со знатью другого этнического происхождения. Из кызылбашей назначались главные советники, наместники, военачальники. Войско Сефевидов в значительной степени состояло из ополченцев-кызылбашей. Лишь впоследствии, особенно при шахе Аббасе, влияние кызылбашей несколько ослабло, центральной областью государства стал не Азербай-

сивших чалму с двенадцатью пурпуровыми полосами, курды постепенно распространили свою власть на Иран и основали династию Сефевидов, придерживающуюся шиизма». На самом деле у Сефевидов был своего рода религиозный орден суфитского толка, который сначала провозгласил шиизм в Азербайджане. Из Азербайджана господство Сефевидов распространилось на всю Персию, и в 1501 г. Исмаил провозглашает себя шахом Ирана.

«Сражаясь с суннитами-османами на Чалдыранской равнине, он бился с такой силой, что разрубил своим мечом одну из вражеских пушек» (V. 29).

На самом деле Исмаил воевал с саблей против артиллерии, находя пушки недостаточно рыцарственными, и был разбит. Но это славное поражение создало ему репутацию героя.

Величие страны укреплялось в долгое царствование Тахмаспа, которое, «к несчастью, явилось чередой войн, разорявших страну, так как шах в борьбе против османов на Востоке и узбеков на Западе использовал тактику «выжженной земли». Власть контролировалась тогда кызылбашами, воинами-тюрьками, что вызывало сильное недовольство персов. Исмаил II попытался положить этому конец, заменив кызылбашей

гвардией из пленников-грузин, обращенных в ислам. Из пленниц-грузинок он сформировал новый гарем; дети грузинских и тюркских пленниц оспаривали друг друга власть. Но замена кызылбашей не обошлась без неприятностей.

«На шатер шаха не натягивают старые шкуры»,
– сказал Исмаил. Вскоре он был отравлен (V. 29).

Величие и упадок

В царствование Аббаса, прозванного Великим, держава вновь обрела могущество и славу.

«Прославленный царь, утонченный, ценивший искусства, он сделал Иран великим государством, а Исфахан – одной из мировых столиц. Он построил сотни километров дорог, мосты, караван-сарай; в одном только Исфахане были построены 162 мечети, 1802 караван-сарая и 273 общественные бани. Он позвал к себе на службу иностранных советников и с их помощью создал мощную армию. В 1031 г. хиджры (1623) он с помощью английских советников завладел портом Ормуз, принадлежавшим тогда португальцам. Он прогнал также русских из Мазендарана. Но впоследствии Хусейн причинил стране много зла: слабый и изнеженный, он был побежден афганцами. Хусейн отдал им Исфахан и своими собственными руками возложил шахскую корону на голову победителя Махмуда» (V. 29).

В этом тексте представлена лишь часть действительности, подходящая для детей. Ну можно ли им сказать, что начиная с Исмаила II борьба за власть отражала гаремные соперничества, сталкивавшие друг с другом кызылбашей, персов, грузин. В этой тлетворной атмосфере сестра Хусейна подсыпала своему брату

яд в гашиш и индийскую коноплю; Аббас ослепил своего отца и двух братьев. Нравственное разложение породило эротическую литературу и искусство, прославленное знаменитой персидской миниатюрой школы Бехзада.

Правление династии закончилось апокалипсисом: во время осады Исфахана афганцами 8000 человек умерли от голода и болезней (т. е. умерло в четыре раза больше, чем погибло в бою). Махмуд казнил 3000 кызылбашей, затем приказал убить всех членов семьи Сефевидов, кроме троих, т. е. семнадцать человек. Вскоре он сошел с ума и был свергнут своим двоюродным братом Ашрафом, который ценой двух или трех провинций заключил мир с Османами.

Афганский период закончился несколько лет спустя, когда один из военных вождей, выступив под знаменем Сефевидов и победив узурпатора Ашрафа, захватил трон и провозгласил себя Надир-шахом (1736). Он прогнал из Ирана как русских, уже утвердившихся на Кавказе, так и турок, всегда готовых на захват иранских земель и действовавших заодно с афганцами, тоже суннитами. Надир-шах совершил поход в Индию, захватил Дели и забрал в виде трофеев совершенно сказочные сокровища. Это было самое крупное грабительское предприятие в истории.

Симптомы упадка становились все более заметны. Роскошь двора, необходимость обуздания кызылба-

шей требовали денег. Государственные земли превращались в коронные, налоги становились все более тяжелыми, все сильнее давили на население. И все средства казны служили в первую очередь визирям или шаху, и лишь в малой мере – интересам государства. Династия Каджаров пыталась внести какой-то порядок в управление, провести централизацию по образцу западных монархий. Но это повлекло за собой новую волну сопротивления местных племен. Кроме того, в XVIII в. кончилось процветание «персидского пути», а эпизод афганского завоевания вообще положил конец крупной торговле.

Появление русских и англичан

Ослабленная страна сделалась легкой добычей новых завоевателей: русских и англичан. Мотивы их действий, конечно, различались, но результаты были одни и те же. В борьбе против новой опасности Персия не могла опереться ни на суннитскую Турцию, ни на Афганистан, который она надеялась вновь завоевать.

В 1724 г. Петр Великий, предвосхищая будущее, подписал с Турцией договор о разделе Персии. Это был предвестник договора 1907 г., когда на смену Османам пришли англичане.

Персия не боялась России вплоть до начала XIX в. Например, еще в 1795 г., когда Ираклий, царь Грузии, обратился к России за защитой от Персии, шах незамедлительно провел в Тифлисе репрессивную акцию, разграбил его. В 1813 г. шах потерпел поражение в большой войне с Россией, и это стоило ему Дербента, Баку и права держать флот на Каспийском море. Он хотел взять реванш в 1826 г., но персидская армия опять потерпела поражение; по Туркманчайскому мирному договору 1828 г. пришлось отдать Ереван. Соотношение сил изменилось.

Россия все больше и больше вмешивалась во внутренние дела Персии, то подготавливая отделение

Азербайджана, остававшегося иранским, то вмешиваясь в вопросы наследования, особенно в пользу Аббаса Мирзы во время заключения Гулистанского мирного договора в 1813 г. Турки и персы не могли объединиться перед лицом общего врага, так как Османы были суннитами, а Каджары – шиитами. Тогда «Тень Бога на Земле» (таков был официальный титул шаха, который в отличие от Сефевидов не был потомком Али) обратился к Англии, заинтересованной в том, чтобы не допустить Россию к южным морям и к пути в Индию. Но в Афганистане интересы англичан, «защищавших Индию» от происков русских, столкнулись непосредственно с амбициями персов: англичане даже объявляли Персии войну в 1856 г.

В то время как английский «союзник» оборачивался врагом, устремление России в Центральную Азию угрожало самому существованию Персии. И кроме того, сторонники России противодействовали проникновению в Персию английского капитала.

Неспособность шаха проводить адекватную политику перед лицом этих двух опасностей, вызывала сомнения иранцев в политическом режиме и требование реформ. В городах зарождалось движение против унижительного иностранного вмешательства. В 1890 г., когда шах предоставил английской компании монополию на торговлю табаком, произошел взрыв. Оказалось, что против коррупции и проникновения иностран-

ного капитала единым фронтом выступают торговцы, лишаемые смысла своего существования, и шиитское духовенство, не приемлющее разрушения целостности и всеохватности ислама, чем грозила экономическая модернизация страны. Точно такой же союз сложился спустя 90 лет, и это привело к падению монархии Пехлеви.

Поэзия поддерживает патриотическую историю

Одной из ставок в противостоянии с арабами в национально-религиозном движении шу-убийя издавна была защита персидского языка как языка национального. Уже в IX в. Саманиды, происходившие из семьи зороастрийских священников, поощряли возрождение культуры персидского языка, свидетельством которого было творчество Рудаки и Дакики. Они писали, конечно, пользуясь арабским алфавитом – это было необходимо для поддержания внутриисламских связей, – но на персидском языке. В X в. роль катализатора сыграла эпопея «Шах-намэ» Фирдоуси. Она придала персидскому языку его классическую форму и в эпическом повествовании воспела извечный бой Ирана с Тураном, миф о царях доисламских времен.

В эпоху Фирдоуси Персия была очень велика, и ее территориальное величие и могущество Махмуда воспринимались как персидское возрождение. Но вскоре страну опять одолели завоеватели, прежде всего турки. И вот Амир Муидзи адресуется им патетические воззвания, а Закани перед развалинами Ктесифона вспоминает прежние величие Сасанидов и былую славу Ирана.

Отныне эта тема становится главной, а патриотическая поэзия служит опорой истории, поддерживает ее в памяти людей. Долгое время патриотизм этот выражается лишь в том, что о любви поется на персидском языке. Такова поэзия Саади или Хафиза. Традиции воинствующей патриотической поэзии возродились в XIX в. после унижений «позорных договоров» в Гулистане в 1813 г. и Туркманчае в 1828 г. Ка-Эммакам писал о «несчастной судьбе этой страны, храбрые солдаты которой еще вчера были в Тифлисе, а сегодня она терпит, как орды русских завоевывают Тебриз. Наши краснорожие солдаты не способны показать русским – этим трусам, этим бабам – ничего, кроме своих задниц».

На смену озлобленности против арабов пришла ненависть к русскому и англичанину. Зародившаяся в эпоху Французской революции, патриотическая поэзия смыкается с либеральным движением и составляет один из ферментов патриотизма, тогда как другим является проповедь шиитского духовенства. Бывает и так, что они смешиваются. Поэзия выковывает революционный дух 1905 и 1920-х годов.

С. Р. Шафак писал в 1952 г.: «Я еще помню, как учениками мы слушали стихи Адиба уль-Мамалека, известного тогда под псевдонимом Амири. Мы имели обыкновение читать наизусть пылкие стихи, напомиравшие о былой славе Ирана, и сетовали на современный упадок; ораторы революции тоже читали наизусть

эти стихи, и совершенно ясно, какой отклик они встречали у народа».

То же самое происходило с поэмами Мирзы Агахана: «Не правда ли, наша страна перевернута вверх дном и превратилась в логово демонов? Не правда ли, тирания нарастает и народ в нищете? Не правда ли, наш шах нищий, страна в опустошении, а народ – отчаявшаяся толпа?» (V. 23).

Главные темы поэзии отразились в оперетте «Воскресение», очень популярной в 20-е годы. Древние традиции и зороастризм были в ней представлены как самая суть иранской нации. Великий царь и Зороастр, возвратившись на землю, пришли в ужас, увидев, в каком состоянии пребывает основанная ими страна. Оперетта заканчивалась длинным монологом Зороастра, молящегося о возрождении Ирана.

В отсутствие истории как таковой исторический процесс долгое время осознавался и осмысливался в Иране через поэзию.

Общее недовольство иранцев господствующим режимом в последние два века усугублялось тем, что их культура, когда-то столь блистательная и влиятельная, все больше и больше сдавала свои позиции. Лишь таджики в Средней Азии продолжают после исламизации говорить на языке, родственном персидскому. В других местах постепенно побеждает турецкий, и даже на иранской территории. «Если, например, турки и пер-

сы живут в одной деревне, – отмечает В. Бартольд, – то постепенно общим языком всего населения становится турецкий» (V. 25). Персидский язык, персидская культура – это последний бастион.

Турция: прославление гуннов и кочевых цивилизаций

Было время, когда турки господствовали над арабами, угрожали христианскому миру. В течение пяти веков Османская империя обладала самой обширной территорией. Вот почему гордыня турок беспредельна: крах империи в 1918 г. вряд ли ее пошатнул. Об этом свидетельствует изложение истории в книжках для детей.

Преподаваемая туркам история еще больше, чем преподаваемая иранцам, отличается от общей модели исламских стран. Это следствие реформ Ататюрка⁴⁸

---

⁴⁸ Ататюрк (турецк. – отец турок) Мустафа Кемаль (1881–1938) – турецкий политический, военный и государственный деятель, основатель и первый президент Турецкой республики. Участвовал в младотурецкой революции 1908 г. В 1919 г. возглавил националистическое кемалистское (по его имени) движение в Анатолии, фактически управляя во главе Представительного комитета не оккупированной державами Антанты территорией. После провозглашения в 1923 г. республики проводил реформы буржуазно-националистического характера. Государству был придан светский характер, столица перенесена из Стамбула в Анкару, упразднено министерство по делам религии, имущество духовенства секуляризировано, закрыты мусульманские школы, образование и юстиция переданы из ведения церкви в ведение государства. В последующие годы были приняты уголовный и гражданский кодексы европейского образца, было запрещено многоженство, введен латинский алфавит, из конституции изъято указание о том, что ислам является государственной ре-

и презрения к арабам, которые обрели независимость не без помощи иностранцев. Секуляризация истории носит во многом лишь поверхностный характер; причем «туркинизация» истории Османской державы произошла совсем недавно, в конце XIX в., а до того империя выступала как воплощение незыблемости ислама.

В самом деле, происхождение нации перестают связывать с исламом начиная со времени Ататюрка. Появляются два новых очага:

– Прежде всего, Анатолия: воссоздаются цивилизации, предшествовавшие приходу турок, вплоть до самых древних.

– Затем Центральная Азия: прославляются кочевые цивилизации народов-кочевников, главным образом гуннов, хлынувших на Запад.

И вот полностью перевернутым оказывается представление, которое имели о гуннах – этом первом тюркском народе – европейцы, персы, китайцы.

Но ведь все наши сведения о гуннах почерпнуты из свидетельств побежденных ими народов – китайцев или армян, византийцев или арабов. Что представляла бы собой история Франции, изложенная исключительно ее врагами?

Итак, единственная история, симпатизирующая гун-

лигией. Вместе с тем турецкая конституция 1924 г. объявляла всех жителей Турции турками, т. е. в законодательном порядке отрицала существование в ней национальных меньшинств, узаконивая их ассимиляцию.

нам, – это история, которую рассказывают турецким школьникам. Здесь прославляют кочевые цивилизации под властью Аттилы или Тамерлана. «Аттила оставил о себе память как об очень добром, приветливом государе; это была яркая индивидуальность из тех, чей след сохраняет история» (V. 30). Империя гуннов V в., «когда она поочередно покорила Византию и Западную Римскую империю», представлена как территориальное образование с двойной границей: собственно империи и народов, платящих дань. Рассказывая о договоре 434 г. гуннов с Византией, подчеркивают равенство двух государств во всем, их одинаково высокую организацию, равноценность их установлений.

Экспансия гуннов предстает отнюдь не опустошительным ураганом. Это был один из формирующих элементов евроазиатского общества. Именно она лежит в основе первых опытов европейского рыцарства, как о том свидетельствует эпос о Нибелунгах, а также в основе многочисленных обычаев и организационных структур, которые после раскола империи породили государства с многовековой историей – мадьяр, грузин и т. д.

Вторая важнейшая веха истории Турции – это их самое обширное и, разумеется, самое терпимое из когда-либо существовавших многонациональных государств – Османская империя. Память о ней и после ее распада озаряет будущее тюркских народов.

Конечно, после тщетных попыток Энвер-паши восстановить единство турецкого мира от Анатолии до Казани и высокогорных районов русской и китайской Центральной Азии, пантуранизм несколько сбился с пути.

Тем не менее в учебнике, изданном в 1976 г. в Стамбуле, обнаруживается пережиток мифа: там помещена карта расселения турок в 1963 г. Серым цветом отмечена граница воображаемого огромного государства, где турки составляют «большинство населения». Оно простирается от Анатолии до советской Средней Азии и Синьцзяна, а в середине его, как в плену, расположено крошечное белое пятнышко: современная территория Армении.

7. От священной истории к истории отечества и государства: взгляд из Европы

Мы уже неоднократно встречались с европейским взглядом на историю и встретимся еще. Но это был взгляд на историю остального мира. Что же касается содержания и хода собственно европейской истории, то в рамках этой книги мы сможем коснуться лишь тех или иных ее аспектов.

Скажем прежде всего об очагах ее возникновения, потому что история, написанная историками, – это не единственная история. Бернар Гене в «Истории и исторической культуре средневекового Запада» (1.6) отмечает, что наряду с общепризнанным историческим фондом, идущим от Кассиодора, Иосифа Флавия, Евсевия Кесарийского и т. д., на тысячу лет вперед определивших историческую культуру Запада, существует другая история, история, восходящая к другим источникам. Она написана не на латыни, а на народных языках, в прозе или в стихах, как, например, начинающаяся с Брута история Англии, которую в 1338 г. переложил стихами на английский Роберт Маннинг «не для ученых, а для простых людей».

Связь с Римом длилась по меньшей мере до XV в., до тех пор история означала – древность, или только прошлое церкви, Священную историю. Даже у королевских чиновников не было никаких книг по истории, кроме трактатов на эти темы, во всяком случае во Франции. Лишь с XV в. «общей страстью всех просвещенных французов становится история собственной страны» (1.6). И тут она начинает, как и везде, выполнять функции, свойственные ей часто и сегодня: она прославляет отечество и объясняет, что существующее государство носит законный характер.

Однако написанный текст – не единственный очаг воссоздания прошлого, очаг воплощения истории. В Испании, например, главенствующая роль в сохранении коллективной памяти общества принадлежит празднику. В Англии, прежде всего благодаря Шекспиру, эту роль играет театральная спектакль. Сегодня, как и вчера, в формировании исторического сознания активно участвуют разного рода зрелища, представления, кино, причем именно того исторического сознания, которое режим хочет внедрить в головы детей. Это особенно четко прослеживается в нацистской Германии. Во Франции много очагов зарождения истории, но главная проблема тут в другом: выяснить побеждает ли тяга к истории или страх перед ней.

Испания: праздник – свидетель истории

Итак, мы покинули страны ислама, но теперь мы в Испании, столь пронизанной духом мавританской и мусульманской цивилизации. Займем место мольвизарских часовых, в течение нескольких веков наблюдавших, как приближается мавританский флот. Займем их место и послушаем:

Часовой:

Стой!.. Кто идет?

Посланник-мавр:

Мавр, который желает немедля,
Ибо он уже теряет терпение,
Возвестить твоему господину о посольстве,
Если он еще не бежал из замка...

Христианский король:

Пусть же он без промедления подойдет
К первой ступеньке лестницы.
Там он сможет мне сказать,
Кто возглавляет его посольство...

Посланник-мавр:

Да хранит тебя Аллах, доблестный король
Мольвизара,
Кастилии и Арагона,
Защитник Иисуса и его Закона...

Скажи мне раньше, кто защищает этот замок,
Кто вызывает мой гнев?
Он поступил бы разумно, унеся отсюда ноги,
Если только он не предпочитает умереть.
А не то, к моему отчаянию.
Вы все будете повергнуты в ужас.
И, клянусь Аллахом,
Само море содрогнется...
Ибо я пришел покарать за те тяжкие обиды,
Что причинили великой Турции Изабелла и
Фердинанд⁴⁹,
Изгнав моих родителей с их собственных земель.
Да, мой король пришел покорить Испанию
И показать христианам, что их надменность
Будет вскоре тяжко наказана...

Испанские дети могут слышать эту угрожающую речь каждый день. И не в школе, а прямо на площади. С незапамятных времен в Мольвизаре, что близ Мотриля, существует обычай изображать действия защитников христианства прошлого и произносить соответствующие слова. И это совсем не то, что происходит, например, во Франции 14 июля, когда перед застывшим Президентом Республики (в провинции-супрефектом) дефилируют несколько кавалерийских ча-

---

⁴⁹ В приводимом сценарии празднества народное сознание контаминировало представления об арабском завоевании VIII в. и о турецком нападении XV в.

стей. В Мольвизаре горожане, одетые в древние шлемы и плащи, повторяют именно то, что делали и говорили их предки. Они вспоминают те выражения, в которые был облечен вызов мавров, свое поражение, а затем реванш и окончательную победу. Эти моменты обязательны, хотя в каждом городе существуют свои варианты воспроизведения сцен «Moros y Christianos». Их представляют длинными летними днями там, где много веков назад дозорные с высот Бетийских Кордильер возвещали испанцам о приближении турецкой или мавританской армады. От Кастилии до Хаки, от Бокайренте до Касерес – более чем в пятидесяти испанских городах побережья разыгрывают «Moros y Christianos».

Итак, в Испании более чем где бы то ни было история воплощается в самой жизни городов. История дает повод для празднества. Из примерно двух с половиной-трех тысяч праздников испанского календаря подавляющее большинство – религиозные. Однако вслед за ними идут праздники, отмечающие труды и дни народа, его историю. «Moros y Christianos», вошедшие в самую плоть нации, возглавляют список. Но воспроизводятся и другие важные моменты истории Испании, так или иначе преобразованные временем, начиная с праздника кельтиберов в Сан-Педро и кончая повторением церемонии, которая в 1852 г. положила конец выплате Галисией дани Кастилии. А между ни-

ми – праздник в честь римских солдат в Коголлос-Ве-ге, битвы Клавихо, победы Сида, коронации католических королей, открытия Америки, победы при Лепанто, борьбы за независимость против Наполеона.

Эта история – не плод научной разработки. Она не подвергается никакому контролю. Это просто народная память, претерпевающая большие или меньшие изменения. Она не воссоздается, как это делается в школьных учебниках, она спонтанна.

Но есть очевидная связь между перечнем испанских праздников и перечнем тем, предлагаемых детям в младших классах школы. В книге «Энциклопедия, первая ступень» Антонио Альвареса Переса, выпущенной в 1965 г. (168-е издание), тоже сильно преобладает религия. Она занимает первые 44 страницы текста, тогда как вся история Испании получает право лишь на 37 страниц. А кроме того, и в этих исторических главах самые прекрасные страницы посвящены триумфу Христа, включая сюда арабское нашествие и отвоевание Испании. Подчеркивается все, что касается распространения церковью христианства: со святого Иакова Компостелльского до Терезы Авильской и миссионеров в Америке. «После завоевания Кортеса и Писарро они совершили деяние не менее великое: с не имеющими себе равных терпением и самопожертвованием наши братья учили индейцев читать, писать и молиться».

В этом тексте, предназначенном для детей семи – восьми лет, вся история Испании представляет собой длительное сражение за освобождение страны. Враг часто оказывался победителем, но «Испания давала пример героизма (...) начиная с осады Сагунта Ганнибалом, когда все предпочли смерть поражению (...). Устами жителей Сагунта Испания впервые сказала миру, что народ, умеющий умирать, не может быть рабом». Испания вновь уступает в Нумаиции, на этот раз римлянам. Вириат погибает, но не сдается... И так случилось не раз, вплоть до времен героических защитников Сарагосы, противостоявших Наполеону.

История Испании завершается еще одной «войной за освобождение»: «Это была война, которую начал 18 июля 1936 г. Франко, чтобы освободить Испанию от ее врагов и сделать ее Единой, Великой и Свободной. И во всей истории лишь один Каудильо «был непобедим». Он «положил конец преследованиям церкви, убийствам, постоянным забастовкам, которые угрожали переходом страны в руки коммунистов».

Это не карикатура. И неверно, что подобная грубая интерпретация истории свойственна лишь авторитарным режимам. И демократы также не стесняются «устранять» из истории то, что им мешает. И социалистические режимы тоже: мы это увидим.

Есть вопросы, которых не следует касаться. В Испании табу распространяется и на рассказы для самых

маленьких. Конечно, Мексика и Перу были завоеваны. Но где же сказано, как они были потеряны? Где говорится об огромной испанской империи от Кубы до Манилы и Гвинеи – разве она никогда не существовала? Ни слова об уничтожении индейцев. Ни слова о работорговле. А что касается самой Испании, то испанский ребенок не узнает о том, что стало с изгнанными или силой обращенными в христианство евреями и маврами... Он не узнает, по крайней мере из официальной институциональной истории, которую ему преподают, что в 1931 г. Испания была провозглашена республикой согласно волеизъявлению ее граждан. Правда, ребенок не всегда считает эту историю своей, особенно если он каталонец, баск или галисиец, поскольку институциональная история отождествляется с историей Кастилии.

История во времена нацистов

Та функция, которую в Испании выполняет праздник, в Англии – театр и роман, в Германии принадлежит опере и кино.

Разумеется, в памяти сохраняются сформировавшиеся в детстве представления о прошлом Германии, почерпнутые из литературы: Шиллера, например, в том что касается Тридцатилетней войны, или Фихте, с его идеей о некоем изначальном предназначении немецкого народа. Но, конечно, видение-греза о величии германского средневековья, истоков Германии – это творения Рихарда Вагнера. Созданные им грандиозные спектакли укореняли в германском сознании величественный миф о Рейне⁵⁰.

---

⁵⁰ »...величественный миф о Рейне». Великий немецкий композитор Рихард Вагнер (1813–1883) – создатель циклопической оперной тетралогии «Кольцо нибелунга» (оперы «Золото Рейна», «Валькирия», «Зигфрид», «Гибель богов»). Основываясь на древнем германском эпосе, так называемой Старшей Эдде (IX-XI вв.), записанной в XII-XIII вв., а также на более поздней «Песни о нибелунгах» (XII-XIII вв.), творчески переработав материал эпоса, Вагнер сам написал и литературный текст всех четырех опер. Ему удалось создать широкоохватное, на редкость образное, идейно целеустремленное изложение германского эпоса. Оно несло в себе патриотическую идею, размышления о прошлом и будущем немцев. Автор бился над вопросом о месте человека в мире, основываясь на философской мысли своего времени. Главное же то, что все это было переплавлено в прекраснейшей музыке. Тетралогия создава-

При гитлеровском режиме происходила как бы модернизация вагнеровского спектакля.

Германское общество периода Веймарской республики – это общество, раздираемое острейшими внутренними противоречиями: между различными партиями, профсоюзами и т. д. Теперь, в гитлеровскую эпоху, кино (например, «Триумф воли», «Олимпия» Л. Рифеншталь) стремилось показать новое объединение всех немцев, независимо от их социального происхождения и места проживания. В этом кино воплощалась потребность в единении, которую приятно было ощущать немцам, не знавшим национального единства; на

лась в 50-70-е годы XIX в., т. е. в эпоху, предшествовавшую созданию единого германского государства и непосредственно следующую за ним. «Кольцо нибелунга», как и другие оперы Вагнера, в большинстве своем основанные на германском эпосе и фольклоре («Лоэнгрии», «Летучий голландец», «Тангейзер», «Парсифаль»), сразу стало как бы символом германского единения. В теоретических статьях Вагнер выдвинул идею об опере как о наивысшем из всех искусств, «совокупном произведении искусств» (Gesamtkunstwerk), поскольку именно оперное представление сочетает в себе музыку, поэзию, театр, живопись... В конце жизни Вагнер попытался реализовать эту идею на практике, построив в 1876 г. в Байрейте специальный театр для постановки собственных опер, прежде всего «Кольца нибелунга». К сожалению, в 30-е годы нашего века наследие Вагнера было использовано нацистами для подкрепления и пропаганды идеи изначальной расовой исключительности немцев. Сегодня ошибочными или устаревшими выглядят многие теоретические идеи Вагнера, но его музыкальные творения продолжают вдохновлять самых замечательных музыкантов и привлекают внимание слушателей. Ежегодно в Байрейте проводятся фестивали творчества Вагнера, неизменно становящиеся событием музыкальной жизни Европы.

этот раз единение вокруг ниспосланного Провидением вождя – Гитлера.

Нацистский режим придавал особое значение кино, особенно когда дело касалось воспитания молодежи. Уже с апреля 1934 г. кёльнский гитлерюгенд начал пропаганду кино как средства воспитания. Вскоре подготовленные им кинопрограммы стали использоваться по всей стране. Министр воспитания доктор Руст организовал демонстрацию специально отобранных фильмов в германских школах. В 1936 г. 70 000 школ имели 16-миллиметровые кинопроекторы. В производство было запущено более 500 фильмов: 227 – для начальной и средней школы и 330 – для университета. С этих фильмов было сделано по 10 000 копий. Масштабы этих усилий легко оценить. Сегодня, когда аудиовизуальные средства распространены широчайшим образом, во Франции для целей образования делается лишь несколько копий с таких знаменитых фильмов, как «Смерть в Мадриде» Россифа или «1936 г. Великий поворот» Тюренна. И наверняка сегодня у нас нет еще 70 тыс. школьных кинопроекторов (т. е. по 800 на каждый департамент).

«Ничего нет лучше фильма, – отмечал д-р Руст, – чтобы заставить наши идеи проникать в школу. Фильм должен привнести туда понимание нынешних проблем, знание прошлого величия Германии и понимание Третьего рейха. Национал-социалистическое госу-

дарство решительно и окончательно избрало фильм в качестве инструмента распространения своей идеологии».

Из сказанного, видимо, не следует делать вывод, что в школьное преподавание не успело по-настоящему проникнуть национал-социалистское видение истории. На первый взгляд, это так, поскольку первые учебники нацистского толка появились лишь в 1937 г. и серия их была закончена к 1941 г., следовательно, ни один юный немец не изучал историю исключительно по этим учебникам. Но ведь историческое знание приобретается не только из учебников, но ведь политическое поведение и реакции определяются отнюдь не только знаниями...

Впрочем существует косвенное доказательство исключительной роли кино в Германии. После разгрома нацизма Германия не могла носить траур по обожаемому фюреру, и история XX в. была полностью исключена из преподавания. Отныне в программах речи о ней не заходило. Табу было настолько абсолютным, что, как показала анкета, самые юные «не знают, кто такой Гитлер». Запрет касался даже причин первой мировой войны. Это проявилось в том, какой взрыв ярости породили исследования Фрица Фишера. Он показал с документами в руках, что Германия и в 1914 г. лелеяла экспансионистские намерения и что гитлеровское завоевание не было исторической случайностью.

стью, осуществлением бреда человека, страдающего манией величия, но претворением в жизнь плана, который поддерживала добрая часть немецкого общества. Таким образом ставилась важнейшая проблема ответственности немецкого народа, бегство от которой и должен был означать отказ от траура по нацизму. В 60-е годы в Германии именно эта проблема стала одним из катализаторов бунта молодежи против родителей: обвинялось их поведение во время войны, их способность не видеть происходящего вокруг и таким образом уклоняться от ответственности за истребление евреев. И именно фильм внес раскол в немецкую семью. Это был фильм Э. Ляйзера «Моя борьба» («Mein Kampf»). Молодые немцы, отправлявшиеся эмансипироваться в темноту кинозалов, увидели, какие ужасы творило гестапо и даже армия в варшавском гетто или в лагерях уничтожения. Другие фильмы конца 60-х годов стали анализировать феномен массовой поддержки нацизма: «Охотничьи сцены в Нижней Баварии» Петера Фляйшмана, «Я тебя люблю, я тебя убиваю» В. Бранлера и другие. Но для того, чтобы немецкое общество совершенно открыто посмотрело в глаза всем проблемам нацистской эпохи во всей их полноте, понадобилось еще десять лет и показ по телевидению американского фильма «Холокост»⁵¹.

---

⁵¹ См. комментарий к с. 15: «Холокост» – американский четырехсерийный 7-часовой художественно-документальный фильм, снят в 1978

Школа во всем этом не участвовала или, по крайней мере, участвовала мало...

Тем не менее следует рассмотреть учебники нацистского режима и сравнить их с книгами предшествующе-

---

г., режиссер Марвин Хомский, автор сценария Джеральд Грин. Название фильма может быть переведено как «истребление», «всесожжение», «полное уничтожение». Это греческое наименование древних ритуальных обрядов, связанных с человеческими жертвоприношениями. Фильм посвящен рассказу о планомерном уничтожении гитлеровским фашистским режимом евреев. В центре фильма судьбы видного берлинского врача Йозефа Вайса и его семьи, а также юриста Дорфа. Дочь, жена, сын доктора Вайса и, наконец, он сам проходят через пытки и душегубки концлагерей – Освенцима и Терезина. Все они погибают. А чистокровный ариец Дорф, в начале фильма безработный, поднимается по лестнице нацистской иерархии. Он становится подручным Кальтенбруннера и Гейдриха, вместе с Эйхманом разрабатывает программу «окончательного решения» еврейского вопроса – тотального уничтожения... Перед зрителями «Холокоста» проходят кадры начала антисемитской истерии в фашистской Германии, погромы 1938 г. Фашистские идеологи излагают свои расовые теории; показано создание системы лагерей уничтожения, наконец, их функционирование. Вот группу женщин с детьми сгоняют в «душевую». Надсмотрщица советует заставить детей поглубже втягивать воздух, чтобы легче было дышать. В «душевую» будет пущен отравляющий газ «Циклон-Б»... В «Холокосте» использовано большое количество кино- и фотодокументов о геноциде евреев. Случалось, что современные жители Америки и Западной Европы узнавали в обреченных узниках лагерей смерти своих близких... «Холокост» потряс западное общество. Особенно большой резонанс фильм вызвал в ФРГ. Демонстрацию его западногерманское телевидение предварило показом документального фильма «Окончательное решение»; показ каждой серии сопровождался обсуждением с участием телезрителей. Более 40% телезрителей ФРГ смотрели «Холокост»; при обилии и разнообразии телепрограмм это беспрецедентная цифра для телефильма на Западе. И притом фильм показывался не в самое выигрышное телевизионное время...

го и последующего периодов, потому что как верно то, что нацисты сформировались в школах Веймарской республики, а современные германские руководители – в нацистской школе, так верно и то, что разрыв между историей, преподававшейся до Гитлера, той, что была при нем, и той, что после, оказывается отнюдь не столь резким, как можно было бы предположить. Просто в 1933–1945 гг. некоторые черты были доведены до карикатуры, некоторые очень характерные измышления, ложь провозглашались более цинично, более открыто, чем это было в другие времена при других режимах.

Как хорошо показал Райнер Рименшнайдер (II.1), школьные учебники гитлеровской эпохи вдохновлялись непосредственно «Mein Kampf» Гитлера. Легко проверить, что точно так же обстоит дело с историческими фильмами того периода. В самом деле, автор учебников Дитрих Клагес полагал, что «Mein Kampf» – это творение, сравнимое с творениями Коперника, потому что в нем дан ключ к ясному и очевидному толкованию истории» (II.14).

Адольф Гитлер считал, что прежде всего нужно «прояснить основные линии понимания истории», «тогда как современное преподавание, в 99 случаях из ста находящееся в плачевном состоянии, представляет обычно лишь какие-то факты, даты и имена (...) Самое же главное вообще не преподается (...) А ведь надо прочертить основные направления эволюции». Все-

мирная история «должна быть сгруппирована вокруг понятия расы; греческая и римская история необходимы, но при том условии, что они будут вписаны в контекст истории арийского расового сообщества. Их история – это постоянная борьба за чистоту расы, все время находящейся в опасности из-за происков низших рас, которые стремятся проникнуть в самую плоть здорового народа».

Самое главное, заявляет автор «Mein Kampf», «нашему воспитанию недостает искусства высвечивать некоторые имена в процессе исторического становления нашего народа (...) Внимание должно быть сконцентрировано на нескольких выдающихся героях; нужно поставить цель возбудить национальную гордость, умея при этом возвыситься над объективным представлением (...)» «Изобретателя следует прославлять не потому, что он изобретатель, а потому, что он представляет свой народ... Нужно уметь выбрать самых великих из наших героев и представить их нашей молодежи в столь впечатляющей форме, чтобы они стали непоколебимыми столпами национального чувства (...) Покидая школу, юноша не должен быть мямлей, он во всем должен быть немцем». «Нет сомнения в том, что мир движется к тотальному перевороту. Будет ли это переворот в пользу человечества арийского происхождения

или в пользу Вечного жида? (...) Я не хочу, чтобы историю зубрили, я хочу, чтобы она воспитывала».

Вводится педагогическое новшество: история в младших классах рассматривается в обратном порядке – удаляется от нынешнего времени в глубь веков. Адольф Гитлер, таким образом, является первым героем и как бы венчает собой историю. Затем следует Лео Шлагетер, участник «сопротивления» французам во время «оккупации Рейнской области», расстрелянный французами в 1923 г., «национальный герой и жертва версальского диктата». Затем идет Бисмарк, «который, умирая, надеялся, что его дело будет когда-нибудь завершено». Затем Фридрих II, Лютер, Карл Великий и т. д. И, наконец, Арминий – персонаж, точно соответствующий Верцингеториксу в Галлии и Вириату в Испании. Он наголову разбил мощную римскую армию «в сумрачных германских лесах». Арминий желал, чтобы германцы объединились, но они оставались разделенными. Раздоры дорого стоили немецкому народу, который мечтал об объединителе. И вот, наконец, он явился...» (II.13, 15, 16, 17).

Прославление расы, превознесение немецкого народа приводит к явному искажению исторической традиции в совершенно определенном направлении. Оно касается, по крайней мере, трех областей:

– Проблемы религии и роли Лютера, поскольку Реформация рассматривается не как религиозная про-

блема, но «как первая немецкая революция, направленная против внешнего угнетения, против Рима (...) Это было в высшей степени национальное политическое восстание, поскольку обновление веры имело целью зарождение нового человека, немецкого гражданина». Лютер мечтает о зарождении новой церкви – немецкой национальной церкви (той, которую будет стремиться утвердить Гитлер), но это было возможно лишь при условии освобождения Германии от власти папы. Более того, в ту эпоху, после падения Гогенштауфенов, образ рейха продолжал тускнеть и принижаться. Рейх был разделен, презираем, служил добычей для чужеземцев... Папа играл на его раздробленности; Лютер, плебеи (как и Гитлер), стал глашатаем первой германской революции.

– Французской революции; ее стремятся изгнать из истории. В самом деле, несколько параграфов, которые ей посвящены, трактуют ее как зависимую от американской революции, утверждая, что та «оказала сильное воздействие на Францию», и сводя события 1789 г. к перечню мятежей и волнений, приведших к «признанию прав человека в качестве основы конституции». Универсальный характер принципов 1789 г., тот отклик, который они получили в том числе и за Рейном, – всех этих проблем не касаются, ведь, как мы видели, революция в Германии начинается с Лютера и была, значит, намного раньше... Французская револю-

ция никак не может служить моделью, не то, что американская революция, которая освободила своих граждан от иноземного угнетения... Таким образом, не ведая о тех теоретических спорах, начало которым было положено Французской революцией, юный немец не рисковал стать «демократом или кем-нибудь в этом роде».

– Политики «блокады», жертвой которой Германия была якобы всегда, с тех пор как существует. Таково третье важное положение истории, «отпускаемой» немцам в нацистских учебниках. Вера в эту угрозу, по видимому, предшествовала нацизму в Германии и он лишь довел до пароксизма гнев народа по этому поводу. Уже перед 1914 г. детей учили, что территория Германии – это кладбище славян, и во все времена немецкий народ жил в постоянном опасении, что славяне возродятся. Бывший когда-то завоевателем и колонизатором, народ Германии рассматривает себя теперь как хранителя цивилизации перед натиском наступающих с Востока масс. Не без тревоги он наблюдает за ростом и приумножением числа западных славян. На территориях, прежде принадлежавших славянам, вроде Померании или Лужиц, уничтожаются малейшие следы их пребывания. Как и французы, немцы верили сначала, что опасность на Востоке и, по идее, «прорыв на Восток» («Drang nach Osten») должен был служить средством обеспечения постоянно-

го немецкого присутствия в Центральной Европе. Но вот немецкие дети узнают, что появился второй враг – на Западе. Гете писал в мемуарах, что самой большой катастрофой за всю его жизнь была оккупация, когда французские войска обосновались в Кобленце. А вот текст 1910 г.: «Сегодня против бедной Германской державы английская страсть к наживе и французская ненависть объединяются с амбициями русских». «Отечество окружено... но Бог всегда сокрушал врагов Германии... Бог порастил Наполеона в 1813 г.», и столетие этого события было с помпой отмечено накануне мировой войны. «Вот почему мы, немцы, не боимся никого, кроме Бога». Здоровому и крепкому немецкому народу нечего опасаться своих западных соседей. С 1872 по 1914 г. он ежегодно отмечает Праздник Седана, напоминающий о поражении и унижении соседа – народа, который считается легкомысленным. «Германия не желала войны, которая готова была разразиться. Кайзер делал все, чтобы ее избежать». Эдуард VII организовал удушение Германии из зависти к ее процветанию и неуклонному укреплению. «Песнь ненависти» Эрнста Лисауэра свидетельствует о раздражении немцев против Англии, которая отказывается от дележа мирового господства.

Сразу же после первой мировой войны, результатом которой явился версальский «диктат», озлобленность и распространение лживых измышлений стали нара-

стать: в речах, в школьных учебниках, в кинофильмах неустанно клеймили извечных врагов немецкого народа. В нацистских произведениях к ним прибавилась ненависть к коммунистам, франкмасонам, евреям. Но вплоть до начала войны с грязью мешали лишь внутренних врагов. Например, в серии «Вчера и сегодня» разрушение государства и нравов в эпоху Веймарской республики сопоставляется с «плодотворными и грандиозными» достижениями Третьего рейха. Запрещаются пацифистские фильмы (например, «На Западном фронте без перемен»), так как они мешают подготовке молодежи к новой войне. Наоборот, поощряется выпуск фильмов о героизме немцев в годы первой мировой войны, в кино осуждается эгоизм уклоняющихся от отправки на фронт («Штурмовой отряд. 1917 г.», «Человек стремится в Германию»).

Антисоветских фильмов мало, и их производство прекращается после заключения договора о дружбе и сотрудничестве с СССР. Но с 1939 г. на экраны хлынул фантастический поток антисемитских и антианглийских фильмов. Молодым воинам их часто показывали бесплатно, так же как в тылу – членам их семей.

За съемками этих фильмов лично следит Геббельс. В них находит свое наиболее чистое выражение нацистское видение истории, нацистская идеология. В распоряжение гигантских кинопредприятий предоставляются колоссальные средства (затмевающие все,

что могли себе позволить в Голливуде или в СССР), чтобы «энтузиазм масс был полностью удовлетворен». Например, при съемках фильма «Кольберг» о героическом сопротивлении Наполеону в 1813 г. было использовано 6000 лошадей и 187 000 солдат.

Триумф лжи

В нацистской Германии обнаруживаются все традиционные способы низвержения исторической истины. Например, ложь посредством умолчания: в фильме «Кольберг» не упоминается, что осажденному городу помогали англичане (II.8). Или еще проще – искажается сам ход событий. Так, в фильме «Еврей Зюсс» введение крайне непопулярной ввозной пошлины представлено как «идея, которая может исходить только от евреев», тогда как в XVIII в. ввозные пошлины существовали во многих странах Европы (II.9), и т. д.

Но встречаются и специфические формы исторической лжи, присущие только нацистам формы извращения, немислимые в какой-либо другой пропаганде. И это тем более примечательно, что историческим фильмам всегда предшествует уведомление, что они «основаны на исторических фактах» и что одному из консультантов-историков, Вольфгангу Либенайнеру, присвоено звание профессора.

Фальсификация путем перестановки

В фильме «Еврей Зюсс» Зюсс, став могущественным министром герцога, насилует дочь советника Штурма Доротею; после этого она кончает с собой. На самом же деле покончила собой собственная дочь Зюсса из-за попытки герцога изнасиловать ее... Принятие на службу корпуса наемников на самом деле произошло не по предложению Зюсса, а по инициативе герцога, в фильме же эта махинация приписывается евреям (II.9).

То, что постыдно, переносится на других

Преступления, совершаемые режимом: лагеря смерти, «тотальная война» – вызывают ужас и омерзение. И вот в фильме «Превыше всего» («Uber alles in der Welt») показан Париж в день объявления войны – 2 сентября 1939 г. Полиция устраивает облаву на немцев, ловит их и запирает на стадионе, где они оказываются вместе с евреями, захваченными при таких же обстоятельствах... В фильме «Дядюшка Крюгер», где плебеи-буры отождествляются с нацистами, тогда как любовь к роскоши и сластолюбие англичан делает их «евреями арийского мира», изобретение тотальной войны приписывается лорду Китченеру, а демонстрация фильма совпадает с разрушением гитлеровской авиацией Ковентри. И точно так же англичанам приписывается «изобретение» концентрационных лагерей (II.8).

В последнем примере ложь перемешана с достоверными фактами. Действительно, англичане во время войны с бурами впервые использовали концентрационные лагеря, но эти лагеря не имели ничего общего с нацистскими ни по целям, ни по характеру их действий. Гражданские лица содержались в тяжелых

условиях, их жестоко косил тиф. Но в отличие от нацистских лагерей не было предусмотрено и не организовывалось никакое «окончательное решение» проблемы этих заключенных. С окончанием войны они должны были быть освобождены, что и было сделано. Вот штрих, свидетельствующий о стремлении распространить на других собственные постыдные отталивающие действия: в «Дядюшке Крюгере» в лагерях разлучают матерей с детьми. Это делали нацисты, а не англичане.

Франция: тяга к истории и страх перед ней

«Гонец:

Привет мой вам, достойнейшие лорды!

Из Франции принес я злые вести:

Потери, неудачи, пораженья...

Бедфорд:

Мне им внимать; я – Франции правитель.

Дать панцырь мне! За Францию сражусь –

Прочь, неуместные одежды скорби!

Я раны дам французам вместо глаз,

Чтобы кровью плакали о новых бедах...»

Перевод Е. Бируковой

Это отрывок из «Генриха VI». Содержание его повторяется и в других шекспировских текстах. Итак, в Англии истории нет необходимости проявлять франкофобию. Уже несколько веков эту функцию выполняет вместо нее Шекспир. А его слово является для всех англичан общепризнанным сокровищем, как слово нового Гомера (см. примечание в конце главы).

У Франции нет своего Шекспира. Но соблазн использовать историю появляется уже в пьесах театра времен классицизма, появляется вместе со страхом пе-

ред ней. Эти пьесы, разумеется, вызывают в памяти римлян и испанцев, но за внешней интригой каждый мог там найти отображение проблем своего времени. Это делалось, однако, не столь непосредственно, как у Шекспира, многие пьесы которого (скажем, «Генрих V» или «Генрих VI», но не «Юлий Цезарь») вследствие этой непосредственности и потеряли часть своей значимости. Но именно благодаря этим пьесам Шекспира, а также благодаря Вальтеру Скотту в сознании англичан укореняется определенное видение прошлого Англии.

У французов нет Шекспира или, как в Германии, Вагнера. Но они располагают богатым наследием в области романа. Их Вальтер Скотт – это Александр Дюма и множество его соперников. Начиная от творений Виктора Гюго до «Анжелики» Голонов и «Проклятых королей» Дрюона – всюду история Франции. В эпоху колониальной экспансии на сцену благодаря Жюлю Верну и Полю д'Ивуа выходит еще и экзотический герой. Другой канал распространения истории – это комиксы. Но они используют историю скорее как фон, арену действия, чем как непосредственную тему. От современности они незаметно перескакивают к самому отдаленному прошлому. От происходящих в наше время приключений Тэнтэна, этого развязного и находчивого малого, которому удаются все его проделки, они переходят, например, к истории Астерикса; и комикс

на эту тему продается рекордным тиражом, превышающим тридцать миллионов экземпляров. Но Астерикс – герой отдаленной эпохи, которая не вызывает больших споров. И в этом выборе уже проявляется страх перед историей.

Доказательство этого страха – тот факт, что если во французскую жизнь вторгается сильное произведение на историческую тему – это настоящий ураган! Гражданская война стучится в дверь! По поводу фильма «Бонапарт» Абея Ганса французы ожесточенно спорят, содержит ли он фашистские идеи... По поводу фильма «Печаль и жалость» – показали ли французы себя трусами во время нацистской оккупации... Понятно, что телевидение предпочитает экранизации исторических романов. Один документ цензурного ведомства в 70-е годы так и объяснял: «Не следует вновь будить уснувшие страсти». Телевидение знакомит, конечно, с документами архивов (есть передача «Камера исследует время...»), но очень мало таких передач, которые могли бы породить «волны», широкий отклик... И кино, считающееся более независимым, ненамного смелее. Серьезных исторических фильмов мало, аудитория их невелика. Проблемная история во Франции распространена значительно меньше, чем история-греза, история-бегство от действительности, история как арена занимательных историй.

Откуда же берется огромный современный инте-

рес к истории, о котором свидетельствует фантастическое распространение иллюстрированных обозрений и журналов, комиксов, и наоборот, в чем причина боязни аналитической и критической истории?

В 1969 г. я писал в книге «Великая война»: «Зануда-историк сказал бы, что Франция одарена не столько собственно военным гением, сколько гением гражданской войны. Она никогда, за исключением 1914 г., не имела опыта настоящей длительной национальной войны. Бросьте взгляд на ее недавнюю и древнюю историю, и вы увидите, что все конфликты, в которых участвовала нация, столь гордая своей военной славою, в большей или меньшей степени связаны с гражданской войной. Это совершенно ясно в отношении событий 1939–1945 гг., но то же самое было во время Революции и Империи или даже в эпоху Жанны д'Арк и Бургиньонов, Генриха IV, Лиги, во времена Ришелье. Даже в 1870 г. нашлась партия, которая втайне или открыто желала поражения тех, кто правил страной. Только в 1914–1918 гг. во Франции не было «партии иностранцев». То что я писал об историческом развитии Франции, я мог бы отнести и к французской исторической науке. История является у нас одной из любимых арен гражданских битв, в основе которых сложная система стратификации. Некоторые направления этой стратификации можно рассмотреть на примере рассказов о деяниях Жанны д'Арк.

Первая стратификация относится непосредственно ко времени Жанны. В этом расколе друг другу противостоят служители короля, рационалисты, верующие... И распря, возникшая тогда, все время предстает в новых обличьях, и неизвестно, до каких пор это будет продолжаться.

Американский историк Джордж Хапперт (1.7) констатирует, что французские авторы XV-XVI вв., говоря о Жанне д'Арк, не использовали имевшиеся буквально под рукой документы, прежде всего архив процесса над Жанной. А официальные историки вообще практически игнорировали Девственницу. В «Анналах» Жюлья (1553) Жанне отведена совершенно ничтожная роль в драме, где главное действующее лицо – король. У Жюлья нет и намека на процесс о ереси и ведовстве, на чудеса. Не может же триумф короля сопровождаться помощью колдуньи или святой! Задача короля, его легионов и его историков состоит в том, чтобы найти национальное, а не исходящее от церкви основание законности его власти. Гаген несколько позже говорит о жестокости англичан, добродетели Жанны; в противном случае Карл оказался бы обязанным своим престолом силам зла. Он позволяет Жанне помочь ему в борьбе. А служение королю требует придания героине светского характера и также приуменьшения ее роли.

Непонятно, конечно, как простая деревенская девушка смогла добиться того, что ей доверили командо-

вание большим войском. Первое рационалистическое толкование дает де Аян. Он объясняет, что чудо с этой девушкой было «задуманно, подготовлено и проделано ловкими военачальниками (...) Такова сила религии и суеверия». Короче говоря, они поняли, какую пользу может извлечь король из появления Жанны, и сделали из нее «чудо», которое и «работало» некоторое время...

Хапперт пишет, что религиозная версия рождается несколько позже – в «Анналах» Бельфоре. Здесь Жанна наивна и чистосердечна. Бог сделал эту бедную пастушку исполнительницей своей воли, так как он – согласно более позднему уточнению историка Мезерея, весьма, как видно, информированного, – хотел спасти дофина. Жанна – орудие Провидения, и она идет от чуда к чуду. Если она попала, то это потому, что преступила пределы своей миссии. После коронации короля эта миссия была завершена, и «ей следовало возвратиться домой. Однако она заупрямилась. И Бог, требующий беспрекословного повиновения, не должен был ради нее продолжать творить чудеса» (1.7).

Несколько веков спустя монархия пала, и для республиканского правительства описание подвига Жанны уже не являлось источником затруднений. Таким образом, сохраняются два противоположных взгляда на ее историю – религиозный и светский.

Нынешних католиков больше всего смущает руан-

ский процесс, осуждение Жанны аббатом Кошоном, ставшим палачом этой святой. Иногда Кошона на иллюстрациях незаметно убирают (1.5) или же утверждается, что церковь изгнала его из числа священнослужителей. Таким образом, ответственность всецело перекладывается на извечного – и к тому же принявшего протестантизм – врага: англичан.

Неверующих же смущают «голоса», которые Жанна слышала в Домреми. На иллюстрациях избегают изображать Святого Михаила и Святую Екатерину. Утверждается, что голоса были «внутренние», а самые решительные говорят о «галлюцинациях».

Историк Эрнест Лависс, как человек, служивший Республике, мечтавший о реванше над Германией и стремившийся объединить общественное мнение разных кругов, включая католиков, искал формулу, приемлемую для всех. «Жанна слышала кого-то, кто велел ей быть доброй и разумной (...) Она верила, что слышит голоса, идущие с неба. Эти голоса говорили ей о несчастьях Франции». Процесс был делом «епископа-злодея Кошона» (в издании 1904 г., современном началу Сердечного согласия, следовало считаться с англичанами). Поднимаясь на костер, Жанна говорит злодею-епископу города Бове: «Епископ, я умираю за вас». Католическая честь, однако, спасена, поскольку Лависс вводит монаха; когда Жанна поднимается на костер, неподалеку от нее становится монах: «Я хо-

чу видеть его, умирая», – говорит Жанна. А последний крик, который она испускает: «Иисус!» Как и Мезерей, Лависс проявляет восхитительную информированность, потому что о смерти Жанны д'Арк не осталось никаких свидетельств. Она, конечно, умерла на костре, но все остальное – вымысел.

Любое покушение на религиозную трактовку образа Жанны вызывает бурную реакцию. Об этом свидетельствует также относящееся к 1904 г. дело Талама.

Преподаватель истории Талама предложил ученикам написать сочинение о Жанне д'Арк. Один из них написал:

«Она есть гордость религии, а не языческая богиня (...) В короле она видит лишь заместителя Христа. Она явилась, чтоб возвратить Францию Христу». Такое толкование не встретило одобрения преподавателя, при этом он, как сам утверждал, руководствовался следующими соображениями: «Не следует вводить в историю чудо. Как историк я не должен верить в Бога, который не является исторической личностью. Жанна явилась вовсе не для того, чтобы завоевать Францию Христу. В ее личности не было ничего сверхъестественного, это была простая, славная крестьянка. У нее были слуховые галлюцинации, которые она объявила голосами небесного происхождения». Поскольку у ученика не говорилось о процессе, то преподаватель

восполнил лакуну, объяснив, что «сегодня этот процесс выглядел бы несправедливым».

«Журнал начального образования» писал: «Конечно, в лицее Кондорсе, где преподает Талама, есть дети из религиозных, клерикальных, неистово фанатичных семей, настроенные против учителя; ученик? 8, главный свидетель обвинения, заявил, что преподаватель говорил: «Я не верю в вашего Бога, а еще меньше в его служителей», – однако тот же самый ученик за несколько дней до того утверждал: «Преподаватель сказал, что как историк он не должен верить в Бога (...)»

Г-н Шомье, директор, бросил Талама упрек, что «тому не хватило такта и чувства меры». Учителя и преподаватели пришли в волнение. По этому вопросу в муниципальном совете Парижа выступил Шассень-Гийон: «Демонстрация преподавателей в поддержку Талама на самом деле направлена против Жанны д'Арк, потому что она является воплощением патриотизма (...) Настало время вмешаться и вернуть этих зарвавшихся чиновников к здоровому взгляду на вещи (...) Завтра они скажут, что знамя – это всего лишь тряпка, казарма – гнусность, а родина – это утопия».

Ги Файе, социалист и антиклерикал, также осудил Талама. «Он посягнул на славу Отечества, что преступно. Что делать, если находятся люди, которые придираются и высмеивают божественную миссию этой возвышенной ясновидящей. Но и вам, господа реакци-

онеры, не дано право говорить о Жанне д'Арк. Вы что, забыли, что это ваши епископы, ваша церковь схватили ее, судили и послали на костер? Вы совершаете святотатство, предъявляя права на Жанну, о которой не вспоминали пять веков. Она – дочь Франции, ваша же родина – это Рим, Церковь, Ватикан».

Г-н Талама получил выговор, и отныне «ни один учитель, не был защищен и уверен в завтрашнем дне. Все мы отданы на милость первого попавшегося неуча, которому вздумается пожаловаться, первого доносчика, будь он туп или умен». Ведь подобное «дело» может возникнуть по поводу любого персонажа, вокруг которого спорят верующие и неверующие, будь то Хлодвиг, христианская героиня Бландина или Фенелон... Она может возникнуть по поводу христианских героев, которых не признают в светском мире, и по поводу светских, которых не признают христиане. Такое «дело» может возникнуть между протестантами и католиками, реформаторами и традиционалистами, революционерами и контрреволюционерами, милитаристами и пацифистами, социалистами и республиканцами и т. д., не говоря уже о фашистах, о коммунистах в XX в., о новых распрях между коллаборационизмом, Петеном и движением Сопротивления, а затем о расколе по поводу алжирской войны.

Пример Жанны д'Арк позволяет нам приблизиться к современности, поскольку в тридцатые годы Жанна

сеяла раздоры между французами, а при правительстве Виши была поднята, как знамя, Петеном, но также и Соппротивлением...(1.5).

Если так обстоит дело с Жанной, то что говорить о более животрепещущих, более близких примерах, прежде всего о Реформации вместе со всеми порожденными ею конфликтами, великолепно проанализированными в коллективном труде под руководством Ф. Жутара (1.8), или же о Французской революции, обо всех различиях в ее толковании и в отношении к ней (1.9), не говоря уже о реакции, которую вызывает любое упоминание проблем колониальной экспансии, Виши и т. д.

Было бы иллюзией, однако, думать, что более отдаленное прошлое не может породить споров и конфликтов. Например, вопрос о происхождении французов: за XVIII-XIX вв. концепция, согласно которой благородные франки воплощали в себе свободу германских лесов, противопоставляя ее деспотической христианской монархии, сменилась теорией, по которой носителями демократических свобод были галлы⁵².

---

⁵² «...Носителями демократических свобод были галлы». Так называемый германо-романский вопрос, о котором здесь идет речь, является одним из главных теоретических вопросов французской историографии XVIII – первой половины XIX в. Стремясь оправдать привилегии дворянства, дворянские историки XVIII в., в первую очередь Буленвилье, выдвинули теорию, согласно которой дворяне Франции – это потомки народа-завоевателя, франков, а вся остальная нация – потомки побежден-

В наше время появился новый «фронт» противостояния. Политика чрезмерной централизации, постоянное предоставление преимуществ одним регионам в ущерб другим породили реакцию в провинциальном сознании, и это привело к оформлению контристории. Суть ее состоит в неприятии имеющей якобинское происхождение идеи, согласно которой прогресс, воспринимаемый как смысл истории, отождествляется с ростом могущества государства. Начался процесс анализа замалчиваний и пропусков в истории, считавшейся объективной. Так, «брачный союз» с Бретанью оказался насильственным, Корсику пришлось усмирять после того, как она была «куплена». Замалчивалось и то, каким образом Тулузское графство было присоединено к королевскому домену, как свободная Каталония

ных галло-римлян. Буленвилье оправдывал таким образом и борьбу аристократии за ограничение абсолютизма, т. е. за сохранение ее исконных «свобод». В начале XIX в. эту идею подхватил крупный историк дворянского направления Ф. – Д. Монлозье. В противовес дворянскому германизму вначале была выдвинута теория о том, что завоевания не было, а франки были союзниками и друзьями галло-римлян (аббат Дюбо, 1734 г.). В XIX в. выдающийся французский историк Огюстен Тьерри (1795–1856) предложил совершенно новую трактовку германской теории. Приняв мысль о том, что война дворянства с третьим сословием являлась борьбой двух народов – завоевателя и побежденного, Тьерри развил ее, доказывая, что «коммунальная революция» во Франции, т. е. борьба населения средневековых городов за освобождение от власти сеньоров, была продолжением борьбы потомков галло-римлян с потомками франков. И история демократических учреждений возводилась таким образом к галло-римлянам.

в 1793 г. была ограничена ее заперенейской частью... Такова была якобинская политика, повторение которой обнаруживается в политике Советской России на ее окраинах. Здесь это называлось наступлением социализма.

Так, понемногу вырисовываются разные видения истории, более или менее отличные от традиционного, того, что дается в школе. И в них во всех воплощается память французов, объединившихся вокруг Пантеона героев «школьной» истории – так прекрасно проанализированного Амальви (1.5), – или, наоборот, разъединенных этими героями.

Все это не означало воцарения хаоса. Но огромное разнообразие взглядов, демократический подход к отображению жизни сами по себе как бы отрицали свойственный науке объективный подход. И в то же время это разнообразие показалось опасным государству, и оно положило ему конец. Профессора истории горячо спорили как с левыми, так и с правыми, стремясь будто бы установить «историческую истину», соответствующую «фактам». Но сам выбор этих фактов, разве он не был продиктован идеологией? Понятно, что именно во Франции победила школа «Анналов»⁵³, ратующая за «клинический» анализ историче-

---

⁵³ »...во Франции победила школа «Анналов». Школа «Анналов» – историографическое направление, сложившееся вокруг журнала «Анналы экономической и социальной истории» (в настоящее время –

ского прошлого.

Традиционная история по образцу Лависса была уязвима. Африканцам она рассказывала о «наших предках галлах», а юным французам в 1958 г., пред-

---

«Анналы. Экономика. Общества. Цивилизации»), основанного в 1929 г. выдающимися французскими историками Марком Блоком и Люсьеном Февром. Плодотворность и жизненность подходов основателей «Анналов» доказаны 60-летним существованием журнала. Несмотря на смену поколений в его руководстве (после М. Блока и Л. Февра – Ф. Бродель, а затем третье поколение – Ж. – Ле Гофф, Э. Леруа Ладюри, М. Ферро и др.), а вместе с тем и некоторую смену позиций, «Анналы» неизменно находятся в центре внимания всей гуманитарной науки Запада и во многом сохраняют лидирующие позиции. В настоящее время школа «Анналов» – это мощное интеллектуальное движение, объединяющее ученых не только Франции, но и США, Англии, Германии, Австрии, Италии, Польши и других стран. Следует отметить, что Марк Ферро является одним из нынешних руководителей «Анналов» и одним из ярких представителей школы. Для ученых, близких «Анналам», характерны широкие междисциплинарные подходы, использование методов психологии, лингвистики, семиотики, интерес к ментальным процессам в обществе, т. е. к массовым восприятиям и поведению, коллективной психологии, демографии, к исторической антропологии. Современные «анналисты» по-новому рассматривают историческое событие, факт, биографию исторического деятеля, видя в них призму, сквозь которую можно рассмотреть и воссоздать более полную картину жизни людей прошлого. В рамках школы ведется острая полемика о принципиальной возможности, границах и перспективах исторического синтеза и о месте истории в современном комплексе гуманитарных наук. Эта полемика косвенно отразилась на страницах книги М. Ферро. В СССР школа «Анналов» давно привлекала внимание специалистов, прежде всего медиевистов. В 1989 г. в связи с 60-летием журнала «Анналы» в Москве прошла международная конференция «Школа «Анналов» вчера и сегодня», вызвавшая большой интерес историков.

ставляя вторую мировую войну, забывала рассказать о коллаборационизме, о Виши, о Петене...

Во Франции говорят, что государственная власть не любит истории с ее вопросами и сомнениями; если это правая власть, она не любит также и философии. История цивилизаций была введена в программы как обновленная история; это объясняли необходимостью соответствовать современному уровню развития гуманитарных наук. Но то, что у ученых было прогрессом по сравнению с историей событийной, в системе передачи и приобретения знаний, да еще в руках министерских чиновников стало шагом к разрушению исторических представлений.

Вместо того чтобы изучать периоды, стали изучать темы. Предлогом служило то, что прежде история не формировала умы, а скорее забывала головы ненужными деталями, датами. А тут еще сказался прогресс наук о человеке, деидеологизация истории, стремление придать ей характер «истинной» науки. Однако в школьных программах внешний прогресс достигался в ущерб приобретению исторических знаний, т. е. в ущерб памяти нации, ее самосознанию.

Но ведь и это самосознание – объект истории, даже если в основе его спорные и оспариваемые факты, как показал пример Жанны д'Арк. Об этом, однако, нет и речи: программы и так перегружены. Впрочем, если дело касается того, чтобы пожертвовать «второстепен-

ной» историей, власти всегда поступают решительно. И вот история уже не преподается в младших классах; в них действует программа так называемой пробуждающей деятельности, в которой история – лишь факультативный предмет.

Одновременно с этим преподаванию истории бросили вызов средства массовой информации, прежде всего телевидение. Домашний экран представлял за редким исключением, так сказать, «стерилизованную», беспроблемную историю, далекую от анализа истоков настоящего. Это история грез, своего рода экзотика, необходимая для расслабления по вечерам уставших граждан. Телевидение неизмеримо привлекательнее преподавателя в классе, и оно стало оказывать свое воздействие на познание истории, стало как бы конкурирующей «параллельной школой». Однако преподаватели поначалу не придали этому значения. Они заняли по отношению к телевидению высокомерную и снисходительную позицию, как когда-то их предшественники по отношению к кино. Тем не менее им волей-неволей пришлось отказаться от позиции наблюдателей и превратиться в посредников. В скором времени они оказались вынужденными вместо собственного урока комментировать чужой, таким образом беря на себя роль как бы вспомогательного учителя для своих учеников.

К этому добавлялись удары со стороны издателей.

Почувствовав кризис образования, ярко проявившийся в мае 1968 г., они приступили к работе над книгами, в которых на смену историческому повествованию, якобы вышедшему из моды, дискредитированному, нежизненному, пришли документы и статистика и снова тематический подход. Вместо того чтобы дополнять средства массовой информации, издательства хотели конкурировать с телевидением (как железные дороги во Франции пытаются конкурировать с авиацией). Книжки переполнились картинками, огромными цветными картинками, на их страницах ставились целые спектакли... Если передача должна была насчитывать 52 минуты, или 13, или 26 минут, то и в каждой главе должно быть одинаковое количество страниц. На каждой странице столько-то картинок и фотографий и т. д. От истории, которая давила обилием материала, перешли к истории, выдаваемой по крохам. Рациионы ее стали мизерны, форма подачи неудобоварима, язык непонятен. Над текстом книги возобладал ее макет.

Подобные книги в руках школьников, конкуренция телевидения, все более жесткий министерский контроль, инструкции и инспекции, вмешательство различных ассоциаций – все это вместе привело к тому, что история была попросту убита. Система породила настоящий хаос. Дети «не стали знать историю». И как бы компенсируя это, как грибы осенью стали расти обозрения в журналах, комиксы, в которых исто-

рия, какой она была во времена отцов, воспроизводится в свете сегодняшнего дня.

Тут возникло противодействие; его вдохновителем стала «Ассоциация преподавателей истории». Выступая за использование кино в преподавании, за изучение современности, за восстановление истории как обязательного предмета в начальной школе, разумное планирование программ, она сумела сплотить вокруг себя все группы историков и выиграть первые сражения. Правда, и история тем временем обрела новые возможности.

Ведь она многому научилась; итог и опыт последних двадцати лет далеко не во всем негативен, отнюдь. И прежде всего благодаря интенсивным размышлениям о том, что такое история, о ее методах, функционировании и задачах, будь то идеи М. Фуко⁵⁴ или иска-

---

⁵⁴ Фуко Мишель-Поль – выдающийся современный французский философ-структуралист, историк и теоретик культуры, семиолог. Фуко начал с трудов по проблемам психиатрии, рассматривая критерии определения понятия «психическая болезнь» и его социальной обусловленности («Безумие и неразумие: История безумия в классический век», 1961). Затем он изучал в совершенно непривычном ракурсе чисто медицинскую проблему лечения болезни, установив ее связи с совокупностью различных социальных факторов и отношений («Рождение клиники: археология взгляда медика», 1963). Большой резонанс имела работа Фуко по истории и теории гуманитарных наук («Слова и вещи: археология гуманитарных наук», 1966), в которой предпринята попытка вычленения единого мыслительного пространства не только отдельных наук, но и их совокупности в разные периоды культурного развития Европы. Это единственная работа М. Фуко до настоящего времени переведенная на русский

ния школы «Анналов», Поля Вейна (I.16) или же выступления с защитой или критикой так называемой марксистской истории. А от прежней системы преподавания истории пронесшийся над ней ураган оставил одни обломки.

Итак, желая получить непосредственное представление о «пробуждающих» занятиях, я отправился на уроки истории в начальную школу моего квартала Сен-Жермен-ан-Лэ. Мое изумление не поддается описанию.

Школа «Ампер» – самая обыкновенная. Я не выбирал ее специально, не пользовался никакими рекомендациями. Просто обратиться туда мне было удобнее всего. Когда-то здесь училась моя дочь Изабель. И вот я явился туда совершенно неожиданно и, встретив прекрасный прием у директора и преподавателей, со следующего дня присутствовал на уроках.

В классе Алины Жосс на втором году обучения дети 9-10 лет рассматривали историю Франции через призму истории квартала Сен-Жермен. Смысл обретал каждый камень, каждый портал, каждый городской пейзаж. Каждое изменение в облике города рассматри-

---

язык. Другие крупные работы Фуко – «Археология знания», 1970, «Запад и истина секса», 1976 и др. В современной западной науке труды Фуко пользуются большим авторитетом. Его идеи, методология исследования оказали огромное воздействие на развитие всей гуманитарной мысли, их влияние, в частности, несомненно, сказывается в деятельности нынешнего поколения школы «Анналов».

валось по отдельности и тут же вписывалось в широкую историческую перспективу. В курсе истории средних веков Маргерит Трюблен я попал на турнир. Разглядывая печать Ангерана де Мариньи (1310), восстанавливали все стороны жизни знати: анализ миниатюры с изображением турнира дал повод к упражнениям, достойным Ролана Барта⁵⁵ – знаменитого специалиста по семиотике. Рассуждение вращалось вокруг слова «турнир», вокруг различных способов исторического письма. Что мы можем извлечь из сопоставления повествования, сказок, картинок?

На уроке Николь Дармон (первый год, 8-9 лет) я сначала не поверил своим ушам. Как и на предыдущих уроках, это было не вещание с высокой кафедры, а именно пробуждение мысли. Я хотел сохранить себе какое-нибудь свидетельство, и вот привожу здесь коллективный текст – итог урока. Искусствовед Пьер Франкастель возликовал бы в могиле, если бы увидел, что за два часа урока удалось понять в Возрождении тридцати мальчишкам и девчонкам. При этом в их рас-

---

⁵⁵ »...дало повод к упражнениям, достойным Ролана Барта» – Похвала чрезвычайно щедрая. Ролан Барт (1915–1980) – выдающийся французский культуролог, семиолог, лингвист и литературовед. Учительница М. Трюблен использует в своем уроке методы, на уровне науки разработанные Р. Бартом. Это, в сущности, методы семиотики – науки о знаковых системах в природе и в обществе. Рассматриваемый предмет становится здесь своего рода знаком, позволяющим распознавать определенную, в данном случае социальную целостность.

поряжении была дюжина репродукций, ничего больше. Текст был составлен у меня на глазах, я точно воспроизвожу его, лишь кое-где исправив орфографические ошибки.

Вопрос: Почему XV и XVI века назвали Возрождением? «Рассматривая наши картины, мы установили, что если в средние века человек интересуется в основном своим спасением (Элоиза), то с XIV в. он начинает интересоваться всем миром (Жан-Марк) и самим собой (Сесиль). Начиная от Фра Анжелико и его картины «Снятие с креста» (1435) и до Тициана с его «Мадонной с кроликом» (1530), пейзаж приобретает все большее и большее значение (Паскаль). Стремятся изобразить пространство (Стефани), вводя, например, в картину зеркало, как в «Чете Арнольфини» ван Эйка (Амели), или конструируя перспективу, как на «Портрете канцлера Ролена». Заметно также, что становится много портретов (Валери): это портреты буржуа и крестьян у Брейгеля (Николя), но прежде всего портреты дворян и принцесс: у Рафаэля и Пьетро делла Франческо.

Художник также любит изображать себя; ему нравится любоваться собой (Эммануэль); таков автопортрет Дюрера. Библейская сцена подчас становится не более чем предлогом, как на картине Веронезе «Брак в Кане Галилейской».

Скульпторы, как и в античную эпоху (Оливье),

интересуются изображением человеческого тела (Софи). Архитектура обогащается загородными дворцами (Анн-Франс), вроде Шамбора, Шенонсо. Элементы древнего укрепленного замка теперь играют лишь декоративную роль.

В эпоху Возрождения развивается научная мысль (Марина), появляются автоматические устройства Леонардо да Винчи. Галилей в противоположность церковному учению заявляет, что Земля вращается вокруг Солнца».

Признаюсь, я был восхищен. Конечно, я задавал себе вопрос: а что, этот Сен-Жермен, эти турниры, Возрождение и замки – это страх перед историей или подчинение ее соблазну, тяга к истории? Ведь, насколько я себе представляю, такой подход гораздо труднее осуществить по отношению к революции или фашизму, к Парижской Коммуне или к коллаборационизму. Тем не менее я очень надеюсь, что это получится, и тогда у этих граждан и гражданок будет понимание истории, сформированное их собственными усилиями. Это действительно пробуждение, и оно стоит дороже любого навязанного знания: книгой ли, учебным курсом или фильмом.

Примечание

История в Англии меньше страдает франкофобией, чем во Франции – англофобией. Пьер Данино в «Уроке истории» (I.21) отмечал, что англичане чествуют Жанну д'Арк, «как самую храбрую женщину всех времен (...), великую героиню, святую...» Настольная книжка всех английских детей (Пир-Плоуман) заключает: «Со стыдом вспоминают сегодня англичане своих предков». Единственный момент, который тут фигурирует и о котором не вспоминают французы, – это порка, которую получила Жанна в 1428 г. Услышав голоса, она отправилась к местному сеньору, а «он приказал людям, которые привели Жанну д'Арк, отхлестать ее, как следует, и отправить обратно к отцу». Наблюдения Данино подтверждают и другие источники, например написанная Кипплингом и Флетчером история Англии. Здесь говорится о «дочери Бога (...), жизнь которой была безупречна (...) и которая заставила поверить в свое предназначение (...); англичане взяли ее в плен и сожгли как ведьму, но образ ее и сегодня живет в сердцах всех добрых французов (и всех добрых англичан)» (I.21).

Тексты о Французской революции весьма суровы по отношению к Франции. «Это старая история: Франция,

которая хочет господствовать над миром... Началось это так. Претензии к королю, конечно, имели основания, и старый режим разом рухнул (...) Но стали проповедовать новое Евангелие во имя выдуманных естественных прав; все правительства – тиранические, религия постыдна; долой других и да здравствует «Мы»! А «Мы» – это жаждавшая крови чернь Парижа и других городов».

Напротив, к образу Наполеона отношение более терпимое. Мы не встречаем здесь «корсиканского людоеда» и видим сочувствие романтической судьбе, восхищение военным гением, признательность человеку, восстановившему порядок и религию (I.21).

Во Франции англофобия впитывается с раннего детства: она ведет свое начало от извечных конфликтов с соседом, которого никто не мог поставить на колени. И кроме того, англичане брали верх над героями национального Пантеона: Жанной д'Арк, Наполеоном, полковником Маршаном и т. д. Англичане изгнали французов из Индии, они всегда появлялись как выигрывающая сторона, чего нельзя сказать о французах. Англичане всегда первенствовали в области вооружений: лучники победили всадников при Креси, флот сухопутную армию в XVIII в. В XVIII-XIX вв. верх взяли английские деньги, не говоря уже о громадном превосходстве Англии в этот период в области техники и промышленности. Завистливое восхищение француза достижениями

ями соседа уже накануне XX в. прекрасно выражено у Жюль Верна. А в конце 70-х годов француз втихомолку смеялся над «упадком», как он считает, своего соперника.